О преславнии просветителие словенских языk, святии равноапостолbнии Мефодие и Кирилле, ваших писмен и учений светом просветившеся и в вере Христовой наставлbшеся, яко чада ko отцем, усердно нbне прибегаем и соkрушением сердечнbм молимся: аще и завет ваших не соблюдохом, о угождении бо Богу небрегохом и от братняго единомbслия в вере отпадохом, обаче якоже древле в земном житии вашем, сице и нbне грешнbх и недостойнbх не отвратите тщи, но, яко имуще велие ko Господу дерзновение, прилежно Того молите, да обратит нас в путb спасения, да умирит раздорbı единоверnbх, да приведет k единомbслию отпадших и всех нас духом любве да соединит Единей Святей, Соборней и Апостолbстей Церkви! Вемbı бо, яко много может молитва праведnbх по благосердию Владbıki. Не оставите убо нас, унbілbх и недостойнbх, чад ваших, ихже ради грехов паства ваша, враждою разделяема и соблазнми инославnbх прельщаема, умалися, овцbı же словеснbя, разреваемbı, восхищаются волki губителbнbми. Подаждbте убо нам молитвами вашими ревностb Православия, яко да отеческая предания добре сохраним, kаноnbı церковnbя верно соблюдем, всяkих лжеучений страннbх отбежим и, тако в житии богоугоднем преспевающе, жизни райския на Небеси сподобимся, идеже kупно с вами прославим в Троице Единаго Бога во веki веkов. Аминb.

только для чтения

Самарская митрополия Русской Православной Церкви

Духовный Собеседникъ

2013 №3(65)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Высокопреосвященнейший СЕРГИЙ,
митрополит Самарский и Сызранский

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

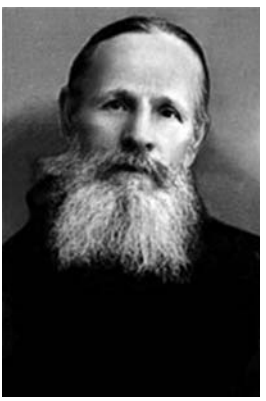
Епископ Никифор (ХОТЕЕВ)
Епископ Софроний (БАЛАНДИН)
Архимандрит Георгий (ШЕСТУН) - гл. редактор
Протоиерей Николай МАНИХИН
Протоиерей Николай АГАФОНОВ
Архимандрит Вениамин (ЛАБУТИН)
Протоиерей Олег АГАПОВ
Протоиерей Евгений ЗЕЛЕНЦОВ
Протоиерей Игорь МАКАРОВ
Протоиерей Димитрий ЛЕСКИН
Протоиерей Александр УРЫВСКИЙ
Протоиерей Рустик ГУЗЬ - секретарь ред. совета
Протоиерей Алексий БОГОРОДЦЕВ
Диакон Алексий ПОДМАРИЦЫН
Д.В. СИВИРКИН
Е.П. БЕЛЬЧИКОВА
Ю.В. ИЗЪЯТСКИЙ

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:
Мария ВИННИКОВА - редактор
Елена КУЗНЕЦОВА - редактор
Анна КОВАЛЕНКО - корректор
Анастасия СНОПОК - набор
Евгений АЗИМОВ - верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.
Почтовый адрес: 443110, г. Самара, а/я 12892.
Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-75-12.
E-mail: ds@samtel.ru
Электронная версия «ДС» в Интернете: www.sobesednik.orthodoxy.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ



Молитва 1

Святоотеческое слово
Святые отцы о слове 4

Трибуна русской мысли
Александр ПАНАРИН
Агенты глобализма 12

Возвращение образа
Василий (Фазиль) ИРЗАБЕКОВ
Русский язык о семье как малой Церкви 58

Как слово наше отзовется
Виктор ПЕТРЕНКО
Слово в нашей жизни -
самоцель или инструмент? 64

Русское добротолюбие
Алексей НИЛОГОВ
Философия русского слова 68
Владимир КОЛЕСОВ
Правда закона - в истине благодати 71

Не сотвори себе кумира
Андрей ПОПОВКИН
«Опасные игры с восточным драконом» 86

Глаголы жизни
Архиепископ Антоний (МИХАЙЛОВСКИЙ)
Молитва умно-сердечная деятельная 102

Память сердца
Таисия ИЛЬИНА
Уроки любви 118

По святым местам
Татьяна ШКУРАТОВА
Паломничество к хитону Спасителя 138

Святые о слове

О молчании духовном

Взирай, христианская душа, на священный образ духовного молчания, представленный частию и в лице Иосифа праведного, наипаче же в лице преблагословенные Мариами, и познавай сокровенную величественную красоту души Ея, о Которой написал Пророк: вся слава Дщере Царевы внутрь; познавай и возлюби эту духовную красоту; возлюби и подвизайся, чтоб и тебе хотя отчасти облечься этой красою Дщере Царевы и по следам Ея добродетели достигнуть и Ея блаженства, ибо приведутся царю девы вслед Ея.

Встречаешь ли непонятное в вере? – Не спеши любопытствовать или прекословить: но в молчании внимай глаголу веры и терпеливо жди времени, когда глаголющий в притчах удостоит тебя изъяснения оных живым словом и опытом.

Примечаешь ли в словах или в делах ближнего нечто странное и, как тебе кажется, неправильное? – Не торопись обличать и судить, если тебя не призывает к тому должность отца или пастыря, начальника или наставника. Не будь праведен, как фарисей, который себя одного находил таким в целом мире: несмь, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы (Лк. 18,11); но будь праведен, как Иосиф, сиречь – благ и кроток.

Опасаешься ли, что какое-нибудь твое дело веры или любви подвергнется превратным суждениям и нареканию? – Не провозглашай для сего твоей добродетели, чтоб, охраняя славу ее, не повредить чистоты ее. Открый не к человеком прекословием, но ко Господу молитвою путь твой... и Той сотворит. И изведет яко свет правду твою и судбу твою яко полудне (Пс. 36,5-6).

Посещает ли тебя благополучие, и радость расширяет сердце твое? – Не расширяй уст твоих для тщеславия, но слагай в благодарном сердце глаголы благодеющего Провидения.

Постигает ли тебя бедствие, и скорбь наполняет душу твою? – Не умножай воплей и стонов, во множестве которых по большей части слышны бывают отголоски упорства и непокорности судьбам Вышнего; но потерпи Господа, мужайся, и да крепится сердце твое (Пс. 26,14).

Свт. Филарет (Дроздов). Икона

Ни в каком случае не расточай напрасно слова, словесная тварь Слова Творческого! Если словом Бог сотворил все, а человек сотворен по образу Божию, то какие величественные действия надлежало бы производить слову человека! В самом деле, оно исцеляло больных, воскрешало мертвых, низводило с неба огнь, останавливало солнце и луну и, что всего важнее, соделавшись орудием Воплощенного Слова Божия - оно претворяло, как и претворяет, растленных грехом человеков в новую тварь, чистую и святую. Так действует слово человеческое, когда крепко бывь заключено в горниле благоговейного молчания и разжигаемо тайною внутреннею молитвою, оно получает свойственную ему чистоту и силу, или лучше сказать - становится причастным силы Слова Божия и Духа Святого. И сие ли могущественное, зиждительное, священное орудие мы обращаем на действия нечистые, разрушительные, святотатственные, как то: на злоречие, клевету, хуления, или легкомыслием раздробляем оное на легкий прах и разсыпаем по ветру в суетном празднословии!

Некто сказал о себе: девять помышлений ублажих в сердцы моем, а десятое изреку языком (Сир. 25,9). Так берегут слово знающие цену его. По крайней мере, христианин, не скор буди усты твоими (Екк. 5,1): давай себе размыслить, во благо ли тебе и другим будет слово, которое ты рождаешь в мир и которое, как бы ни казалось малым или ничтожным, будет жить до последнего суда и предстанет на нем в свидетельство или в пользу тебя, или против тебя. Примем к руководству и исполнению совет апостольского слова: всяко слово гнило да не исходит из уст ваших, но точию еже есть благо к созданию веры, да даст благодать слышащым. И не оскорбляйте Духа Святаго Божия, Имже знаменастеся в день избавления (Еф. 4,29-30).

Моя жизнь во Христе

Слово благодатное, писания св. отцев, молитвы, особенно же слово Самого ипостасного Слова - истинно вода живая; вода текуча, и слово течет, как вода; вода освежает и оживляет тело, и слово благодатное оживляет, проникает миром и радостью в душу или умилением и сокрушением о грехах.

***

Во время молитвы каждое слово нужно произносить сердцем с тою силою, какая содержится в каждом из них, как и лекарства принимаются, обыкновенно, с соответствующею каждому из них лекарственною, данною им от Творца, силою. Если выпустим силу или эссенцию лекарства, тогда оно не будет действенно и набьет только оскомину; так точно, если на молитве будем произносить слова без силы их, не чувствуя их истины сердцем, мы не получим пользы от молитвы, потому что истинная, плодотворная молитва должна быть в духе и истине. Слова молитвы соответствуют лекарственным составам или специям, имеющим каждая свою силу и вместе составляющим целебный для тела прием. Как аптекари берегут силу ароматичных составов лекарственных, держа их крепко закупоренными в стклянницах или в другом каком сосуде, так и мы должны хранить крепко силу каждого слова в своем сердце, как в сосуде, и не иначе произносить его, как с соответственною ему силою.

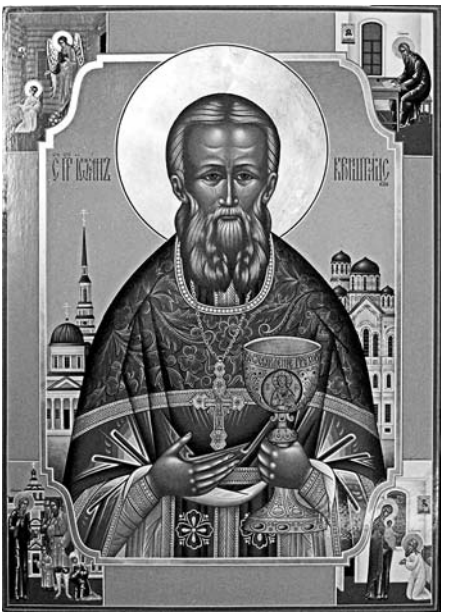
***

Слово есть Творец и Бог наш, всякое слово Его есть истина и дело. Таково же должно быть и наше слово (ибо мы во образ Божий сотворены), равно как и слово всех словесных существ, т.е. должно быть истиною и делом (слово благовестия Архангела Захарии, Деве Марии); у Ангелов и святых людей это так и есть; но у диавола, отпавшего от Бога, осталась одна тень мысли и слова без истины, без сущности дела, ложь, призрак; и как истинное слово, будучи образом Бога-Слова и от Него происходя, есть жизнь, так ложное слово диавола, будучи образом его, есть смерть; ложь непременно есть смерть, ибо, естественно, причиняет душе смерть то, что само отпало от жизни в смерть.

***

Слово есть выражение истины, самая истина, бытие, дело. Слово предшествует каждому существу, каждой вещи, как вина их бы-

тия - прошедшаго, настоящаго или будущаго. Аз есмь Алфа и Омега, начаток и конец, глаголет Господь, Сый, и Иже бе, и грядый, Вседержитель (Апок. 1, 8). Так говорит зиждительное Слово Отчее. В Нем - Слове - вина всех тварей настоящих, прошедших и грядущих.



Св. прав. Иоанн (Кронштадтский). Икона

***

Как в Боге Отец, Сын и Святый Дух нераздельны, так и в молитве и в жизни нашей мысль, слово и дело должны быть так же нераздельны. Просишь ли чего у Бога, веруй, что будет, сделается по твоему прошению, как Богу будет угодно; читаешь слово Божие - веруй, что все, о чем в нем говорится, было, есть и будет или сделалось, делается и сделается. Так веруй, так говори, так читай, так молись. Великая вещь слово. Великая вещь душа мыслящая, говорящая и действующая, образ и подобие Троицы всемогущей. Человек! познай себя, кто ты, и веди себя сообразно с своим достоинством.

***

Благоговей пред каждым словом, пред каждою мыслию слова Божия, писаний св. отцев и в том числе молитв и песнопений различных, которые мы слышим в церкви или кои дома произносим, потому что все это - дыхание и словеса Духа Святаго: это, так сказать, Сам Дух Святый, ходатайствующий о нас и чрез нас воздыхании неизглаголанными (Рим. 8, 26).

***

В каждом слове - Бог-Слово, простое Существо. Как же осторожно надобно выговаривать слова, с каким смирением, осмотрительностию, чтобы не прогневать Бога-Слова со Отцем и Духом?

***

В слове - образ Пресвятой Троицы, в слове и мысль, и слово, и дух. Молясь истинно от сердца чувствуешь, что молишься Духом

Святым: такою теплотою сердечною проникнуты слова; а иногда чувствуешь, что молишься не Духом Святым, но духом лжи: уста говорят одно, а сердце чувствует другое, часто совсем противное; например, выговариваешь слова с сомнением, в духе нетерпения, негодования на кого-либо, или в духе гордости, кичения, непризнания себя тем, чем должно признавать.

***

Всякое слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный (Мф. 12, 36). Видишь, что тебя ожидает ответ и наказание за всякое слово праздное, не только соблазнительное. Потому что у Господа нашего, Всетворца-Слова, нет и не может быть праздных слов: глагол Господень не возвратится к Нему тощ (Ис. 55, 11); не изнеможет у Бога всяк глагол (Лк. 1, 37); а мы сотворены по образу Божию, потому и наши слова также не должны быть произносимы впусте, напрасно, праздно, а каждое слово наше должно иметь духовную, поучительно-назидательную силу: слово ваше да будет всегда с благодатию (Кол. 4, 6)... Потому в молитве и в разговорах крайне наблюдай, чтобы тебе не говорить слова праздно, на ветер.

***

Ко всякому слову имей такое внимание и уважение, какое имеешь к живому человеку, и твердо веруй, что Слово Божие живо и действенно, как живое существо, как Ангел, и, по причине своей духовной тонкости, проходит до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным (Евр. 4, 12). Слово Божие есть Сам Бог. - Итак, когда говоришь, веруй, что ты имеешь дело с живыми, а не с мертвыми существами, с действенными, а не с косными и безсильными. Знай, что ты должен говорить с верою и уверенностью каждое слово. - Слова - живые бисеры. Ни пометайте бисер ваших пред свиниями (Мф. 7, 6).

***

Помни, словесное существо, что все сотворено Словом и все существует Им, и имей несомненную веру, что творение или претворение чрез слово твоих уст, властию Божиею, есть самое обыкновенное дело; потому же имей величайшее уважение к слову и не трать его по пустому, тем более не употребляй его в орудие лжи, - осудит Господь говорящих ложь. - О, Боже мой! мир духов и мир вещественный созданы и существуют Божиим Словом, Которое со

Отцем и Духом есть простое Существо, Дух, Единица, поклоняемая в Троице Ипостасей.

***

Слово в устах одних - дух и жизнь, а в устах других - мертвая буква (например, во время молитвы и проповеди). Глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть (Ин. 6, 63). Таковы должны быть по-настоящему и наши слова, ибо мы образы Бога-Слова.

***

Слово и в наших устах является уже творческим, образуя членораздельные звуки; с словом выходит живой дух человека, не отделяющийся от мысли и слова. Видите, слово по природе своей, даже в нас творительно. От чего же мы маловерны бываем и недоверчивы к творческой силе слова, например, в молитве, что она - это словесное служение - низведет к нам непременно милость Владыки? Так слово беспрестанно творит себе плоть: членораздельные звуки и письмена, или книги наши, не плоть ли, в которую облеклось слово? А мы так к этому прислушались и присмотрелись, что нам кажется это совершенно не заслуживающим особенного внимания. Не только природа Божества, но, по дару Его, и природа сотворенных тварей одушевленных - творительна под Божиим руководством: раститеся и множитеся (Быт. 1, 28). Души живых тварей растят себе тела, при Божием руководстве. Так человеки данною им от Бога силою доселе растут и множатся на земле; так люди и животные творят себе все необходимое для жизни, особенно - человек - это изобретательнейшее существо, которое изумляет своим безконечным творчеством во всех родах искусства. Так как Слово - Творец вездесущ, то везде, хотя не в безконечность, и творения Его раскинуты, и везде Он созидает и, если нужно, претворяет.

***

Святые исполнили слово Господа; Господь исполняет их слово: они делали для Него, - Он для них. В нюже меру мерите, - сказал Сам Господь, - возмерится вам (Мф. 7, 2). Вот почему Господь исполняет скоро молитвы за нас святых.

***

Слово Бога все равно, что Сам Бог. Потому несомненно веруй всякому слову Господа; слово Бога - дело: и твое слово должно быть делом; потому давши слово, непременно его исполни; потому и на молитве слова наши должны быть делом и истиною, а не ложью, не притворством, не лестью. Так и во всей жизни.

О СЛОВЕ БОЖИЕМ И О ПРЕДЕЛАХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ТВАРИ

Всякая человеческая мысль, всякое слово человеческое - есть энергия-сила. И если это верно по отношению к мысли и слову человеческому, то тем более верно по отношению к слову Божию, слову Христа.

Когда мы слышим Евангельское слово Христа, благоуханное, тихое, сладкое: «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога»... или: «Се заповедую вам, да любите друг друга»... или «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»,- то да не забываем, что это кроткое слово Христа есть та непостижимая беспредельная сила, которая вызвала из тьмы небытия к свету жизни все сущее, все бесчисленные миры, все неисчислимые в своем разнообразии твари разумные и неразумные.

Слово Христа, облеченное в смиренную, чувственно воспринимаемую форму человеческого тварного слова, могущего быть зафиксированным даже графически, оно, это слово, в своей глубине, в основе своей, есть энергия Великого Всемогущего Всетворца Бога, и о нем должно сказать то же, что сказано в Писании о Самом Боге, т. е. что оно есть огнь поядающий, приближаться к которому земнородный должен с величайшим благоговением и страхом (Евр. 12, 28-29).

Разжжено слово Твое зело (Пс. 118, 140), говорит Псалмопевец.

Слово Христа самое таинственное слово; оно неприступно, непостижимо даже для величайших умов, и в то же время оно так просто и ясно, что доступно даже и малым детям.

Слово Христа так нам близко, так оно понятно, естественно, так глубоко родственно нашему человеческому сердцу, и вместе, несомненно, оно бесконечно превышает силы тварного естества: оно Божественное, непостижимое, вышеестественное, и, как говорит Апостол Павел, не от человека оно и не по человеку (см. Гал. 1, 11-12).

Слово Христа, обращенное к свободному человеку, кроткое и безнасильственное, и в то же время оно беспредельно, совсем не по-человечески властно, как слово абсолютного авторитета, как слово безраздельного Владыки всего бытия. Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут (Мк. 13, 31), - говорит Христос.

Слово Христа, воспринятое глубокою верою, ведет человека к вечной жизни по такому пути, на котором он встретит многое

необычное, неведомое не идущим вслед Христу. На этом высоком пути - все, что может переживать и познавать человек в своем бытии, откроется ему. Свет слова Христа достигает последних пределов темной бездны, выявляя природу множества призраков истины, во мраке влекущих к себе человека. Слово Христа есть огонь, испытующий все, что есть в человеке и вообще в бытии мира, ибо, как свидетельствует Апостол Павел, нет твари, сокровенной от Него (Евр. 4, 13).

Прп. Силуан Афонский. Икона

Слово Христа есть дух и жизнь вечная, полнота любви и радость небес. Слово Христа есть несозданный Божественный свет... Обращается оно не к поверхностному логическому рассудку, но к глубокому сердцу человека, и тот, кто навстречу ему отверзает свое сердце до последней глубины, чтобы достойно воспринять сей Божественный свет, чтобы слиться с ним воедино, становится богоподобным.

Слово Христа, воспринятое в жизнь, богом творит человека.

Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил (Ин. 1, 18). Явление Бога-Слова (Логоса) во плоти и слово Его лежит в основе жизни христианина. Жизнь сия неизъяснима для не познавших опытом, и потому напрасною будет всякая попытка показать в слове то духовное место, где тогда находится человек. Пред ним открываются и бездна «тьмы кромешной», и вечный свет Божества, и сам он стоит пред ними. Он молится тогда духом, страдающим от сознания последней нужды. Он молится с величайшим напряжением, с полным сосредоточием своего существа. <...>

Литература:
1. Иоанн Кронштадтский, св. Моя жизнь во Христе. В 2 т. Минск: Дейта-Пресс, 1991.
2. Старец Силуан Афонский/ Иеромонах Софроний. М., 1994.
3. Филарет (Дроздов), митр. Слава Богоматери. М.: Елеон, 1996.

АГЕНТЫ ГЛОБАЛИЗМА

АМЕРИКАНСКИЙ ГЛОБАЛИЗМ

Выступившая в роли победителя в холодной войне Америка создала массу новых проблем для всего мира. В числе этих проблем не последнее место занимает идейная, связанная с вероломным отступлением победителя от принципов, которые обеспечивали ему широкую поддержку и признание. Преступление США перед современной демократией состоит в том, что они превратили ее в средство для достижения своекорыстных великодержавных целей и тем самым скомпрометировали. Когда им противостояла равная по силе держава, они говорили о новом мировом порядке, о плюрализме и полицентризме, о равноправном участии в решениях и об универсальных принципах демократии и справедливости. Но как только старая система сдержек и противовесов, связанная с биполярным устройством, рухнула, так сразу же держава, претендующая на роль мирового демократического авангарда, стала демонстрировать пещерный принцип силы, беззастенчиво попирать слабых, откровенно объявив о своих претензиях на безраздельное господство в мире. Нимало не смущаясь, она назвала зоной своих национальных интересов все постсоветское пространство, включая Украину и Кавказ.

Как пишет один из стратегов американской мировой гегемонии З. Бжезинский, «впервые в истории неевразийская держава стала не только главным арбитром в отношениях между евразийскими государствами, но и самой могущественной державой в мире» [1].

Евразийский континент не раз в своей истории сталкивался с вызовом мировой гегемонии. Но прежние завоеватели отличались от новейшего двумя чертами. Во-первых, они не ссылались на демократические принципы, то есть не морочили голову миру. Во-вторых, они были завоевателями-автохтонами, которым предстояло разделить все издержки и неудобства того порядка, который они воздвигали на континенте. В случае американского завоевания Евразии мы имеем дело, с одной стороны, с беспрецедентным вероломством страны, которая победила не силой оружия, а силой демократических лозунгов, какие тут же и отбросила, как только дело было сделано; с другой стороны – с двойными стандартами завоевателя, для которого Евразия – не местожительство, о качестве которого стоит заботиться, а всего лишь резервуар ресурсов и свалка отходов.

Нашему либеральному истеблишменту, подобно большевикам, нашедшему «главного врага» в собственной стране, а главного союзника – за океаном, предстоит задуматься над вопросом, до сих пор публично у нас не обсуждаемым, а именно: куда теперь двигаться от «политиче-

ского идеализма», так подведшего нашу доверчивую политическую элиту? Противопоставить демократическому идеализму «политический реализм» – суровую правду политики, касающуюся вечных истин: о том, что миром правит сила, а устремлениями держав – национальный эгоизм, что в переговоры лучше вступать, опираясь на внушительный потенциал, а не на веру в принципы, что за благопристойностью лозунгов прячутся грешные земные интересы и т. п.? Это означало бы, что мы отбрасываем парадигму прогрессизма в пользу консервативного скептицизма, который за ширмой «нового порядка» видит помыслы и поступки, старые как мир. С этих позиций великодержавное вероломство Америки, обманувшей своих замороченных демократических поклонников, выглядит банальностью, которую только доктринальная ослепленность очередного «великого учения» помешала увидеть.

В подобном подходе много правды, но, на мой взгляд, он грешит известным редукционизмом, сводящим новые случаи и прецеденты к давно известному инварианту. А самое главное в том, что эта парадигма «политического реализма» фаталистична и снимает вопрос о возможных и желательных альтернативах. В данном же случае мы имеем дело с таким вызовом зарвавшейся великодержавности, который человечество в целом и Россия в частности не может пассивно принять, и, следовательно, вопрос об альтернативах в ближайшем будущем, по всей вероятности, обострится.

В таком случае вместо рассуждения о вечных истинах силовой политики нам предстоит оценить великодержавный глобализм Америки как опаснейший мировой эксперимент и задуматься об истоках и основаниях этого эксперимента. Поэтому наряду со скептической мудростью, выносившей горькие истины о несовершенствах града земного, нам необходимо вооружиться концепцией, позволяющей по достоинству оценить, что привносят в историю инициативы, связанные с гордыней «нового человека», перекраивающего мир согласно своим амбициям.

До сих пор «новый человек» описывался и оценивался у нас в связи с большевистским тоталитарным экспериментом. Мы чуть было не поверили в то, что большевистское экспериментаторство – последняя из авантюр нового времени, за которой последует наконец торжество мудрости и справедливости. Американский глобальный вызов многих отрезвил и создал предпосылку формирования более общей картины «фаустовской души», беспрерывно мятущейся, соблазняемой все более «эпохальными», миропотрясательными авантюрами. Оказывается, в лице двух борющихся сверхдержав противостояли друг другу не авантюра и естественность, не гуманизм и бесчеловечность, а всего лишь разные типы авантюризма, ведущего игру ва-банк. Большевистская мировая авантюра уже известна от начала до конца. Американскую мировую авантюру еще предстоит осмыслить и описать.

Ощущение авантюристичности замысла, легшего в основание Соединенных Штатов Америки, было присуще отцам-основателям новой державы. Как пишет Артур Шлезингер: «В ранний период республики доминирующей была идея о том, что Америка – это эксперимент, предпринятый вопреки истории, чреватый риском, проблематичный по результатам»[2].

И хотя сегодня самосознание Америки и адептов американского опыта в других странах питается иллюзией «естественного порядка», унаследованной от эпохи Просвещения, более продуктивный подход к американской истории открывается теорией новационного риска. Речь идет об истории страны, не имеющей глубоких культурно-исторических корней, страдающей инфантильными комплексами и инфантильным самомнением, склонной к опасному эгоцентризму. Сегодня эта страна получила в свои руки беспрецедентные возможности. Сумеет ли она достаточно благоразумно ими пользоваться, не впадая в болезненную эйфорию? Нынешние американские заявки на однополярный мир – безраздельную планетарную гегемонию – заставляют в этом усомниться.

В данной работе автор не ставит своей задачей анализировать новую геополитическую доктрину Америки и логику однополярности как таковую. Эти вопросы рассматривались в других публикациях[3].

Предметом анализа здесь будет выступать не столько американское государство, сколько американское общество, порождающее болезни великодержавного мессианизма, гегемонизма и милитаризма.

Не геополитический, а социокультурный анализ комплексов, мешающих стабилизации американского мышления и характера, – вот путь, открывающий новые горизонты перед политической теорией, призванной вскрыть подлежащие исправлению «изъяны субъективного» в закладываемой конструкции глобального мира.

Новый анализ социокультурного состояния и перспектив американского общества назрел ввиду нешуточных претензий США на глобальную миссию в мире, связанную с тотальной переделкой последнего по американскому образцу. Поэтому вопрос о том, что на самом деле несет Америка миру, превратился в один из ключевых вопросов современности. Наш разговор – о комплексах гегемонистского великодержавного сознания, способного ввергнуть человечество в неслыханную катастрофу, превышающую все предыдущие. Это, в первую очередь, комплекс «нового человека», рвущего со старым миром. Мы привыкли приписывать этот комплекс большевизму. Но в том-то и состоит горькая прелесть «постлиберального» опамятования, что оно позволяет увидеть черты удивительного сходства двух борцов за мировую гегемонию. Один ушел в небытие; миру предстоит теперь задуматься о том, как избавиться от другого, оказавшегося не менее «экстравагантным». Соединенные Штаты были основаны эмигрантами. И комплекс эмигрантского со-

знания до сих пор пронизывает американскую политическую культуру, подпитываясь в ходе очередной эмигрантской волны. Свой прежний дом так просто не покидают. Для этого нужны особые экономические, политические или идейные основания. Эмигрантское сознание полно обиды, тоски и ненависти к прошлому, а также эйфорических надежд и жажды реванша. Это сочетание обиды и ненависти к оставленному старому миру (континенту) с верой в новую обетованную землю - важнейший из архетипов американского сознания.

Как пишет М. Лернер: «Философия американского представления о мире такова: Америка - это Новый Свет, тогда как весь остальной мир, помимо Америки, - это Старый Свет... Это ставит американцев в исключительное положение людей, верных природе, что может послужить оправданием вмешательству в дела мира, равно как и основанием для изоляции Америки от мира, запутавшегося в безнадежных раздорах. Таким образом, роль Америки как нации-отшельницы и ее роль как нации-освободительницы являются родственными импульсами в американской истории и в американском сознании...»[4].

Итак, с одной стороны - яростная обида на оставленную родину предков, с другой - надежда обрести новую родину, где никакие прежние стеснения и предрассудки не помешают стремлению к успеху. Американскому сознанию, таким образом, свойственна не холодная остраненность от остального мира, а полемическая противопоставленность, которая может питать то политику жесткого изоляционизма, то - мессианского интервенционизма.

Казалось бы, эмигранты последующих поколений могли бы избавиться от подобных комплексов и сформировать психологию укорененного народа, со спокойным достоинством относящегося к другим. Но провидению было угодно построить американскую историю как непрерывную череду эмигрантских волн, подпитывающих комплексы неукорененности «нового человека» и психологию отталкивания от Старого Света как от старого мира. Не случайно аналитики отмечают, что самые яростные из американских патриотов - это иммигранты в первом-втором поколениях. Этот горячечный патриотизм питается, с одной стороны, неостывшей обидой на прошлую жизнь и прошлую родину, с другой - стремлением к быстрому признанию на прежнем месте и демонстрациями лояльности. Нередко именно общины новых иммигрантов становятся пропагандистами американского величия и американского милитаризма: мировая мощь Америки воспринимается ими как гарантия того, что старый мир не посмеет вмешаться в их новую судьбу и карьеру.

Таким образом, с самого начала конституирование Америки как страны Нового Света было отмечено манихейским противостоянием остальному миру как погрязшему в грехах. Не страна, возникшая

рядом с другими, а новый мир, во всем противостоящий старому, - такова формула американского самосознания.

Конечно, история могла сложиться и по-иному. Люди, покидающие старую родину, могли нести комплекс ностальгических чувств и взволнованной памяти, что способствовало бы превращению нового континента в культурный заповедник, охраняемый от идеологического и политического браконьерства.

В некоторых случаях - как, например, с русскими эмигрантами-старообрядцами - это и в самом деле имело место. Но доминирующей тенденцией стала другая, связанная с известными дихотомиями естественного-искусственного. Метафизика разрыва с культурным прошлым является необходимой составляющей американского «этногенеза»; новая нация не получилась бы, если бы образующие ее группы не были готовы порвать со своим прошлым. Поэтому развенчание культурного наследия и самой культурной памяти как таковой стало обязательным идейным кредо американского «нового общества». Богатейшие культурные традиции оставленных эмигрантами стран по необходимости третируются как пережитки, от которых настоящему американцу требуется поскорей избавиться.

Так в основание американского государственного здания была заложена недвусмысленная культурофобия. На индивидуальном уровне обремененность культурными «комплексами» мешает американскому соискателю успеха добиваться своих целей, не гнушаясь средствами, которые «старые» культуры оценили бы как предосудительные. На коллективном, национально-государственном уровне эта обремененность рождала бы феномены двойного гражданства и мешала бы формированию безусловно лояльных, «стопроцентных» американцев. Позже этот прием приручения к Америке за счет разрыва с «прошлыми культурами» американские гегемонисты станут применять уже в мировом масштабе, формируя армии прозелитов из тех, кто по тем или иным основаниям оказался готов к разрыву со своими национальными культурами.

Таким образом, и американское гражданское общество, исповедующее мораль индивидуалистического успеха, и американское государство, в ходе мировых войн XX века подготовившееся к выполнению «мировой миссии», заражены культурофобией. На индивидуальном уровне культурная память, равно как и нравственная впечатлительность, мешают использовать те «технологии успеха», которые обещают наибольшую эффективность. Американский социал-дарвинизм с его законами естественного отбора и выживания наиболее приспособленных закономерно ведет к борьбе с культурой, заслоняющей «правду» естественного состояния и мешающей его приятию.

На коллективном (национальном) уровне культурная память находится в Америке на подозрении как препятствие для успешной ассими-

ляции и натурализации бывших эмигрантов (а вся Америка, в конечном счете, состоит из них). Наконец, на державном (или «сверхдержавном») уровне развенчание культурного наследия в качестве пережитков ненавистного традиционализма задано самой программой глобального мира как американоцентричного и американоподобного, что невозможно без решительного развенчания других культур как несовременных или недостаточно современных.

Отсюда становится понятной та прямо-таки большевистская энергия, с какой проводники американского «нового мира» приступили к борьбе с национальным культурным наследием в странах бывшего «второго мира» и на постсоветском пространстве.

Как человек, профессионально связанный с политологическим сообществом, могу засвидетельствовать удивительный феномен: превращение преподавателей научного коммунизма и пропагандистов советского образа жизни в пропагандистов «самой передовой» американской политической культуры и американского образа жизни. Дело не только в привычном конформизме людей, беспрекословно следующих новой установке сверху. Дело еще и в удивительном сходстве между «новым человеком» большевизма и «новым человеком» американизма: они обладают определенным единством ментальной структуры.

Большевистский «новый человек» завоевывал страну, полную «старых людей», обремененных грузом прошлой культуры и морали. Надо было всеми силами ускорить уход старого поколения, без которого в России не могла расцвести новая жизнь, полная варварского энтузиазма и идеологической «взволнованности». Тотальные чистки, голод, геноцид коллективизации и Гулага уменьшили физический объем «старого груза». К этому физическому геноциду добавился геноцид духовный: насильственное затопление старого континента культуры. Из всего прежнего наследия жрецы нового учения извлекли на свет «революционных демократов» – несмотря на их культурную «сухоту» и бесплодие, – а все остальное должно было быть построено на основе буквы заемного «учения». И вот на наших глазах история удивительным образом повторяется. «Чикагские мальчики», задумавшие в корне перестроить посткоммунистическую Россию, снова сетуют на культурное наследие, которое предстоит подвергнуть новой тотальной чистке. «Либеры» оказываются большими радикалами, чем коммунисты, ибо последних они обвиняют именно в том, что на деле они якобы оказались скрытыми традиционалистами, протаскивающими старые русские культурные и державные мифы в новой упаковке. Наши либералы также не стесняются заявлять, что «настоящая демократия» и «настоящий рынок» в России воцарятся лишь тогда, когда все старое поколение сойдет со сцены.

Нынешняя социальная и экономическая политика явно направлена на то, чтобы помочь ему уйти как можно скорее...

И снова, как и в случае с большевистской индустриализацией и коллективизацией, либеральная приватизация сопровождается неслыханной культурной чисткой. Мораль и культура, как и патриотизм и отечество, стали бранными словами новой идеологии, воюющей с национальным менталитетом. Особенность «культурной революции» либерализма по сравнению с культурной революцией большевизма заключается только в том, что тогда «новый человек» - завоеватель и разрушитель старого мира - должен был перейти из будущего, которое предстояло наскоро сконструировать; теперь же оказалось, что «новый человек» во всей красе и великолепии уже наличествует - он пришел к нам из-за океана как победитель в холодной войне.

Задача либерального талмудизма по сравнению с талмудизмом марксизма-ленинизма стала и проще, и приземленнее: вместо того, чтобы искать черты нового общества и нового человека в текстах «учения», их теперь предстояло узреть наяву - в лице американского образца. Так марксистский доктринальный утопизм превратился в раболепный «реализм» копировальщиков заокеанского опыта. Политологи, вышедшие из научного коммунизма, сохранив установку на решительный и бесповоротный разрыв с проклятым прошлым, идеологическую восторженность перед светлым будущим перенесли на Америку.

Американское политическое устройство, американская политическая культура и американский образ жизни, согласно кодексам «научного либерализма», требуют не менее скрупулезного изучения и неуклонного следования, чем тексты научного коммунизма.

И здесь, и там главной мишенью оказываются «старая культура» и «старая мораль». Но теперь место большевистского комиссара занял американский комиссар - представитель «воинствующего либерализма», с неусыпной бдительностью и неистовым пылом выискивающий и искореняющий следы старого менталитета и старой морали.

Прежде это называлось борьбой с буржуазными пережитками, теперь это называется борьбой с пережитками тоталитаризма. Таким образом, в основе и прежнего, и нового «очистительного мифа» лежит редукционистская процедура упрощения. С позиций большевистского комиссара богатейшие и разнообразнейшие пласты культуры оказывались сведенными к одной «буржуазной» составляющей. Вся старая культура ставилась на подозрение в качестве породительницы страшного исторического ублюдка - буржуазии. Теперь вся эта культура находится под подозрением как породительница тоталитаризма.

Не случайно труд Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура» превратился в манифест современного американского

культуртрегерства, насаждающего свой образец по всему миру. В этом труде вся мировая культурная традиция, по сути дела, делится на две части: американскую и неамериканскую. Из подозрения в тоталитарных поползновениях выведена только американская культура. Остальные расцениваются как более или менее обремененные микробами авторитаризма и тоталитаризма. Словом, в полном соответствии с манихейскими установками идеологического прогрессизма мир рассматривается как находящийся на марше – от тоталитарного прошлого к американоподобному либеральному будущему. Как и водится в таких случаях, здесь различают непримиримых врагов и идеологических попутчиков. Одни подлежат устранению, другие – классификации и отбору на возможную пригодность.

Культуры великих цивилизаций Востока и России относят к первой категории – как подлежащие окончательной выбраковке в ходе эпохального перехода от тоталитаризма к глобальной демократии. Что касается западноевропейской культуры, то она рассматривается не в своем самодостаточном значении, а только как «попутническая» и промежуточная – в контексте указанного глобального перехода.

Каков же критерий, позволяющий оценить и измерить степень демократической доброкачественности той или иной культуры? Анализируя новейшие манифесты американского либерализма, мы с изумлением открываем, что критерий здесь – чисто отрицательный. Оказывается, мерой инструментальной пригодности культуры в глобальном обществе будущего является пустота – освобожденность от прежних норм и догм, в том числе и моральных.

МЕТАФИЗИКА «ПУСТОТЫ» КАК ОСНОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОГО ГЛОБАЛИЗМА

«Пустота» имеет в американской культуре два взаимодополняющих значения – внутреннее и внешнее. В первом значении американец выступает как образец вольтеровского «дикаря» – носителя естественного начала, которое в других культурах оказывается подавленным грузом традиций и моральных предрассудков. Этот стереотип американская культура унаследовала от эпохи Просвещения, которая противопоставила безнадежной «запутанности» феодальных обществ простоту естественного человека с его разумным эгоизмом. Добуржуазное общество порабощало индивида, требуя подчинения различным коллективным ритуалам и мифам. Самоуверенность просветителей и их оптимизм были связаны с их антропологией – оценкой старого порядка как искусственного, навязанного

человеку неразумно устроенным обществом. Разумное же общество здесь выступало не в качестве умозрительной и усложненной конструкции, а как возвращение к естественному порядку, в центре которого выступает естественный человек. Буржуазный разумный эгоист, покончивший с традиционными предрассудками, требующими от него жертвенности, отождествлялся с естественным человеком, а буржуазные революции выступали как реванш естественного порядка над вымученной феодальной искусственностью. Этот наивный просвещенческий миф нигде не сохранялся и не оберегался с таким тщанием, как в Америке.

Собственно, он принадлежит к конституирующим элементам Нового Света: эмигранты, устремившиеся сюда, чувствовали себя в роли тех самых «естественных» людей, которым мешала раскрыться сплетенная в ходе тысячелетий паутина традиций и «искусственных» кодексов. Американский континент рассматривался как культурный вакуум – пустое пространство, которому надлежит стать ареной действия «новых людей».

Пришельцы вряд ли стали бы внимать предостережениям этнографии, которая учит, что настоящих пустот на планете не бывает (за исключением Антарктиды) – все они на поверку оказываются ареалами той или иной культуры. Встретив американских аборигенов, белые пришельцы восприняли их не в качестве законных хозяев континента, с которыми предстояло вступить в диалог, а как досадный балласт, мешающий воздвигать здание новой цивилизации. Аборигены не вписывались в контекст «американской» мечты, где «новому человеку» мир открывается как «чистая доска», на которой он без помехи начертает свои проекты. Поэтому краснокожие были уничтожены вместе со своей самобытной культурой, и пространство континента было приведено в соответствие с искомым образом «чистой доски».

Таким образом, демографическая и культурная катастрофа, постигшая туземное население, была связана с философией «пустого» пространства, ни к чему не обязывающего пришедшего «нового человека». В глобальную эпоху подобная катастрофа может принять глобальный характер. За либеральной идеологемой «открытого общества», вчера еще выступавшего как синоним социума, свободного от тоталитарных ограничений, сегодня все отчетливее вырисовывается старый американский архетип, требующий очищения окружающего мирового пространства для того, чтобы американский «новый человек» смог беспрепятственно осуществить свою планетарную миссию. Отношение современной Америки – победителя в холодной войне – к другим культурам все откровеннее сближается с тем отношением, которое первопроходцы-флибустьеры продемонстрировали

применительно к туземной культуре американских индейцев. Лозунг «всемирной либерализации» и «американского века» означает полное раскрепощение американского архетипа, связанного с закланием старых культур во имя торжества янки как нового человека. Под влиянием американоцентричного либерализма статус древних культур на всех континентах непрерывно занижается, и все они ставятся под подозрение в качестве помехи наступающей экономической и политической революции, которую несет миру американский авангард. Борьба «экономики с антиэкономикой» как кредо данной революции означает растущее обесценение культурного наследия и культурных ценностей по сравнению с материальными ресурсами. Народы - носители устаревших культур в силу исторической случайности оказались владельцами природных богатств, которыми они не умеют правильно распорядиться.

Так «антитоталитарная» критика чужих культур раскрывает свои подтексты, связанные с планетарным перераспределением ресурсов в пользу «победителя».

Как известно, «американская мечта» неразрывно связана с образом «отодвигаемого фронтира» - границы на западе США, где вплоть до 90-х годов прошлого века еще сохранялись незанятые земли. Именно здесь можно было все начать сначала, перерешить свою судьбу, освободиться от прежних пут. Принято считать, что капитализм в его развитой, индустриальной стадии подчиняется модели интенсивного развития, не нуждающегося в пространственных расширениях. История Соединенных Штатов это опровергает. Уже отцы-основатели США мыслили имперскими категориями. «К 1783 году Вашингтон уже назвал новорожденную республику "поднимающейся империей". "Расширять сферу" призывал и Мэдисон в 10-м номере "Федералиста"; в 14-м номере он говорил о "расширенной в своих пределах республике" как о "единой великой, уважаемой и процветающей империи"»[5].

Сегодня стандарты нового «великого учения» обязывают отождествлять захватническую политику с тоталитарными режимами. Пример США убеждает в обратном: эта республика изначально осознавала свою имперскую роль в качестве «нового Рима». Территориальная экспансия является условием, без которого американская достижительная мораль теряет свои основания. Не случайно окончание заселения свободных земель на западном побережье совпало с решительным поворотом Америки к империализму, первой акцией которого стала война с Испанией и установление протектората над Филиппинами, Гавайями и Кубой.

Тогда же была провозглашена политика «открытых дверей», обязывающая более слабые государства открываться перед американской торгово-экономической экспансией. В политике «открытых

дверей» уже угадываются черты современной доктрины «глобального мира», главным компонентом которой сегодня является теория «ограниченного суверенитета». Таким образом, свою войну с суверенитетом более слабых стран США ведут уже около ста лет. Идеологическим обеспечением этой войны является компрометация чужих режимов в качестве авторитарных, тоталитарных, традиционалистских – словом, гуманитарно не полноценных.

Мы помним, что свое вмешательство в дела других стран СССР обосновывал с помощью доктрины пролетарского интернационализма. Пролетарии не имеют отечества – в местах проживания их угнетают буржуазные правители – следовательно, подлинное отечество пролетарии любой национальности имеют в лице СССР как великого пролетарского государства.

Американская глобальная доктрина в стратегическом смысле аналогична советской. Только здесь уже не классовая принадлежность противопоставляется национальной лояльности и патриотизму, а сама природа «естественного человека». «Естественный человек» всюду одинаков – он олицетворяет натуралистическую антропологию «разумного эгоизма», противостоящую национальной культурной и исторической традиции. И поскольку возникшие на пустом месте Соединенные Штаты Америки являют собой чистое воплощение «естественного человека», то они становятся родиной всех «разумных эгоистов», где бы они ни проживали. Все политические режимы, кроме американского, признаются вымученными и искусственными, ибо требуют от своих граждан подчинения индивидуальных интересов общему благу и других видов жертвенности, которые претят «разумному эгоисту». Америка же в своем обращении к чужим «разумным эгоистам» призывает идти по пути наименьшего сопротивления – то есть не препятствовать ее нажиму и не поддерживать местный «национал-патриотизм» своих государств. Отсюда – пропаганда против обязательной воинской службы, патриотизма, культа национальных интересов и других проявлений «традиционалистского сознания».

Природный эгоизм «естественного человека» понимается в энтропийном смысле – как бунт природы против культуры и игра на понижение, ведущая к наиболее «вероятному состоянию».

Мы в России уже вполне убедились в том, каким может быть это наиболее вероятное состояние, связанное с реваншем «природного начала» над социальным и культурным.

Процесс американизации мира означает ослабление цивилизационных скреп в пользу самых низменных стихий, на укрощение которых было потрачено столько культурных усилий.

Возникает вопрос: в самом ли деле в Америке верят в конструктивные возможности беспримерного «природного эгоизма», или речь

идет о тактике двойного стандарта: спровоцировать бунт природного эгоизма в чужих культурах, одновременно оставляя за собой право ограничивать его у себя дома нормами гражданской лояльности? Здесь мы подходим к вопросу о природе американского тоталитаризма и о его отличии от советского.

АМЕРИКАНСКИЙ ТОТАЛИТАРНЫЙ КОМПЛЕКС

Советский тоталитаризм основывался на жертвенной морали. Если мы рассмотрим отношения тоталитарного центра с периферией в рамках советской социалистической модели, то увидим, что догматическая строгость и жертвенность достигают максимальных значений в центре и постепенно ослабляются на периферии.

Так, в рамках СССР государствообразующим этносом были русские – от них и требовалась максимальная жертвенность. Это касалось не только экстремальных случаев – войны, осады, недородов и голода, – но и повседневности. Известно, что в СССР в качестве экономических доноров выступали преимущественно российские регионы, уровень жизни в которых был ниже, чем во многих «национальных окраинах». Эта же логика распространялась на отношения СССР с державами-сателлитами. В странах Восточной Европы доктринальная строгость учения заметно ослабевала, что сказывалось на таких компромиссах, как смешанный характер экономики, отсутствие сплошной коллективизации в аграрном секторе, рудименты многопартийности в политике и т. п.

Этот «закон обратной пропорциональности» между близостью к имперскому центру и уменьшением дозволенных благ и свобод, возможно, повлиял на то, что руководимая «демократами» Россия оказалась инициатором развала СССР, первой из него выйдя под предлогом освобождения от имперского бремени.

Совершенно другую логику мы наблюдали в рамках американской империи. Здесь действует восходящая к древнему Риму парадигма «привилегированного центра»: гражданин США, как некогда римский гражданин, обладает преимущественным правом в сравнении с гражданами стран-сателлитов. Точно так же внутри страны образующий этнос – англосаксы – длительное время, вплоть до программы «великого общества» Кеннеди-Джонсона, даже на формальном уровне пользовались общеизвестными привилегиями.

В этой связи возникает решающий вопрос: чем выступает для остального мира процесс внутренней демократизации и процветания Америки: игрой с нейтральным результатом, с положительной суммой или – с отрицательной суммой? Не покупаются ли выигрыши Америки ценой соответствующего проигрыша других народов и континентов? Варианты ответа на этот вопрос прямо затрагивают

статус той общественной формации, с которой США отождествляют себя и которую они сегодня усиленно навязывают всему миру.

Причем в данном случае под формацией я имею в виду не столько социально-экономическое устройство, основанное на частном предпринимательстве, сколько культурно-антропологическое понятие, характеризующее доминирующий человеческий тип. Америка все положила на одну чашу весов; этой чашей является индивидуалистическая мораль безграничного успеха. Реализация основных принципов этой морали, воплощающих «американскую мечту», имеет два ограничения. Об одном из них давно предупреждали нравственно чуткие аналитики как из консервативного, так и из левого лагеря. Речь идет о нравственных ограничениях, которые безграничный индивидуалистический эгоизм отнюдь не намерен терпеть. Между двумя моделями: обществом, подчиненным нравственным нормам, и обществом, где действует закон джунглей, - он непременно выберет последнюю модель, обрекая цивилизацию на поражение перед варварством. Второе ограничение было осознано совсем недавно, и связано оно с открытием экологических «пределов роста». Пределы роста лишают прогресс важнейшей демократической легитимации, связанной с тем, что он призван служить всем. Перед лицом указанных пределов американская модель «общества массового благосостояния» выступает уже не как универсальная, а напротив, как исключительная. Вопрос в том, готова ли Америка отказаться от своей социокультурной доминанты - «американской мечты» о безграничном успехе, ждущем каждого американца в условиях, когда эта мечта из демократически-универсальной превращается в мечту «избранного народа»? Как пишет И. Валлерстайн: «По мере того, как мы будем уходить от ущемления прав внутри государства, под угрозой окажется равноправие на мировом уровне. Возможно, что впервые в истории Америка перестанет быть полурабской и полусвободной. В то же время весь остальной мир окажется в еще более выраженной форме поделен на свободную и рабскую половины. Если с 1945 по 1990 год для поддержания высокого уровня дохода 10-ти процентов нашего населения нам приходилось усиливать эксплуатацию других 50-ти процентов, вообразите, что понадобится для поддержания 90 процентов нашего населения на довольно высоком уровне дохода! Потребуется еще большая эксплуатация, и это наверняка будет эксплуатация народов "третьего мира"»[6].

Итак, «пределы роста» открывают нам нечто совершенно неожиданное с точки зрения стандартов либерально-демократического мышления. Именно: чтобы оставаться внутри себя демократически открытым и процветающим обществом, подтверждающим ожидания морали успеха, США неизбежно предстоит превратиться в завоевательное империалистическое общество, готовое прибрать к рукам

ресурсы остального мира, а сопротивление последнего подавить силой. Это возвращает историю Запада к старой модели императорского Рима, который мог выполнять обещания перед своим плебсом и гасить его недовольство только путем новых имперских захватов и переделов мира. Именно поэтому окончание холодной войны вместо того, чтобы стать основанием демилитаризации Америки и отказа от силовых методов в политике, стало отправной точкой глобального проекта овладения миром.

В данном случае мы задаемся вопросом: какие внутренние изменения предстоит претерпеть американскому обществу, превращающемуся в милитаристское «общество на марше»? Вся привычная либерально-демократическая риторика о представительной демократии, разделении властей, плюрализме и уважении прав меньшинства сегодня только скрывает эти новые реальности, касающиеся как внутренней эволюции Америки, так и судеб остального мира, поставленного перед дилеммой: или капитулировать, или мобилизоваться для сопротивления.

О «демократическом потенциале» Америки современная либеральная пропаганда сказала предостаточно. Пора поговорить о ее глобальном милитаристском потенциале, об истоках и основаниях ее нынешнего наступления на мир, предпринятого под знаком «однополярности».

Во-первых, никуда не делся потенциал расовой ненависти и нетерпимости, в свое время мобилизованный сначала для очищения американского континента от краснокожих, а затем – для поддержания дисциплины среди негров и других находящихся на подозрении этнических меньшинств. Теперь этот потенциал, кажется, решено обратить вовне – на реализацию глобальной миссии Америки в мире, «вся беда которого в том, что в нем так много иностранцев», а точнее – народов с «неправильным менталитетом». Этот прием вытеснения агрессивного социокультурного потенциала во внешнюю среду принадлежит к очень старым, описанным культурными антропологами способам внутренней стабилизации пассионарного социума.

Во-вторых, «общество на марше» не может позволить себе роскошь критической рефлексии и внутренних сомнений. Кодекс строителя однополярного мира предполагает нерассуждающую веру в безусловное превосходство Америки над всеми остальными обществами и ее право «воспитывать» мир.

Соответствующий комплекс превосходства и мессианского призвания не нов в истории Америки: он относится к числу образующих факторов этой новой цивилизации. «Я всегда с почтительным изумлением размышляю о заселении Америки, – писал Джон Адамс в 1765 году, – как о начале великого плана и промысла Всевышнего,

имеющего целью просвещение и освобождение порабощенной части человечества»[7].

Американские литературные классики разделяли этот энтузиазм политических классиков. «Мы, американцы, – писал юный Герман Мелвилл, – особые, избранные люди, мы – Израиль нашего времени; мы несем ковчег свобод миру... Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы свершим нечто великое... Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас...»[8].

Сегодня тем, кто с такой настойчивостью изобличает архаичный комплекс мессианства в русской политической культуре, нашедший отражение в формуле «Москва – третий Рим», полезно было бы иногда вспоминать о том, что мессианистские притязания отнюдь не являются монополией российского традиционалистского сознания. Современный мессианизм связан не с воспоминаниями о золотом веке, а с культом современности, вступающей в «последний бой» со всеми мировыми пережитками. Американский милитаризм, в отличие от милитаризма традиционного, выступает не столько в этатистской форме, сколько в повседневных проявлениях имперского гражданского общества, в чем-то напоминающего древнеримское.

Социал-дарвинистские джунгли, где освобожденные от моральных предрассудков «джентльмены удачи» непрерывно ведут свою «войну всех против всех», порождают милитаристскую гражданскую психологию. Подобное перераспределение милитаристской энергии с государственного уровня, где она находит концентрированное выражение в профессиональных установках военной касты и примыкающих к ней групп, на гражданский уровень милитаризованной повседневности мы сегодня наблюдаем в России.

Те, кого так шокировала воинственная брутальность тоталитарного государства, теперь то и дело сталкиваются с этой брутальностью на улицах, ставших опасными для жизни, в учреждениях, в производственной сфере – везде, где социальное начало потеснено в пользу «прав сильного». Не случайно главенствующими персонажами современного «демократического» массового искусства стали мафиози и полицейский, ведущие полную жестокостей вооруженную войну друг с другом.

В таком обществе в роли главного отступника и объекта всеобщего презрения выступает «слабак», «недотепа», приверженец старой социальной морали, связанной с христианской традицией сострадательности и участия. Это общество исповедует новую «мораль господ», напоминающую антихристианские интенции ницшеанства.

Но если в России эта мораль заведомо обречена оставаться кредом внезапно обогатившегося меньшинства, готового силой защищать свои привилегии от возможного бунта голодающей «черни», то

в современной Америке этот проект «нового сверхчеловека» адресован большинству – нации, соблазненной идеей избранности.

Среди этого избранного для мирового господства народа и философствующий скептик, и романтический поэт с печальными глазами оказываются столь же неуместными, как в тоталитарной утопии Платона, изгнавшего поэтов и драматургов из своего идеального государства. Языческий культ тела, отраженный в массовом пристрастии к джазу и к спорту, обязательный оптимизм, запрет на интравертную самоуглубленность, отвращающую от внешнего активизма и погони за успехом, подозрительное отношение к социальной сострадательности и к социальной политике, плодящей слабых и неприспособленных, – вот черты гражданского милитаризма, резко усилившегося в американском обществе после неоконсервативного переворота 80-х годов.

В Америке издавна республиканская идея, связанная с «демократией свободы» и культом индивидуалистической самореализации, преобладала над демократической идеей, связанной с «демократией равенства» и заботой о социально незащищенных. Ибо незащищенные и неприспособленные всегда рассматривались как отягощающий балласт общества, находящегося на марше и претендующего на избранность. Если европейские континентальные утопии имели в виду новый строй, в котором бедные возьмут реванш над богатыми, то американская утопия скорее ориентируется на новый народ, в конечном счете выдавивший из себя всех незадачливых и неприспособленных, образующих социальную базу государственного патернализма. Американский конституционализм, как и американская политическая культура в целом, опирается на постулаты естественного права. Но уже Платон в диалоге «Горгий» сформулировал постулат этого права в духе внутреннего расизма: «сильный повелевает слабым и стоит выше слабого».

Доминирование фарисейского законничества, охраняющего право собственности как право сильного, над духом благодати, осеняющей всех нищих духом, своеобразно отделяет американское общество от христианской традиции. Неверующие в Америке больше напоминают «веселящихся телом» язычников, чем интеллектуальных вольнодумцев и скептиков; что касается верующих, их менталитет больше тяготеет к ветхозаветной нетерпимости и морали избранного народа, чем к новозаветному универсализму, предпочитающему христианское смирение и покаяние духу первородства и избранничества. Это тонко подметил признанный бытописатель Америки М. Лернер: «Как почитатели Библии, американцы усвоили многие предрассудки древнееврейского общества, из которого вышли иудаизм и христианство»[9].

Господствующий духовный кодекс Америки создан на базе диалога протестантизма (преимущественно в кальвинистской версии) с иудаизмом. Этот духовный «консорциум» протестантизма и иудаизма образует основу консервативно-охранительного комплекса в Америке, тогда как третья конфессия – католицизм – чаще питает критический дух реформаторства (напомним, что братья Кеннеди вышли из католической семьи ирландских переселенцев). Однако в эпоху однополярного мира, в котором Америка, кажется, окончательно отвергает демократический универсализм и идеал общечеловеческого будущего в пользу «проекта для избранных» («золотой миллиард» во главе с США), задачи консервативного охранительства обретают милитаристскую направленность. В той мере, в какой Америка решается разрушать чужие цивилизационные синтезы и чужие суверенитеты, превращая соответствующие пространства в царство нищеты, анархии и беспредела, ей следует ожидать неслыханного наплыва эмигрантов, спешно покидающих свое национальное пепелище. Таким образом, ей придется, с одной стороны, превращаться в страну-крепость, защищающуюся от наплыва отчаявшихся «варваров», с другой – возродить расовую селекционистскую практику, направленную на отделение гражданских признанных от непризнанных париев и изгоев, которым уготовлена участь новых рабов. Об этом предупреждает уже упомянутый И. Валлерстайн: «Оказавшись не в состоянии остановить иммиграционный наплыв, она (Америка. – А. П.), быть может, примется за строительство дамбы между правами граждан и правами тех людей, кто не имеет гражданства. В мгновение ока Америка может оказаться в ситуации, когда нижние 30, даже 50 процентов ее рабочих не будут полноправными гражданами, следовательно, будут лишены избирательных прав и надежного доступа к социальной помощи. Случись это, нам придется перевести часы на 150-200 лет назад»[10].

Здесь мы можем себе позволить некоторые предварительные выводы. То, что благонамеренная социалистическая «демократия равенства» способна порождать тоталитаризм, вытекает из опыта «реального социализма», критика которого придала второе дыхание анемичному либерализму. Но теперь, на опыте складывающегося однополярного мира, мы убеждаемся, что и либеральная «демократия свободы» способна порождать свою версию тоталитаризма. То, что мы еще так недавно принимали за борьбу демократии и тоталитаризма, на поверку оказалось борьбой двух разных типов тоталитаризма, причем уже закрадывается подозрение, что победивший тип окажется омерзительнее недавно ушедшего.

Один демонстрировал черты классовой катакомбной нетерпимости, преследуя сильных и преуспевающих, другой демонстрирует черты новой расовой нетерпимости, санкционируя новую социальную

сегрегацию и более или менее скрытый геноцид, направленный против всех неприспособленных.

Мы долго думали, что фашистский социал-дарвинизм и расизм – это случайная девиация западной цивилизации, связанная с заранее обреченным бунтом архаичного континентального начала, олицетворяемого Германией, против атлантической доминанты, воплощаемой англо-американским миром. Сегодня социал-дарвинистский принцип мировой расы «избранных», противостоящей криминальной массе «недочеловеков», кажется, утверждается в самом центре победоносного атлантизма, охваченного эйфорией однополярности.

Проблема в том, как уйти от этой удручающей дилеммы, от выбора между «подпольным человеком» Ф. Достоевского и «белокурой бестией» Ф. Ницше.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Обратимся теперь к комплексу экономикоцентризма, заново подтвержденному и укрепленному чикагской школой в Америке. Сегодня в политической жизни воспроизводится одна и та же модель: преступные правители находят себе алиби в том, что они – борцы с тоталитаризмом, и все изъяны своего правления объясняют издержками этой борьбы. Так вела себя команда Ельцина в России, точно так же ведет себя американская команда победителей в холодной войне на мировой арене. Любая критика их действий ставится на подозрение как пособничество поверженному, но все еще опасному тоталитаризму. Есть смысл поэтому дать более общее определение тоталитаризма, не привязывая его только к ушедшей коммунистической форме. Сделать это – значит оживить усыпленную либеральной пропагандой критическую способность суждения, которая тем и хороша, что адресуется к современности со всеми ее изъянами, вместо того, чтобы пинать мертвецов.

Итак, какие черты образуют структуру тоталитарного комплекса?

Во-первых, тоталитарная структура не признает законную оппозицию, претендуя на монополию власти и монополию истины.

Во-вторых, она отрицает принцип разделения власти, не признавая никаких сдержек и противовесов.

В-третьих, тоталитарная власть, не довольствуясь одним механическим повиновением подданных, требует от них энтузиазма. Ей мало контролировать поведение – она желает контролировать помыслы граждан, требуя от них безусловной, экзальтированной веры.

Существует ли в современной Америке такой тип власти? Да, монстр, обладающий подобными признаками, в самом деле есть, и он властвует – полно и безраздельно. Речь идет об экономической власти.

Наряду с делением на исполнительную, законодательную и судебную властЬ, осуществленным в новое время на Западе, существует более древнее и глубокое деление, касающееся трех основных типов общественной практики: экономической, политической и духовной. В древних деспотиях Востока государство выступало и как политический вседержитель, и как монопольный собственник, и как авторитарный духовный наставник общества. Именно эту модель в превращенных формах возродил большевизм. Как писал в этой связи О. Мандельштам: «В жилах нашего столетия течет тяжелая кровь чрезвычайно отдаленных монументальных культур, быть может египетской и ассирийской...».

Но мы рискуем стать бессловесной жертвой нового тоталитаризма, если поверим, что азиатский способ производства и феномен власти-собственности - единственно возможная форма тоталитарного синкретизма. Сегодня миру угрожает опасность нового тоталитаризма, проникающего во все поры общественной жизни, все подминающего и развращающего. Победивший либерализм на самом деле освободил не общество от рецидивов азиатской тоталитарной архаики, а освободил экономическую власть от сдержек и противовесов со стороны других типов власти - политической и духовной.

Те, кто призывал во имя экономической свободы и либеральных ценностей демонстрировать социальное государство, равно как и все препоны бизнесу, идущие от морали и культуры, вскормили тем самым нового тоталитарного монстра, готового пожрать общество.

Сегодня этот монстр попирает все установления, Божеские и человеческие, смеется над законом и моралью, разрушает сами основы цивилизации, демонстрируя беспредел во всем.

Своевременно распознать этого зверя нам мешает литературная традиция, которая учила нас видеть в буржуазном предпринимателе политически безобидного торгаша, достойного осуждения по моральным и эстетическим соображениям, последовательно антиромантичного, но не страдающего чрезмерным честолюбием и властолюбием. В презренном Гобсеке, в укромном месте шелестящем своими купюрами, трудно было разглядеть черты нового тоталитарного типа. А все дело в том, что буржуа Старого Света с самого начала были поставлены в условия, соответствующие принципу сдержек и противовесов. Им противостояла мощная феодально-аристократическая традиция, которая, даже утратив собственное политическое влияние на общество, продолжала оказывать духовное, литературное влияние. Им, далее, противостояла народная традиция, в том числе и народная смеховая культура (термин М. Бахтина), чуждая педантичной торгашеской расчетливости. Наконец, им противостоял новый клир пострелигиозной эпохи - левая интеллигенция, зачаровавшая общество своими мироустроительными мифами.

Ничего этого не было в Америке. Здесь буржуа застал «пустое пространство», которое он намерен был организовать целиком по собственному усмотрению. Еще В. Зомбарт говорил о двух ипостасях буржуа: с одной стороны – в этом типе проглядывает методическая расчетливость накопительства, чуждая дионисийским стихиям и радостям человеческой жизни, с другой – черты авантюриста, азартного игрока, пирата и рэкетира. Между старым и новым светом произошло нечто вроде культурного разделения труда: буржуа-скопидом остался в старом свете, буржуа-авантюрист устремился за океан, где ему никто не мешал развернуться во всю ширь.

Идейное и культурное противостояние между Америкой и Европой – это в значительной мере противостояние буржуазного авантюристического типа той системе сдержек и противовесов, которая угрожала ему политическим и моральным остракизмом. Главный вопрос нового времени состоял в том, будет ли власть новой экономической элиты безраздельной, тоталитарной, или ее удастся умерить во имя социальных и культурных приоритетов. У нас сегодня с подачи американских «учителей демократии» приписывают частной собственности и рынку черты марксистского «базиса», который, как известно, полностью и всецело определяет характер надстройки, отдельно не стоящей внимания.

Однако в Европе давно известно, что между буржуазным и демократическим обществом есть противоречие, которое Запад так и не сумел разрешить. Речь идет, в первую очередь, о противоречии между авторитарной системой предприятия и демократической политической системой. Политическая демократическая система предполагает суверенитет народа, свободно выбирающего и смещающего правителей и участвующего в принятии важнейших решений. Но на капиталистическом предприятии персонал не выбирает руководство и, как правило, не участвует в решениях. Иными словами, здесь победила монополия экономической власти собственника. Эта монополия тщательно охраняется либеральной традицией, категорически осуждающей вмешательство государства и других коллективных инстанций в экономическую жизнь.

Сегодня этот принцип невмешательства освящен авторитетом нового «великого учения» (чикагской школы) и олицетворяет победу либерализма над тоталитаризмом.

И никто не задумывается над тем, что на самом деле мы здесь перешли от одного типа тоталитаризма к другому – от монополии политической (партийной) власти к монополии экономической власти беззастенчивых олигархов. Если бы наши реформаторы были самостоятельны в суждениях и в самом деле озабочены борьбой с тоталитаризмом, они, вместо того, чтобы заменять партийную монополию монополией олигархов, позаботились бы о системе сдержек и противовесов.

Сегодня главным аргументом в пользу монополии экономической власти является экономическая эффективность. Монополия частной собственности и невмешательство социальных инстанций, внешних (вне предприятия) и внутренних (на самом предприятии), считается гарантией экономически рационального поведения, ориентированного на максимально возможную прибыль.

Даже если бы это и в самом деле было так, то и тогда, предоставив экономической элите права безраздельного господства, мы вряд ли поступили бы мудро и рационально. Даже если признать, что авторитарный частный собственник способен платить рабочим больше, чем на государственных и кооперативных предприятиях, мы не должны упускать из виду критерии качества жизни (качественное «быть» в противовес количественному «иметь»). Если авторитарный частный собственник не допускает участия персонала в решениях, он тем самым бросает вызов большой демократической традиции, связанной с ценностями человеческой автономии, самореализации и достоинства. Если при этом он еще и изгнал с предприятия женские, молодежные и другие организации, воплощающие принцип социальной защиты, то он тем самым перечеркнул статус предприятия как современного социального института, отбросив общество к архаике отношений раба и господина. Если демократия не тестируется опытом повседневности, ставшей авторитарной и тоталитарной, и сводится к праву раз в четыре или пять лет отдавать свой голос далекому кандидату, то это сомнительная демократия.

Надо прямо сказать: сегодня именно из Америки пришла и накрыла мир так называемая неоконсервативная волна, связанная с ликвидацией социальных сдержек и противовесов, способных смягчить, образумить и подчинить гуманным общественным целям экономическую власть олигархии. Повсюду «чикагские мальчики» с комиссарской решительностью производят свои чистки и погромы, преследуя цель обеспечить полную и безраздельную власть олигархии, освободив ее от всякого политического, социального и морального давления.

В США эта монополия экономической власти олигархии была достигнута в ходе гражданской войны и победы Севера над Югом. Во многом издержки этой «победы над рабством» напоминают современные российские издержки «победы над тоталитаризмом».

Победителем оказалась не нация Джефферсона и Франклина, полная демократического воодушевления и достоинства, а беззастенчивый махинатор и комбинатор янки, готовый любую оппозицию ему связывать с кознями южного плантаторства и с давлением рабовладельческого менталитета. Янки, спекулянт и махинатор, использовал энергетику гражданской войны, с ее ненавистью и нетерпимостью, для того, чтобы максимально ослабить и дискредитировать

всех своих общественных оппонентов, среди которых были отнюдь не только южные плантаторы. Обстановка развязанной гражданской войны позволила наделить экстатическими значениями и манихейским смыслом все понятия, относящиеся к статусу и прерогативам торгово-промышленной и финансовой олигархии. Не будь гражданской войны, идеологам олигархии никогда бы не удалось защиту своих прерогатив торгаша и финансового воротилы выставить в демократическом свете и придать ей пыл священной борьбы со злом. Только в обстановке гражданской войны борьба за монопольно-тоталитарный характер власти олигархов обрела шансы на успех. Подобно тому, как у нас любая критика ельцинского режима со всей его безудержной коррупцией и злоупотреблениями с порога отвергалась как коммунистическая, в Америке 70-80-х годов прошлого века любая критика олигархического режима ставилась под подозрение как рецидив «плантаторского мышления».

Америке удалось придать прозаическому, по меркам Старого Света, понятию собственности манихейскую энергетику, пафос и экстаз. Именно в таком облачении это понятие пришло в посткоммунистическую Россию, понизив в статусе другие понятия, относящиеся к социальным и моральным измерениям общественной жизни.

ВЛАСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ВЛАСТЬ ДУХОВНАЯ

Обратимся теперь к принципу разделения экономической и духовной власти, также относящемуся к основополагающим принципам культуры. Если вам прямо заявят, что финансовый туз имеет безраздельное право не только экономически грабить вас, но и выступать в роли непогрешимого жреца, охранителя духовных святынь, вы наверняка будете изумлены и шокированы. Однако современный опыт американизации мира свидетельствует как раз о том, что олигархия прямо претендует на теократические функции, вынося безапелляционные суждения в области морали, культуры и веры. При этом авторитарный олигархический дискурс, касающийся высших измерений человеческого бытия, обретает характер беззастенчивой «игры на понижение», развенчания и осквернения святынь.

С одной стороны, эта тенденция выступает как стихийная, связанная с процессами безудержной коммерциализации культуры. «Экономический человек», ориентированный на прибыль, утверждается в правах явно за счет высших измерений бытия, которые цивилизация всегда тщательно оберегала от профанаций. С другой стороны, вооруженный до зубов либерализм, отстаивающий прерогативы экономической власти, ставит на подозрение всю некоммерческую культуру как несущую родовой грех традиционализма, фундаментализма и авторитаризма.

Демонтаж большого государства, равно как и деморализация других социальных инстанций, способных гарантировать культуре некоммерческий статус, прямо ведет к тому, что доминирующим критерием в культуре оказывается прибыльность и продажность (в прямом и переносном смысле). Незаконные притязания бизнеса на духовную власть в обществе обосновываются ссылкой на безошибочность рынка как инстанции, отделяющей полезное от бесполезного, нужное от ненужного.

Можно согласиться с эффективностью рыночного отбора в собственно экономической области. Но от нас сегодня требуют большего: довериться естественному рыночному отбору во всех областях без исключения. Если рынок бракует какие-то высокочтимые ценности или образцы поведения, нас призывают не оплакивать их и не сопротивляться, а признать авторитет рынка как последнюю инстанцию. Коммерциализация культуры приводит не только к вымиранию и вытеснению таких институтов высокой культуры, как театр, филармония, национальная библиотека и университет. Она знаменует собой неслыханный во всей истории человеческой цивилизации реванш устной речи над письменной, вульгаризованной спонтанности над культурным усилием.

Исследователь американской цивилизации М. Лернер приводит удручающую статистику, демонстрирующую торжество детектива и комикса над большой литературной традицией. Коммерческая культура адресована самой примитивной стороне человеческого существа, она поощряет инстинкты в ущерб разуму и морали. Лернер видит в этом духе спонтанности, свойственном массовой культуре, стихийное самовыражение нации, недолюбливающей яйцеголовых книжников.

Я думаю, что в оценке этого явления важно не доверяться установкам спонтанности, а исходить из другой презумпции: экономическая власть, пожелавшая стать тоталитарной, намеренно снижает потенциал национального сопротивления ей, гася сами возможности формирования критической рефлексии или высокого нравственного пафоса. Сегодня принято видеть в критике коммерческой массовой культуры, всецело подчиненной рынку, проявления фундаменталистских и традиционалистских комплексов (прежде это оценивалось мягче - как консервативно-романтический утопизм). Перед лицом этого либерального шантажа важно показать, что натиск коммерциализации представляет собой не только вызов большой культурной традиции, но и вызов самому Просвещению.

Проект Просвещения, подаренный Европой миру, отнюдь не был связан с натаскиванием личности на определенные полезные общественные функции. Большая культура - а Просвещение создало Большую культуру - может развиваться при условии, что ее ценности

носят не служебно-подчиненный и функциональный характер, а являются самоценными. Эта логика самоценности культуры действует в области развития науки, образования, искусства.

Только презумпция исследовательской самоценности позволяет успешно развиваться фундаментальной науке. Рынок, ревнующий ко всему тому, что самоценно и не приносит мгновенную прибыль, способен поощрять только прикладные исследования и разработки, быстро переводимые на язык технологий. Наука, подчинившаяся этим критериям, утратила бы арсенал фундаментальных понятий и полет творческого вдохновения, превратившись в служанку текущих нужд. Просвещение диктует другую формулу развития науки: РОСТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ > РОСТА ПРИКЛАДНЫХ РАЗРАБОТОК. Аналогичные неравенства действуют и в сфере образования: РОСТ ОБЩИХ ЗНАНИЙ УНИВЕРСАЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ > РОСТА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ.

«Человек просвещения» в сравнении с современным «экономическим человеком», зацикленным на отдаче и пользе, выступает как романтик, но этот романтизм оказывается более продуктивным в культурном смысле, чем рыночный прагматизм. Вырождение проекта просвещения, с его культом больших фундаментальных идей, угрожает современной цивилизации тотальным застоем – новым изданием азиатского стабильного способа производства, а современным элитам – превращением в мандариниат древнекитайского образца, который выдавал инструкции и регламенты, но не был способен инициировать большие творческие новации и открывать новые горизонты.

«Экономический человек» в его более развитой, чем сегодня в России, форме способен переманивать таланты и организовывать утечку умов, соблазняя их большими гонорарами. Но атмосфера, которую он насаждает в обществе, препятствует автохтонному росту талантов на данной национальной почве. В этой связи полезно предостеречь: откуда Америка будет импортировать новые таланты, если проект тотальной американизации мира в самом деле завершится успехом и экономический тоталитаризм, со всей его нетерпимостью к другим типам мотивации, отпразднует свою победу над всеми оппонентами?

«Экономический человек» сегодня готов кастрировать национальную культуру, тщательно выбраковывая все то, в чем он подозревает некоммерческое воодушевление и мужество самодостаточности. Он готов искоренить культуру самоценных форм, всюду заменив ее функциональной прикладной культурой, постоянно памятующей о пользе и отдаче. Плодить титанов такая культура не в состоянии. Не случайно американский роман, еще в начале века повествующий о титанах, в том числе в области предпринимательства (см. одноименный роман Т. Драйзера), ныне с социологической скрупулезностью описывает клерков и менеджеров.

Кто такой менеджер? В общем значении - это агент, подчиняющий те или иные формы социальной активности процессу производства прибыли. Иными словами, менеджер является полномочным представителем экономической власти в ее борьбе с рудиментами или рецидивами некоммерческого подхода к миру. Его назначение - отсекать все нефункциональное, не сулящее отдачи, под какими бы предлогами оно ни заявляло о себе. Менеджер преследует в качестве сомнительных и незаконных все мотивы в культуре, кроме экономических, и выступает в роли резонера, призывающего публику расходиться, если дело не пахнет дивидендами.

Сегодня, когда экономическая власть, с ее вездесущими агентами-менеджерами, заявляет о своей претензии на полное и безраздельное господство, в самый раз подумать о сдержках и противовесах. Ни один народ, ни одна культура не способны выжить, если в качестве господствующего мотива и императива выступает прибыль.

До сих пор все мы жили в условиях многоукладной культуры, где императивы рыночной эффективности и пользы так или иначе дополнялись и корректировались другими, касающимися иных измерений нашего бытия. Сегодня «экономический человек» заявил о себе в качестве тоталитариста, не признающего законных прав других, выступающих с иными мотивами и целями. Последние он объявляет иррациональными и подлежащими полному искоренению. Однако, как отметил со всей надлежащей настойчивостью М. Вебер, наряду с прагматической рациональностью «по цели» существует рациональность ценностного типа. Она тоже обуздывает наши чувственные стихии и поползновения, но делает это не во имя торжества экономического расчета и прибыльности, а во имя торжества высших ценностей, достойных сбережения. Если верить антропологии Просвещения, представившей иерархию чувственности, рассудка и разума, то рациональность «по цели» мы должны отнести к области рассудка, стоящего ниже высоких универсалий разума.

Сегодня экономикоцентричная рассудочность готова, кажется, навсегда изгнать поэтов и пророков из современного полиса. В этом отношении она уподобляется тоталитарности другого, более древнего типа. Удивительно, насколько совпали сейчас тоталитарный дискурс о морали и культуре как о прибежище интеллигентских нытиков, и дискурс современного «экономического человека», отзывающегося о них с не меньшим презрением.

В заключение остается отметить глобальные экспансионистские потенции экономической власти. Всякая тоталитарная власть желает распространяться и интенсивно - перекрывая каналы влияния других типов власти, и экстенсивно - заполняя пространство глобуса. Она не терпит оппонентов не только изнутри, но и извне, ибо любые источники какой-либо альтернативы для нее опасны.

Американский глобализм – это тоталитарная экономическая власть (финансовой олигархии в первую очередь), преследующая планетарные амбиции.

ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В чем состоят особенности ее стратегии? Они связаны с понятием товара как универсальной, всеохватывающей категории. Во-первых, речь идет о том, чтобы буквально всем явлениям жизни и культуры придать товарную, а значит, отчуждаемую форму меновой стоимости. До сих пор культуры были дуалистическими: наряду с тем, что продается и покупается на рынке, они содержали неотчуждаемый фонд ценностей личного и коллективного назначения. Во всякой здоровой культуре непродажными считались любовь и вдохновение, истина и красота. Также непродажными выступали и испытанные коллективные ценности: родной язык и священная земля предков, национальная территория и национальные интересы, гражданский и воинский долг.

Международная же экономическая власть, сегодня выступающая как власть доллара, с болезненной ревностью относится к этим непродаваемым и неотчуждаемым ценностям. Пока они существуют, она чувствует себя ограниченной и неполной: там, где есть люди, которых нельзя купить, она ожидает неприятных сюрпризов и подвохов. Нынешняя «постмодернистская» критика вечных и нетленных ценностей может быть по достоинству оценена в свете амбиций мировой экономической власти, исполненной решимости подавить «последние» очаги сопротивления. До тех пор пока все на свете не превратилось в товар, имеющий свою цену и подлежащий продаже, экономическая власть не может считаться тоталитарной – безраздельной и всеохватывающей. Вот почему все то, что не имеет товарного статуса и признанной меновой стоимости, господствующий либерализм объявляет пережитками традиционализма. Завершение модерна мыслится как завершение процесса превращения былых ценностей в прозаический товар, имеющий своего продавца и своего покупателя.

Иными словами, экономическая власть чувствует себя вполне суверенной там, где четко определено, кому и сколько надо заплатить за любые выгодные ей решения и действия. Именно с этой логикой экономической власти связана современная американская стратегия завоевания мира. Пока Америке противостояли на мировой арене национальные мыслители, политические лидеры и полководцы, мир казался иррациональным, ускользающим от калькуляции, полным сюрпризов. Но когда указанные персонажи вытесняются товаровладельцами, продающими свой интеллект и находчивость, способность

влиять на исход переговоров или исход сражений, тогда мир сразу же принимает узнаваемый рыночный облик, становится предсказуемым и подвластным. В таком мире власть измеряется количеством долларов, предназначенных для подкупа. Только в этом мире владельцы наибольшего количества денег автоматически оказываются наделенными наибольшей властью. Отсюда ясно, что первым шагом на пути строительства однополярного мира является всемерная дискредитация внеэкономических ценностей - тотальное очищение культуры от ценностных анклавов, противостоящих экспансии менового начала.

Речь идет о новой глобальной культурной революции, связанной с разгромом национальных святынь. Второй шаг - это приватизация национального потенциала властвующими элитами, превратившимися в его монопольных «товаровладельцев».

Парадокс демократической Америки, ведущей свое глобальное наступление, состоит в том, что ею последовательно отвергается ключевое для демократии понятие политического суверенитета народа. Дело в том, что там, где имеет место такой суверенитет, национальные интересы по определению не могут быть предметом купли-продажи. Для того, чтобы это произошло, властные элиты должны приватизировать этот суверенитет, получив полную свободу и бесконтрольность своих действий в международной политике. Национальный интерес должен стать товаром, а властная элита - его товаровладельцем, не связанным никакими императивными мандатами со стороны нации.

Наряду с этим должно быть обеспечено и определенное техническое условие - единое мировое финансовое пространство, основанное на единой международной валюте. Только в таком пространстве различные властные элиты могут беспрепятственно торговать своим специфическим товаром - национальными интересами, получая взамен адекватное денежное вознаграждение.

Если в таком пространстве еще встречаются политические лидеры, не готовые считать национальные интересы обмениваемым товаром, то против них мобилизуется гигантская машина дискредитации, облегчающая последующее применение более жестких военно-политических технологий.

В этом контексте становится понятным беспрецедентный написк на таких национальных лидеров, как президент Белоруссии А. Лукашенко или президент Югославии С. Милошевич. Они выступили как нарушители «закона стоимости», представители доэкономической политической культуры, выводящие национальные интересы из сферы финансового обмена. Тем самым они не только бросили вызов персонально Америке - они бросили вызов «экономическому человеку» как го-

сподствующему социокультурному типу, шествующему по миру с новой миссией. Эта миссия состоит в том, чтобы все прежние неотчуждаемые ценности, не подлежащие купле-продаже, сделать отчуждаемыми и обмениваемыми. Это касается как ценностей, неотчуждаемых в силу их духовного статуса, так и ценностей, неотчуждаемых в силу их природно-географического статуса.

Пока на местах существуют неотчуждаемые ценности, глобальная власть невозможна. Только вовлечение этих ценностей во всемирный оборот купли-продажи обеспечивает тем, кто сосредоточил в своих руках мировые финансы, действительно полную власть над миром.

Для анализа «экономического человека» как социокультурного типа нам следует проникнуться надлежащей интуицией - интуицией власти. Прежде «экономический человек» чаще всего воспринимался как прозаический мещанский тип, «не интересующийся политикой». И только приблизившаяся перспектива завершения процесса отчуждения всех ценностей и перевода их на язык обмена ускорила саморазоблачение этого типа в качестве нового тоталитариста, по сравнению с которым прежние тоталитарные типы выглядят пригоршками.

Дело в том, что только «экономический человек», давший всему, до сих пор неотчуждаемому и необмениваемому, соответствующий денежный эквивалент, устраняет многообразие форм власти, как и многообразие мировых центров в пользу одной формы и одного центра. «Экономический человек» заново перетряхивает мир снизу доверху, выделяя в нем единый субстрат, единую абстрактную суть - деньги. От парламентских дебатов, касающихся купли-продажи земли, до геополитических дебатов, касающихся нового передела мира, - всюду речь идет об одном и том же: о тотализации финансовой власти или, говоря точнее, власти мировой финансовой олигархии.

Вот, что пишет по этому поводу один из адептов нового либерального проекта: «...либеральный проект предполагает полное снятие всех ограничений на право собственности на землю. Земля может неограниченно продаваться, покупаться, передаваться в аренду, подлежать любому употреблению вплоть до злоупотребления. Она становится таким же абстрактным товаром, как и любой другой товар... Два типа отношения к земле как собственности отражаются и в отношении "либерала" и "консерватора" к земле как территории»[1].

В самом деле, привязанность к национальной территории создает помехи глобальной экономической (финансовой) власти со стороны других, более традиционных властей. Либеральный проект превращения былых патриотов в не знающих отечества «граждан мира», как

[1] **Ионин Л. Г. Консервативная геополитика и прогрессивная глобалистика // СОЦИС. 1998. № 10. С. 37.**

оказалось, имеет цену, о которой многие до сих пор не подозревали. Цена эта – вытеснение всех известных до сих пор человеческих мотивов экономическими.

Только глобальная одномерность мотивации создает глобальное общество «граждан мира». Процесс абстрагирования от национальных границ, традиций и святынь совпадает с абстрагированием от всех культурных качеств в пользу измеряемого деньгами менового количества, и это абстрагирование готовит нам новую глобальную власть.

«В принципе либерально-демократическое мировоззрение не предполагает существования геополитики. Оно ориентируется на абстрактного человеческого индивидуума как носителя определенных прав и свобод; государство – продукт договора абстрактных индивидуумов, и его конкретное тело (территория) имеет случайный характер... Поэтому такая [либеральная] экспансия не имеет границ... Потенциал универсализации... бесконечен. Логически она завершена, когда абстрагированию подверглось все. Отсюда следует логическая связь либерально-демократической идеологии с доктриной глобализации... Геополитический расклад предполагает наличие нескольких качественно различных центров мира, которые могут бороться между собой... Это многополярный образ мира. Глобалистский расклад предполагает один центр или, точнее, отсутствие центра как такового»[1].

Перед нами ценное признание того, что рождающаяся на наших глазах новая власть, основанная на абстрагировании от всего качественно своеобразного и самобытного, является тоталитарной – не признающей никаких территориальных и других ограничений и прямо отвергающей ценности демократического полицентризма.

Почему же в таком случае США поощряют этносуверенитеты во всем не-западном пространстве? Не противоречит ли это указанному закону абстрагирования и единообразия, ведущему нас к тоталитарной власти нового образца?

На поверку оказывается, что противоречия здесь нет. Раскол былых крупных пространств представляет собой форму знакомого нам процесса приватизации власти-собственности и универсализации отношений купли-продажи. В былых крупных государственных суперэтнических образованиях коллективные интересы были защищены от купли-продажи, выпадали из меновой сферы. Образование на месте единых крупных суверенных государств множества этносуверенитетов означает поставку на рынок того, что прежде не обменивалось и не продавалось, – национальных интересов. Но для этого требуется, чтобы новые властные элиты не только освободились от власти прежних «имперских» центров; требуется также, чтобы они по воз-

[1] Ионин Л. Г. Указ. соч. С. 40-41.

можности освободились от контроля со стороны собственного населения и выступили в качестве действительно свободных поставщиков специфического товара, востребованного на глобальном рынке.

Таким товаром и являются национальные интересы, связанные с контролем над собственными ресурсами, территорией, международными связями и т.п. Национальные (точнее в данном случае было бы сказать - антинациональные) элиты получают возможность попасть в разряд мировой финансовой элиты, пользующейся всеми возможностями, открытыми глобализацией, только выступив в роли продавцов важнейшего стратегического товара - национальных территорий и ресурсов. История свидетельствует, что подкуп племенных вождей, способных угрожать империи, практиковался уже древним Римом и Византией.

Нынешняя ситуация отличается от прежних двумя особенностями. Во-первых, тогда еще не существовало единой всеобщей формы меновой стоимости. Имперский центр и племенная периферия могли вступать или не вступать в отношения купли-продажи геополитическими интересами - все зависело от конкретной исторической ситуации. Да и сам предмет торга менялся от случая к случаю. Сегодня отношения единого имперского взяткодателя и племенных взяткополучателей упорядочены тенденцией перехода от плюрализма мировых властей к глобальной финансовой власти и от плюрализма элит - к единой мировой финансовой элите. США лишь постольку становятся центром мира, поскольку осваивают роль мирового финансового центра и источника единой мировой валюты. (Не случайно они так ревниво отнеслись к появлению конкурирующих валют - евро и японской иены). Организовав единое мировое финансовое пространство как пространство глобальной власти, США тем самым упорядочили и рынок, где местные элиты торгуют национальными интересами. На этом рынке имеет хождение единая валюта и господствует единый заказчик - сверхдержава, строящая однополярный мир.

Во-вторых, сам процесс племенной «суверенизации» ныне подчиняется не законам этногенеза, а двум тенденциям, сопутствующим глобализации:

1) превращению отношений купли-продажи во всеохватывающие, тотальные;

2) дистанцированию местных элит от собственного народа и подчинению их мировой финансовой власти.

ПРОЕКТЫ И ЛОВУШКИ ТОТАЛЬНОЙ ПРИВАТИЗАЦИИ

И здесь мы переходим к новой проблеме, касающейся угрозы устранения народа как самостоятельного субъекта истории и носителя суверенитета. Без всемерного ослабления и дробления такой исторической субстанции, как народ, невозможно добиться ни подчинения былых национальных элит глобальной финансовой власти, ни

тотализировать отношения купли-продажи, подчинив им все сферы общественного бытия, все проявления человеческой активности.

Что же скрепляет эту субстанцию? Ее основанием служит: единство территории (месторазвития), истории, образующей источник коллективной культурной памяти, и ценностной нормативной системы, служащей ориентиром группового и индивидуального поведения. Все это выражает язык, непрерывно актуализирующий все три единства в сознании данного народа.

Прогрессистская мысль, придающая непомерное значение рационалистическим новациям, склонна модернизировать понятие «народ», приписывая ему абсолютную формационную изменчивость. На самом деле даже величайшие перевороты нового времени, связанные с экономической и политической революциями модерна, не поколебали такую субстанцию, как народ. Ни система частной собственности, ни возникновение на месте этнических единств суперэтнических образований, называемых политическими нациями, не отменили закона трех единств, образующих коллективную идентичность народа.

В этом контексте мы можем по достоинству оценить вызов глобализации: впервые в истории на месте коллективной идентичности больших субъектов истории, какими являются народы, ожидается появление разрозненных социальных атомов – кочующих в поисках удачи «граждан мира». Они ни к чему не привязаны, для них не существует высших ценностей и коллективных святынь – есть только индивидуалистические интересы, побуждающие их то образовывать временные социальные связи, то рвать их – в зависимости от изменчивой конъюнктуры.

Речь идет о чем-то большем, чем классическая частная собственность. У общностей, называемых политическими нациями, наряду с институтом частной собственности, противопоставляющим людей друг другу, оставались другие институты, ответственные за единый, неделимый фонд народа.

Когда говорят о едином экономическом, политико-правовом, информационно-образовательном пространстве наций, имеют в виду некие недробимые универсалии, вместе образующие инфраструктуру национального развития и канву народной судьбы. Современная глобализация впервые в истории человечества посягает на эти основы коллективной судьбы и идентичности и предполагает тотальную приватизацию, исключающую саму постановку вопроса о национальной идее, национальных интересах, приоритетах, безопасности и т.п.

В то же время ни у кого в общем не остается сомнений в том, что перед лицом этого процесса приватизации «верхи» и «низы» общества заведомо неравны. Тотальными приватизаторами уже не только экономических, но и географических, социальных, культурных богатств

выступают властные элиты; атомизация народа, превращаемого в диффузную, лишенную скрепляющих начал массу, необходима не для того, чтобы и он приобщился к захватывающей эпопее тотального разграбления, а для того, чтобы он не оказывал сопротивления.

Процедуры и критерии отличения неотчуждаемого национального достояния от того, что может подлежать приватизации и коммерциализации, объявляются недействующими! Нам важно при этом не упускать из виду то, что многим приватизаторам на местах до сих пор остается неясным. Тотальная американизация мира, сопутствующая становлению глобального открытого общества, означает, что национальные проекты тотальной приватизации - всего лишь временный, переходный этап. Властные элиты НЕ-ЗАПАДНОГО мира только для того делают частными собственниками материальных и нематериальных богатств нации, чтобы они в качестве ни перед кем не отчитывающихся собственников могли продать свою собственность ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМУ хозяину мира, у которого есть чем заплатить. Само собой разумеется, что купить по действительной цене все богатство планеты, помноженное на труд великого множества народов, США не могут. Следовательно, глобализация предполагает ИГРУ НА ПОНИЖЕНИЕ, включая два этапа.

На ПЕРВОМ ЭТАПЕ алчные местные элиты за бесценок скупают все национальное достояние - не по действительной стоимости, а по «конвенциальной», связанной с круговой порукой компрадорской верхушки. Так, в России под флагом приватизации общенародная собственность стоимостью триллион долларов и неоцененные природные ресурсы были «проданы» частным лицам всего за 5 миллиардов долларов[1].

На ВТОРОМ ЭТАПЕ главный доллародержатель мира скупает у этих самых «верхов» раздробленное и обесцененное национальное богатство, назначая не столько рыночную, сколько ПОЛИТИЧЕСКУЮ цену, связанную с гарантиями безопасности и другими тайными подстраховками.

Почему торг между нацией и властными приватизаторами проходит в неравных, «нерыночных» условиях, понятно: власть не может не конвертироваться в привилегии, и чем бесконтрольнее власть, тем необъятнее привилегии. Но последующий торг между новоиспеченными туземными собственниками и главным «покупателем» планетарных богатств проходит в столь же неравных условиях. Дело в том, что в процессе глобализации оказываются подорванными не только условия нормального существования народов, но и условия нормального существования и функционирования национальных элит. Вся инфраструктура власти,

[1] **Дубовский С. Сменится ли стагнация ростом? // Независимая газета. 18.02.2000.**

ее влияние, возможность принятия действительных, а не декоративных решений, ее информационное обеспечение, наделение престижем и другими знаками «приобщенности» сегодня вышли из-под национального контроля и регулируются центрами глобальной власти.

В этих условиях «товарный обмен» между указанными центрами и компрадорскими элитами на местах, не чувствующими настоящей поддержки снизу, заведомо не может протекать по законам нормального конкурентного рынка. Здесь одна сторона диктует свою цену и свои условия, другая вынуждена согласиться. Таким образом, то, что называют глобальным открытым (беспротекционистским) обществом, на деле оказывается экспроприаторской системой, обеспечивающей передачу незащищенного и обесцененного национального богатства в руки тех, кто контролирует не только долларовые потоки, но и всю современную инфраструктуру цивилизации.

Самое важное здесь состоит в том, чтобы понять неразрывную связь между туземными «реформами», отдающими все национальное достояние в руки властных приватизаторов, и глобальной «реформой», обеспечивающей последующую передачу этого достояния в руки действительных хозяев мира.

Механизм этой связи достаточно прозрачен. Чем беспардоннее национальная приватизация и чем менее легитимной выступает собственность новоиспеченных олигархов, тем меньше у них оснований доверять собственному населению и рассчитывать на его лояльность. Но страх перед собственным народом заставляет искать гарантий на стороне и всячески угождать тем, кто может предложить и гарантии безопасности, и признание – прием в элиту «граждан мира». Поэтому получается, что чем менее справедливо была оценена национальная собственность, захваченная приватизаторами у собственного народа, тем больше эта собственность обесценивается на глобальном рынке, где основным «покупателем» является победившая сверхдержава. Попросту говоря, краденое богатство, как правило, и сбывается по дешевке.

Не случайно сегодня в США и в других странах Запада поднялась такая кампания разоблачений «русской мафии». Американцам и их партнерам выгодно объявить приватизированное компрадорским альянсом в России богатство нелегитимным. Тем самым оно автоматически обесценивается на глобальном рынке. В этих условиях перед российскими приватизаторами стоит непростая задача: как, не посягая на итоги номенклатурно-криминальной приватизации, в то же время воспрепятствовать последующей передаче богатства держателям глобального мироустройства – хозяевам однополярного мира? Иными словами: можно ли закрепить итоги первого этапа приватизации – национального, избегнув второго этапа, когда экспроприированное у нации богатство, ставшее «трансфертным» – от-

чуждаемым и обмениваемым,- закономерно перетекает в руки самого богатого и влиятельного заказчика? Решение такой задачи предполагает отказ от концепции глобального открытого общества и даже восстановление, в том или ином варианте, железного занавеса.

Не эта ли тенденция сегодня, после декабрьских выборов 1999 года, ощущается в России? Новым правителям послеельцинской России предстоит разрешить противоречие, возникшее на предыдущем этапе. Более половины национальной собственности было приватизировано офицерским корпусом бывшего КГБ, но при этом на международной арене Россию представляли более или менее последовательные сторонники глобального открытого общества. По законам этого общества приватизированная собственность рано или поздно обречена попасть в руки хозяев однополярного мира - держателей всякого рода «цивилизованных гарантий», в которых наши нелегитимные приватизаторы, порвавшие с собственным народом, так нуждались.

Первые шаги, предназначенные блокировать этот процесс, российская элита уже предпринимает. Логика здесь простая: если большая часть приватизированной собственности принадлежит сотрудникам спецслужб, то, следовательно, и верховная политическая власть должна быть представлена, списочно и поименно, ими же. В этом и состоит «феномен Путина». Однако на деле самое трудное здесь еще впереди.

Чтобы более или менее надежно блокировать перелив приватизированной собственности в руки заокеанских хозяев мира, предстоит не только усилить позиции России в торгах с Америкой, но и укрепить позиции нелегитимных приватизаторов внутри страны, снабдив их каким-то новым алиби в глазах народа. Без опоры на народ как эффективно действующего коллективного субъекта нельзя создать сильное государство, а без сильного государства невозможно блокировать механизмы глобального открытого общества, предопределяющие перераспределение собственности в глобальном масштабе. Без опоры на народ наибольшие шансы войти в международную финансовую элиту имеют инородцы, которые в этом кругу лучше принимаются, как не заподозренные в патриотизме и «имперских комплексах». Но и они, как показывает пример Б. Березовского, не имея за собой такой «группы давления», каким является сильное и авторитетное государство, могут претироваться в качестве изгоев глобального сообщества. Следовательно, народу - персонажу, с которым либеральный бомонд, как казалось, навсегда расстался,- предстоит новое перерешение своей судьбы и новое осмысление своего статуса.

В долгосрочном плане настоящей проблемой американских «хозяев мира» являются не компрадорские элиты, несмотря на всю их непредсказуемость, а народы. И надо сказать, у американских «технологов» есть своя стратегия, связанная с превращением народов в рассеянную и податливую массу. Этой стратегией является БИХЕВИОРИЗМ.

Теория обмена как кредо образа жизни

Бихевиоризм не только сформировал американскую картину мира, но и явился основанием специфических для американского общества социальных и политических практик. Это тот редкий случай, когда официальные принципы и стратегии совпадают с интуициями массового общества, касающимися повседневного поведения.

Бихевиоризм пришел из социальной психологии – науки, которая для американского общества имеет особое значение, так как общество, лишенное естественных исторических корней и скреп, вынуждено прибегать к специфическим технологиям, компенсирующим отсутствие органического единства. Бихевиоризм дал научную реабилитацию американского индивидуализма и эгоистической «морали успеха» и в этом смысле сыграл для американского общества не меньшую роль, чем научный коммунизм – для советского. Но если постулаты научного коммунизма расходились с повседневным опытом, что и предопределило эрозию коммунистической идеологии, то постулаты бихевиоризма американской повседневностью чаще всего подтверждались. В чем же они в основном состоят?

1. Базовой ячейкой общества является не та или иная группа, а самодостаточный индивид, связи которого с социальным окружением носят условно-конвенциональный и конъюнктурный характер.

Бихевиоризм, таким образом, является номиналистической системой, настаивающей на том, что социально общее (коллективное) существует не РЕАЛЬНО, в качестве неразложимого субстрата, а лишь НОМИНАЛЬНО. Настоящей же социальной реальностью являются индивиды-атомы, взаимодействующие между собой на сугубо утилитарной, прагматической основе.

2. Пустота, пролегшая между людьми – изолированными социальными атомами – характеризует каждого из них и изнутри. Концепт внутреннего личностного мира, постулируемый каждой богатой культурой, здесь последовательно отвергается. Личность воспринимается как кибернетический «черный ящик», заставляющий наблюдателя фиксировать и устанавливать корреляции между входами («стимулами») и выходами («реакциями»).

Бихевиоризм, таким образом, отвергает и высшие коллективные смыслы, связанные с групповой идентичностью людей, и внутренние смыслы, относящиеся к сокровищнице внутреннего человеческого мира. И то и другое отбрасывается в качестве чего-то иррационального. И действительно, если социальную рациональность мы сведем к отношениям эквивалентного обмена, то тог-

да в самом деле и внутренние сантименты, и коллективные ценности нужно будет расценивать как помеху процедурам рыночной оценки.

Бихевиоризм на американском «провинциальном» уровне сформулировал именно то, что современные адепты глобализации формулируют применительно к человечеству в целом. Имеются в виду процедуры десоциализации, декультурации и дезинтеграции людей, обрубивших национальные корни и превращающихся в кочующую диаспору «граждан мира» - беспринципных отщепенцев, не знающих никаких культурных, нравственных и других внутренних ограничений. Бихевиористский индивид-атом знает только внешние ограничения, связанные с давлением других атомов. В этой роли он не чувствует себя связанным ни традициями, ни моралью, ни какими-либо ценностями. Он чувствует себя свободным игроком, которому важно обставить всех остальных.

Теория обмена как кредо американского образа жизни, применимого не только к экономическим, но и ко всем без исключения отношениям людей, предполагает, что общество представляет собой ньютоновское пустое пространство, в котором движутся, периодически сталкиваясь, изолированные атомы.

Впоследствии альтернативная бихевиоризму когнитивистская школа в социальной психологии оспорила главные постулаты социального атомизма и связанной с ним теории механического обмена. Она доказала, что людям по самой их «культурной природе» свойственны процедуры социальной категоризации, связанные с интеграцией индивидуального «я» в коллективное «мы» и отличением «мы» от «они». Когнитивисты выделяют следующий смысловой ряд, связанный с выстраиванием устойчивой групповой идентичности:

- социальная идентификация, сопутствующая приобщенности индивида к той или иной группе;

- социальное сравнение (с другими группами);

- межгрупповая дифференциация (размежевание с внешним окружением, обозначаемым как «они»);

- межгрупповая дискриминация, связанная с установкой на более высокую оценку собственной группы по сравнению с чужими группами[1].

Бихевиористы - сторонники социального атомизма; не оспаривая самого факта групповых образований, старались приписать им умышленный, утилитарно-прагматический характер. Дело представляли таким образом, что изначальные «робинзоны», внутренне ни в ком не нуждающиеся, вступают во временные коалиции с сугубо прагматическими и эгоистическими целями.

[1] См.: Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М.: Изд.-во Московского университета, 1990.

Однако когнитивистская школа, вооружившись довольно рафинированными методиками, доказала в ходе многочисленных наблюдений и экспериментов, что групповая категоризация наряду с побуждениями прагматического свойства включает некий «остаток», совершенно не объяснимый в контексте теории обмена и свидетельствующий о том, что коллективная идентичность для всякого человека имеет самоценный характер.

Парадокс нашего времени состоит в том, что, хотя возражения когнитивистской школы против бихевиоризма приняты научным сообществом и стали общепризнанными, новейшая либеральная идеология пытается реставрировать постулаты примитивного социального атомизма и заставить нас поверить в старую теорию буржуазной робинзонады, восходящую к XVIII веку.

Когнитивизм был изначально культуроцентричен и указывал на роль символических построений в жизни человека. Бихевиоризм – экономикоцентричен и склонен отождествлять рациональную позицию с последовательным индивидуалистическим эгоизмом, а все не укладывающееся в схемы теории обмена третировать как иррациональную архаику.

Символическая реальность когнитивизма объединяет два фактора, выносимых бихевиористами за скобки: надындивидуальный мир коллективных смыслов и ценностей и внутренний мир личности, не желающей превращаться в рефлекторное животное И. П. Павлова.

Вместо «реагирующего» и «взаимодействующего» субъекта бихевиористов появился ценностно восприимчивый, рефлектирующий субъект «понимающей психологии» – личность, причастная к неприватизированному коллективному богатству, имя которому – культура.

Почему же либеральное сообщество, претендующее на авангардную роль, столь последовательно отвергает очевидные вещи и не гнушается откровенной культурофобии? Причина этого не только в своекорыстных интересах новейших приватизаторов, которым приходится рвать с культурой и моралью ради того, что они ценят выше, – собственности, полученной любыми способами.

Дело в том, что сама вселенная частного предпринимательства – это атомарная (номиналистическая) вселенная. При других допущениях, касающихся неизбежной групповой и ценностной причастности и связанных с нею предпочтений, основные концепты рыночной теории – конкуренция, эквивалентный обмен, равновесная внепротекционистская среда – становятся неприменимыми. Это же касается и формальной – представительной демократии.

Демократические выборы лишь тогда являются процедурой открытия того, что невозможно было бы узнать заранее, когда граждане ведут себя не в качестве неизменно лояльных членов своих социальных групп, а в качестве свободных атомов, меняющих свои политические предпочтения в зависимости от выгоды и конъюнктуры. В противном случае потенциальное распределение голосов было бы известно заранее – в соответствии с групповой (классовой) принадлежностью избирателей.

Следовательно, рыночное демократическое общество намеренно игнорирует сверхатомарные культурные и социальные реальности – в противном случае сами его основания могут быть поставлены под вопрос. Поэтому абстрагирование от коллективных смыслов и отрицание устойчивой групповой идентичности являются принудительными для общества, объявившего в качестве своего кредо «честную конкуренцию» и демократию. То, что в реальности сталкиваются на рынке и взаимодействуют в политике не изолированные социальные атомы, а группы, позиции которых заведомо неравны, современной либеральной теории запрещено замечать.

Открытия когнитивистской школы, касающиеся неистребимого группового фаворитизма (в отношении членов своей группы) и дефаворитизма (в отношении чужой группы), оказались слишком близкими по смыслу классовой теории марксизма, чтобы их можно было признать на уровне макросоциальной теории. Поэтому эти открытия «списали» на традиционализм, объявив групповую идентичность и прочие надатомарные реальности пережитками социальной архаики.

Теперь, подводя итоги XX века, мы видим, что и марксистская версия классового «группизма», и либеральная версия социального атомизма представляют собой абсолютизацию крайних случаев.

Марксистская версия оказывается верной лишь при условии, что социальная судьба индивида определяется исключительно его групповой (классовой) принадлежностью, а индивидуальные достоинства или недостатки не имеют существенного значения. Либерально-номиналистическая версия справедлива лишь при допущении, что на социальный статус индивида и его будущее групповая принадлежность не имеет никакого влияния и все определяется исключительно личными достоинствами и усилиями. Современная либеральная теория среднего класса целиком основывается на последней презумпции. Средний класс в этом контексте – не особая группа наряду с другими, а собрание отличившихся индивидуалистов, которые своим успехом обязаны исключительно себе и воздерживаются от попыток классовой и групповой идентификации.

Сегодня американские миссионеры пытаются насаждать это мировосприятие в бывших социалистических странах. При этом преследуется двоякая цель.

Во-первых, помочь стабилизации посткоммунистических режимов, которые в большинстве случаев являются ПРОАМЕРИКАНСКИМИ. Населению, замордованному «реформами», предлагают не верить собственным глазам – игнорировать факт неслыханной социальной поляризации, деления общества на связанные групповой порукой коррумпированные «верхи» и загоняемые в гетто «низы», и вместо удручающей действительности лелеять идеологически заданный образ «свободного среднего класса».

Во-вторых, постепенно демонтировать такое «архаическое» понятие, как народ – коллективный субъект истории. Пока он существует, сохраняя способность проявить свою волю, победу американизма в мире невозможно считать «полной и окончательной». Но здесь опять-таки условия задачи выглядят неразрешимо противоречивыми. Когнитивистская школа в социальной психологии экспериментально доказала, что механизмы групповой идентификации сильнее действуют в дискриминируемых и терпящих поражения группах.

«Именно группы-аутсайдеры, то есть именно те группы, которые терпели постоянную неудачу, демонстрируют наивысший инграупповой фаворитизм (предпочтение, оказываемое собственной группе. – А. П.) как в стратегии межгруппового взаимодействия, так и в плоскости межгруппового восприятия»[1].

Успех сам по себе, а в особенности если он подтверждает номиналистическую презумпцию равенства шансов – безотносительно к той или иной групповой принадлежности, – ослабляет групповую идентичность: психология настороженного «мы» вытесняется психологией открытого «я».

Но как в условиях полуоккупационных режимов, возлюбивших Америку больше собственного народа и отдавших его на ограбление и поругание, подавить психологическую настороженность дискриминируемого «мы» и сфабриковать образ достижительного и открытого «я»?

Несмотря на очевидную нелепость мероприятия, американские миссионеры и их сноровистые ученики на местах не оставляют надежд на исчезновение коллективной субстанции – народа. Они отдают себе отчет в том, что судьба элит, в особенности в России, превратна и подвержена закону инверсии: последующие правители редко подхватывают эстафету предыдущих, чаще объявляют их деяния преступными. Только исчезновение народа – превращение его в диаспору кочующих «глобалистов» может

[1] См.: Агеев В. С. Указ соч. С. 50.

служить гарантией и для американских «победителей», и для их пятой колонны на местах.

К решению этой задачи новейшая либеральная доктрина подходит со значительно обновленным арсеналом. Такие понятия классического либерализма, как гражданская самодеятельность и ответственность, гражданская самоорганизация, по понятным причинам считаются небезопасными применительно к народам, которых хотят лишить суверенитета. Поэтому акцент делается на меновой теории. Нацию хотят превратить в неорганизованный конгломерат безответственных менял, которые выносят на рынок, организованный победителями, все, запрашиваемое внешними заказчиками.

Теория тотальной приватизации логически допускает и тотальное превращение населения страны в сообщество ожесточенно конкурирующих между собой менял. Как же, спрашивается, народ, с самого начала отлученный от процесса приватизации, может почувствовать себя менялой, и что именно он может менять?

На это политические технологи либерализма могли возразить (находясь в своем узком кругу), что для демонтажа страны вовсе не надо дожидаться превращения всего населения в торговцев коллективными интересами – достаточно заразить соответствующим духом ключевые группы влияния, контролирующие нервные узлы нации, и превратить эти группы в РЕФЕРЕНТНЫЕ – служащие заразительным примером для подражания.

С этой целью необходимо составить специфическую технологическую карту страны, нанеся на нее точки, обозначающие центры и группы влияния, покрывающие всю территорию, и обеспечить линии связи между этими точками. Пространство, зажатое между данными линиями, начнет омертвляться – вместо единого народного организма мы получим конгломерат, управляемый извне. Данные соображения носят ценностный характер: те, кто не боится распада страны, найдут в них специфическую «рациональность».

Но давайте поставим вопрос строго теоретическим образом: состоятельна ли концепция тотальной приватизации и социальной атомизации в принципе? Иными словами: можно ли обойтись без коллективной собственности в широком смысле слова и без коллективного субъекта – распорядителя этой собственности?

БУНТ ИЛИ ДИКТАТУРА?

Под коллективной собственностью мы здесь будем понимать, как это и диктуется логикой глобализации, не только собственно экономические факторы народного богатства, но и социокультурные предпосылки национальной целостности – выпестованные в веках и бережно хранимые традиции (в частности, трудовые), ценности,

моральные нормы, а также продукты всеобщего духовного производства – науки, культуры и образования. Для того, чтобы не вносить спорного ценностного момента в полемику с либеральной «меновой теорией», будем говорить не о судьбах народа, а о судьбах проекта просвещения, в верности которому сами либералы клянутся. Итак, может ли существовать единое большое экономическое, правовое и информационно-образовательное пространство, если отсутствует коллективный субъект – держатель – и его место занимает бесчисленное множество приватизаторов, ориентированных на немедленную и очевидную экономическую отдачу?

Новейший опыт постсоветской приватизации со всей очевидностью свидетельствует, что тотальная приватизация уничтожает инфраструктуру просвещения в стране: последовательно «вымываются» те отрасли и виды деятельности, которые воплощают процесс всеобщего накопления и инвестирования в коллективное национальное будущее.

Если оценить это в свете просвещенческого идеала РАЦИОНАЛЬНОСТИ, то приходится признать, что критерий максимально возможной рыночной отдачи не совпадает с критериями рациональности или выигрыша в КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ. «Рентабельнее» сокращать возраст вступления в профессиональную жизнь и заставлять миллионы подростков вместо учебы мыть машины или становиться подручными рыночных продавцов. Но с точки зрения долгосрочного прогресса нации, в том числе и экономического, это следует признать в высшей степени ошибочной и иррациональной стратегией.

Рентабельно тиражировать детективы, комиксы и астрологические календари, сокращая издания литературной классики. Но с точки зрения долгосрочной стратегии национального развития, зависящей от накопления интеллектуального капитала, это, бесспорно, близорукая политика. Рентабельно так перераспределять инвестиции, чтобы индустрия коллективного пользования, включая систему коммуникаций и путей сообщения, сокращалась в пользу предметов индивидуального потребления. Но в свете долгосрочной концепции национального роста и развития это, несомненно, убийственно.

Если пересмотреть проект просвещения в свете либеральной теории глобального мира, то окажется, что самое рентабельное – не тратить средства на развитие отсталых стран и континентов, где соответствующие инвестиции дают значительно меньшую отдачу на вложенную денежную единицу, а переадресовать проект развития наиболее развитым странам, превратив периферию мира в экономическое гетто.

Собственно, глобалистская теория естественного рыночного отбора именно это и утверждает с обескураживающей откровенностью. Она говорит, что правом пользоваться дефицитными планетарными ресурсами, развивать собственную промышленность, науку и культуру должны лишь те страны, которые выиграли мировой конкурс рентабельности, экологичности, минимальной энергоемкости.

Проигравшим, вместо того, чтобы дублировать роли мировых пионеров прогресса, предстоит согласиться на значительно менее престижные роли и заниженные стандарты. Проще говоря – примириться с участью людей второго сорта и не сопротивляться переходу своих национальных ресурсов в руки тех, кто лучше ими воспользуется. Таким образом, критерий рыночной рентабельности, взятый в его глобальном измерении, прямо подрывает главные презумпции проекта просвещения, касающиеся равного достоинства людей и равного права на лучшее будущее.

Вероятно, современные апологеты рентабельности не проговаривают всех вытекающих отсюда следствий. А они прямо указывают на непримиримый конфликт двух типов рациональности: КРАТКОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ и ДОЛГОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ. Кажется очевидным, что экономический социал-дарвинизм – сокращение общего числа действующих в мире предприятий за счет демонтажа менее рентабельной промышленности стран мировой периферии – в целом повысит рентабельность мировой экономики, измеряемую соотношением издержек и отдачи. Именно такую социал-дарвинистскую экономическую политику рекомендовала чикагская школа применительно к странам, «развращенным» социал-демократической политикой социального вспомоществования и кейнсианской «экономикой спроса». «Дешевые» деньги – предназначенные для кредитования экономических неудачников с целью помочь им выжить, рекомендовано было заменить «дорогими» деньгами – призванными обслуживать только наиболее приспособленных.

Теперь эти рекомендации экономического социал-дарвинизма решено применять в глобальном масштабе. При расширенном применении чикагской «формулы» на место неприспособленных предприятий или отдельных социальных категорий выступают НЕПРИСПОСОБЛЕННЫЕ НАРОДЫ, которым следует отказать в «кредите развития», дабы они не наводняли нашу тесную планету недоброкачественным человеческим материалом. Так экономический социал-дарвинизм оказывается «обыкновенным расизмом». И если современных либералов, демонстративно безразличных к моральным оценочным суждениям, не смущают эти откровения, то не согласятся ли они, по крайней мере, прислушаться к аргументам из области предостерегающей прогностики? Что в будущем ожидает наиболее зажиточную часть мира, становящуюся еще более зажиточной благодаря присвоению

ресурсов, изъятых у народов-неудачников, в условиях, когда третьемировское гетто планеты вполне осознает свою обреченность в рамках нового глобального порядка?

В мировом масштабе это обещает воспроизведение ситуации, в которую сегодня попали российские либералы. Сначала они согласились на приватизацию национального богатства кучкой «наиболее приспособленных», полагая, что такова цена, которую следует уплатить за расставание с тоталитаризмом и строительство демократии. Теперь они убеждаются в том, что номенклатурно-мафиозная приватизация, отлучившая большинство населения не только от собственности, но и от цивилизованных условий существования вообще, неминуемо ставит общество перед дилеммой: либо народный бунт против узурпаторов, либо военно-полицейская диктатура, с помощью которой новые олигархи надеются защитить свою собственность вопреки законному негодованию большинства. Наверняка диктатура не входила в планы значительного числа наших либеральных теоретиков, сделавших, как им казалось, необходимую уступку «исторической необходимости». Необходимость же состояла в том, чтобы отдать собственность в руки властвующей номенклатуры – на иных условиях она бы свой режим не променяла на «демократический».

Что ж, можно согласиться с тем, что передача собственности вчерашним «непримиримым борцам» с буржуазными пережитками – шаг, диктуемый прагматикой. Но можно ли эту прагматику рядить в одежды демократического идеализма и выдавать режим номенклатурных собственников за воплощение либерального идеала? Если уж вы заняли позицию прагматиков, принимающих во внимание «реальное соотношение сил», то не втирайте очки населению и не называйте это победой добра над тоталитарным злом. Если вчерашние носители тоталитарного порядка наряду со вчерашними привилегиями унаследовали еще и общегосударственную собственность, то, может быть, мы в результате имеем помноженный тоталитаризм?

Действительно ли передача собственности в руки рыцарей плаща и кинжала – одна только «печальная необходимость»? Не заключена ли здесь и некая априорная логика, которую можно было бы заранее предвидеть?

В самом деле, если вы не доверяете собственному народу, подозревая его в неискоренимых антидемократических инстинктах, то не остается ли вам все свои надежды возложить на тайную полицию, призванную «надежно защитить» хрупкую демократию от «этого» народа? Почему у нас и партийный плюрализм, и рынок, и собственность стали прерогативой «комитета», сменившего свое жесткое,

мужское название на женственно-либеральное – ФСБ? Ведь мало кто из осведомленных людей станет отрицать, что и большинство наших политических партий зародилось в недрах спецслужб, и большинство новоиспеченных частных собственников представлено сотрудниками этого же ведомства. Разве они в самом деле являются особыми специалистами в области демократического строительства или в области предпринимательства и в свое время набирались по признаку особой предрасположенности к тому и другому?

Скорее, дело обстояло прямо противоположным образом: критерием кадрового профессионального отбора служила «идейная непримиримость» к соответствующим институтам и ценностям. Значит, за всеми этими метаморфозами скрывается другая логика, которую можно было бы сформулировать не на языке «печальной необходимости», а на языке своеобразной рациональности.

Вот искомая «формула» этой рациональности, приводившей наших либералов в объятия полицейского государства: «Для того, чтобы демократия, рынок и собственность выжили в столь ненадежной среде, какой является российская, их надо сделать "своими", а на первых порах даже БЕЗРАЗДЕЛЬНО СВОИМИ для чинов тайной полиции и других силовых ведомств – уж они-то сумеют их защитить надежнее, чем кто-либо другой!»

Аналогичная логика действует сегодня и в глобальном масштабе. Как только современные либералы поставили под сомнение универсалистскую антропологию просвещения и заподозрили третьемировское большинство планеты в специфическом «антидемократическом менталитете», им осталось возложить функции всемирного полицейского на Америку как сверхдержаву, призванную защитить «демократическое меньшинство» от антидемократического большинства. Это – что касается мотивации «идейных» либералов. Но в не меньшей степени эта логика характеризует и позицию «безыдейных» планетарных приватизаторов, задумавших глобальное перераспределение ресурсов в свою пользу.

Если современный мир вместо совместного проекта достойного будущего поделен на приспособленное меньшинство, становящееся неоспоримым владельцем планетарных ресурсов, и неприспособленное изгойское большинство, выключенное из процесса «приватизации», то не ожидает ли нас столь же жесткая дилемма: либо бунт изгойского большинства, либо мировая «однополярная» диктатура, готовящаяся этот потенциальный бунт подавить? Насколько это вяжется с недавними лозунгами «открытого общества», когда «открытость» понималась не в значении открытости и безоружности жертв глобальной приватизации, а в значении мира, лишенного дискриминационных барьеров?

Те, кто согласился дать простор социал-дарвинистскому отбору человечества, неминуемо делящему его на приспособленных и неприспособленных, должны были ожидать, что «демократия приспособленных» намерена себя защищать от перманентно готовых к бунту мировых изгоев.

Американские глобалисты заговорщически подмигивают всем удачливым планетарным приватизаторам, давая понять, что вооруженная до зубов Америка – это и есть их последняя и надежнейшая защита. Либо вы терпите мировую диктатуру Америки, либо вам надо примириться с угрозой пересмотра итогов новейшей планетарной приватизации, отдавшей планетарные ресурсы тем, кто не только победил тоталитаризм, но и доказал свою наилучшую экономическую приспособленность.

Таким образом, и номенклатурная приватизация, и следующая за нею военно-политическая диктатура – это не только американская модель, предназначаемая для современной России. Это модель для всего человечества, которое приучают к мысли, что глобальная гегемония Америки – единственное средство защиты «цивилизованного меньшинства» планеты от неприспособленного варварского большинства. Стратегия, ведущая к «полной и окончательной победе» либерального меньшинства над нелиберальным большинством, состоит в том, чтобы навязать большинству бихевиористскую модель предельно разобщенного, атомизированного социума – где каждый защищает одного себя, приспосабливаясь к порядкам, навязываемым новыми хозяевами мира, – а для себя сохранить возможность действовать согласно правилам когнитивизма: укреплять собственную идентичность, выстраивать коллективную стратегию, сплачиваться и вооружаться, не боясь перспективы вырождения в мировое полицейское государство.

Либералы, возлюбившие приспособленное меньшинство в ущерб большинству, сами того не ведая, подготовили мировой режим апартеида, напоминающий режим Претории. Сегодня, кажется, уже всем ясно, что этот режим обещает быть отнюдь не либеральным, больше напоминающим воинственную Спарту, чем демократические Афины. Новая раса господ, конституирующая себя перед лицом порабощаемых «варваров», должна будет освоить милитаристский этос натренированных суперменов, презрительно отбросивших «старую мораль» христианского братства и сострадательности. Этой расе предстоит со всей дисциплинарной строгостью выработать критерии отличия своих от чужих и поручить своим имиджмейкерам создать предельно полярные образы: имперского полубога – носителя глобальной миссии – и отщепенческого сброда, к которому невозможно применять моральные нормы «старого гуманизма».

Тотальная информационная война против изгойского большинства планеты уже ведется. И началась она на участке, еще не остывшем от прежних боев «демократии против тоталитаризма», - в постсоветском пространстве. Не демонизировав Россию в качестве источника мирового зла и беспорядка, нельзя закрепить плоды победы в холодной войне.

Наши либералы констатируют, что Россию до сих пор «еще не приняли» в «европейский дом». Следовало бы сказать: ее уже исключили из «нормального общества» с тем, чтобы оправдать «не вполне нормальные» приемы, которые против нее применяются. Люди, сохранившие иллюзии старого либерализма, полагали, что глобальный мир будет предельно емким и открытым для всех. На поверку он оказывается предельно узким: в нем не нашлось место странам бывшего «второго мира», которые в большинстве своем уже вытолкнуты в изгойский «третий мир», где правила глобальной сегрегации действуют без всяких гуманистических поблажек и ограничений. Судьба прекраснодушных либералов - приспосабливаться к новому военно-полицейскому порядку, неминуемо следующему за новым делением планеты на приспособленных и неприспособленных.

Впрочем, либералы зарекомендовали себя людьми гибкими и находчивыми - непременно найдут оправдательные аргументы глобальной милитаризации, списав все на взбунтовавшуюся архаику и козни злосчастной мировой периферии. Ибо одно дело - традиционалистские диктатуры отсталых режимов, другое - мировая диктатура демократического интернационала, вынужденного действовать в условиях «враждебного мирового окружения», наследственно не приспособленного к демократии и рынку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. С.11.

2. Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М.: Прогресс, 1992. С. 22.

3. Среди последних: Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: Эдиториал УРСС, 1999; он же. Российская альтернатива. Нью-Йорк: The Edwin Mellen Press, 1999.

4. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М.: Радуга, 1992. Т. 2. С. 456.

5. Шлезингер А. М. Указ. соч. С. 188.

6. Валлерстайн И. Америка и мир: сегодня, вчера и завтра//Свободная мысль. 1995. № 4. С. 75.

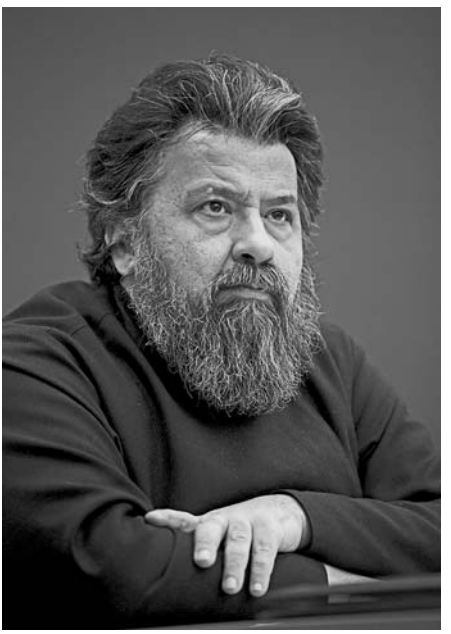
7. Лернер М. Указ. соч. Т. 2. С. 428.

8. Цит. по: Шлезингер А. М. Указ. соч. С. 31.

9. Лернер М. Указ. соч. Т. 2. С. 199.

10. Валлерстайн И. Указ. соч. С. 76.

Русский язык о семье как малой церкви



Василий (Фазиль) Ирзабеков

Сегодня статистика разводов оглушает – 80 процентов браков заканчиваются разводом. Именно поэтому позвольте считать тему сохранения семьи одной из наиболее важных. Но говорить о ней мы будем с несколько неожиданной позиции – русского языка, слов и понятий так или иначе связанных с институтом семьи и брака.

Итак, несколько лет назад я посетил благословенное Константиново, родину Сергея Александровича Есенина, где на фестивале было очень много молодежи. Тогда, во время своего выступления, я задал участникам фестиваля вопрос: «Что ваше русское ухо слышит в слове невеста?» И девочка из хора протоиерея Виктора Дорофеева, родом из подмосковного Богородска, ответила: «Невеста – это та, которая не ведает, что творит». И я ответил ей: «Доченька, ты даже не представляешь себе, насколько ты права. И именно потому, что многие, вступающие в брак, и в самом деле, не ведают, что они творят».

С каким удивлением я встретил когда-то в молитвослове, открыв его впервые, обращение к Богородице – Невеста Неневестная. Что же значит это необычное слово – Неневестная? Оказалось, чтобы понять его значение, следует прежде «разгадать» вроде бы хорошо знакомое и не сулящее ничего необычного слово невеста. А ведь смысл, заложенный в него, и в самом деле, воистину замечателен. Мне стало любопытно, и я начал собирать версии толкования этого удивительного слова.

Однажды, в стенах Московской Духовной Академии, где проводились курсы повышения квалификации преподавателей «Основ православной культуры», мужчина лет пятидесяти высказал свое

понимание интересующего меня вопроса: «Невеста – это вообще неведомо откуда пришедшая». А один мальчик, одноклассник моей младшей дочери, сказал: «Невеста – это от слова весна». Признаюсь, это самая красивая версия из всех, слышанных мною. Невеста же – есть неведение греха, непорочность, что означает как духовную, так и телесную чистоту. Тех же, кто сподобился этого страшного ведения, на Руси называют ведьмами.

Признаюсь, слово невеста – узнав, что пишу книгу о русском языке – подарил мне, за что я ему премного благодарен, мой давний приятель Адриан Александрович Егоров – иподиакон, замечательный пианист, удивительного ума и благородства человек, любящий и тонко чувствующий родную речь. Представьте, прошло около двух лет, уже вышло из печати первое издание «Тайны русского слова», и вдруг, в подаренной мне в день тезоименитства в храме, где я тогда трудился, книге, посвященной покойному архимандриту Павлу (Груздеву), знакомясь с многочисленными воспоминаниями об этом удивительном старце, я нашел одну запись, совершенно меня поразившую схожестью с тем, о чем уже писал: «А однажды при мне отец Павел открыл какой-то чемодан, а в нем – фаты от невест. Я говорю:

– Батюшка, тебе зачем? – А он отвечает:

– Ну, вот, бывает, придут вечером: венчай. А как она называется: не-веста – она должна не-ведать, а она уже ведала. Снимай фату, баба! Ты баба, а не невеста. Если невеста, значит не ведает, а если ведает – значит ведьма».

Богородица же наша пребывает присно Невестой Неневестной – как символ Превысшей Небесной Чистоты.

Или возьмем, к примеру, слово поцелуй. Ну что, казалось бы, в нем особенного? Однако и в нем заложен сокровенный смысл – призыв к целостности человека, пусть на одно летучее мгновение, вопреки миру, который извечно разделяет людей. Потому и святой апостол Петр призывает нас: Приветствуйте друг друга лобзанием любви (1 Пет. 5, 14). И как же разительно это отличается от постыдного зрелища «долгоиграющих» поцелуев взасос, которые с некоторых пор стали непременным атрибутом многих наших свадеб. Когда гости громко ведут счет, становится неловко от мысли – чему, собственно, ведется этот счет? А может, это некая шкала уровня публичного бесстыдства новобрачных, сделавших интимные отношения объектом позора (если вспомнить древний русский аналог слова шоу)? А ведь они только-только приступают к созданию собственной семьи, которую вера наша издревле именует малой Церковью. Заметьте, именно малой, а не маленькой.

То же понятие целостности, как извечное стремление к целостности всего человека, содержится и в коротеньком слове цель, исцеление - все то же заветное желание восстановления утраченного человеком единства бренной плоти и бессмертного духа.

Обидно, когда шутки дурного свойства касаются очень важных сторон человеческой жизни, ее знаковых событий, лишают их некоего священного ореола. Ну, признаемся, редко кто из нас, поздравляя счастливых молодоженов со свадьбой, не слышал брошенную кем-то из гостей «хохму»: мол, хорошее дело браком не назовут. Недавно узнал о том, что авторство этой недоброй шутки приписывается моему земляку, известному физику и лауреату Нобелевской премии Давиду Ландау. Но даже в то, далекое теперь советское время, когда я был еще светским человеком, эта, с позволения сказать, шутка все же резала слух. Ведь в ЗАГСе, в торжественной обстановке вручая молодоженам соответствующее свидетельство, их от имени государства поздравляли с созданием «новой ячейки общества». А тут, на тебе: брак и этот ответственейший шаг в жизни каждого взрослого человека, приравненный к гайке, у которой упрямо проворачивается резьба!

А ведь все не так. Хорошее, радостное дело, каковым и является свадьба, предки современных русских людей назвали совершенно верно: за шумным застольем выпивалось (да и ныне выпивается) немало брашна, позже браги, всякого пития. Отсюда и русский веселый брак. Что же касается угрюмого термина, означающего недобросовестно сделанную работу или некондиционное изделие, так он иного, немецкого, происхождения. Однако это был бы не русский язык, если б наряду с очевидным смыслом не присутствовало бы в этом коротеньком слове - для имеющего уши слышать - Небо. Вспомним, в ходе венчания брачующиеся поочередно выпивают по три глотка вина из чаши, протянутой им священником, совершающим это красивейшее Таинство. Вино, если задуматься, есть напиток в чем-то и таинственный, в коем непостижимо сорастворены как сладость, так и горечь. Не зря в древности его прописывали в качестве лекарства. И потому сейчас оно есть символ того, что все, посылаемое отныне Господом супругам, надлежит принимать с благодарностью и нести вместе, обоюдно, пить равными глотками, как это самое брашно.

А ведь две тысячи лет назад Сам Господь благословил и освятил брак не просто фактом Своего посещения, но и деятельного участия в этом торжестве, впервые сотворив чудо. Итак, раскроем Святое Евангелие: На третий день был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак. И как недоставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина

нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой. Матерь Его сказала служителям: что скажет Он вам, то сделайте. Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших по обычаю очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха. И говорит им: теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли. Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, - а он не знал, откуда это вино, знали только служители, почерпавшие воду, - тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе. Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его (Ин. 2, 1-11).

Воистину, подлинная глубина языка русского немыслима без Святого Евангелия. Честность, чистота, святость невесты должны закладываться в основу будущей семьи, этой малой Церкви так же, как крест закладывается в основание строящегося храма. А потому и ставшее модным выражение сходила замуж есть ничто иное, как глумление над извечной святостью семьи и брака. Не могу не обмолвиться хотя бы несколькими словами и о печальной скоротечности наших нынешних браков, когда так популярна шутка дурного свойства о том, как невеста утешает одну из своих подруг, которую забыла пригласить на свадьбу, что уж в следующий раз пригласит обязательно... Как пышны и дорогостоящи нынешние свадьбы, сколько горделивости в длиннющих лимузинах и шикарных нарядах невест, в широких ресторанных застольях. Тут, главное, никому не уступить! Да, для такого праздника ничего не жалко широкой русской душе, только бы жили. Статистика же неумолимо свидетельствует о том, что число разводов в течение одного года после заключенного брака достигла ныне в России угрожающей цифры. Убежден, что во многом это происходит еще и потому, что у молодых еще людей представление о предстоящей семейной жизни или искажено, или же отсутствует вовсе. Как часто брачующиеся уверены в том, что их взаимная роспись в заветной книге есть начало нескончаемого бразильского карнавала. Спешу уведомить таковых: они как раз и расписались в том, что карнавал этот завершился. Впереди жизнь, труд и новые обязанности. Впереди - супружество. Как не похоже это на только-только отгремевшие салюты, брызги шампанского и искристые огни разноцветных фейерверков... Невольно вспоминаешь те сравнительно недалекие времена, когда гуляли куда как скромнее, браки же были, по сути, нерушимы.

Много лет назад я преподавал русский язык иностранным студентам. Вспоминаю, как из одного иностранного консульства мне

пришло приглашение на праздничный ужин. В нем было написано, что приглашается «господин Ирзабеков с супругой». Тогда я по наивности думал, что жена – это, как писал Алексей Константинович Толстой, для «ежедневного языка». А вот супруга – это нечто возвышенное. Это потом я прочел Евангелие с этим благоухающим словом. Я его произношу сейчас, и у меня сердце замирает: «Же́но». А супруга? Супруги – это, вообще-то, два вола, которые запряжены в одну упряжку. То есть, если перевести приглашение дословно, то получается: «Уважаемый вол, в субботу возьмите свою волицу (или буйволицу, мы ведь жили на юге) и приходите к нам на ужин». Когда я впервые об этом узнал, мне, признаться, стало не по себе. Помните строки из «Евгения Онегина»: «Супружество нам будет мукой...» И вдруг – волы. Какие там волы, я ведь так люблю ее! Это что же такое, граждане? Знаете, на мой сегодняшний взгляд, это самый настоящий, самый честный и глубокий символ семьи. Просто когда только-только создается семья, повозку сзади никто не замечает. А почему? Потому что оба молоды, здоровы, повозка легкая – ни одного пассажира пока нет. С годами что-то меняется. В повозке появляются первые пассажиры – наши детки. Но они еще маленькие, да и родители еще живы, бабушки-дедушки, все нам, как могут, помогают. Они тоже подталкивают эту нашу повозку. Но далее, с годами, она становится тяжелее, идти все труднее – появляются болезни, скорби, лишения, предательства. И что тогда? Так вот, если это семя правильно взрастили, если своих «пассажиров» мы правильно воспитываем, то случается чудо. В какой-то момент они спрыгивают с повозки и говорят: «Давай помогу!» И уже везем повозку все вместе. А есть и такие дети, которые со временем скажут: «Папа, мама, остановитесь. Садитесь, теперь мы вас повезем».

Какой красивый, на самом деле, символ! И как легко и радостно справляться с ношей, когда есть любовь. Есть одна древняя индийская коротенькая притча. Когда слон целый день перетаскивал бревна, к вечеру ему стало казаться, что он сейчас упадет и больше не поднимется. Тогда подошла слониха и сдунула с него хоботом всего одну щепку. И он воспрянул, почувствовал себя готовым еще сколько угодно долго носить эти бревна. Вот чего мы ждем друг от друга, от семьи – внимания, нежности, сочувствия.

Русский человек, русское общество может существовать только как семья, иначе они обречены. Мне, человеку, который «приплыл с другого берега», хорошо заметны вещи, к каким вы уже привыкли и перестали замечать. «Лицом к лицу – лица не увидать, большое видится на расстоянии». Так вот, ни в одном восточном государстве народу в голову не придет именовать правителя отцом. Там

есть шахи, эмиры, но отцов нет. И даже к муллам, духовным лицам, добавляется слово, которое переводится как «дядя». А в России как мы называем священника? Не просто «отец», мы называем его ласково – «батюшка»! А ведь было время, когда мы и правителя могли называть Царь Батюшка. А раз у всех один отец, то весь народ – одна семья!

Сегодня наш святой язык подвергается настоящим гонениям и издевательствам. Раньше я часто говорил, что надо спасать, надо оберегать язык, не понимая, какая это самонадеянность с моей стороны. Это нас оберегает, спасает нас сам русский язык. И тогда встает задача: а что мы должны и можем сделать для языка? Думаю, самое важное, что может сделать человек, для которого русский язык родной, – это служить языку, не предавать его. А что требуется от слуги? Верность.

Закончить свое выступление мне хотелось бы строками стихотворения Анны Андреевны Ахматовой «Мужество». Удивительно, что в страшное время войны, находясь вдалеке от родного Ленинграда, который в то время был в кольце вражеской блокады, она пишет именно о русском языке. Сотни раз я читал это стихотворение и не мог расслышать этих слов:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

И тут я вдруг расслышал, осознал наконец, что по возрасту мог быть ей внуком. Она, ее поколение сделали главное в своей жизни дело – передали, донесли до нас язык, и нам предстоит нести эту почетную ношу. Теперь уже перед моим поколением, передо мной лично стоит великая задача – не предать свой язык, сберечь его хотя бы для внуков. Ибо защита русского языка, сбережение его сегодня – задача не филологическая, не культурологическая и не эстетическая. Сегодня, когда мы охраняем наш язык, мы охраняем нашу веру, нацию, землю и, в конечном счете, великую святую русскую душу. Аминь и Богу слава!

Слово в нашей жизни – самоцель или инструмент?

Размышления российского ученого, профессора факультета психологии МГУ, доктора психологических наук, члена-корреспондента РАН В.Ф. Петренко

В психологии есть очень интересный раздел, теория лингвистической относительности – в котором изучаются, как язык, так и более широко – культура, влияющие на специфику мышления. В этой области проведено множество исследований. Например, грамматика и синтаксис языка небольших индейских племен совершенно другие, необычные для европейцев. Там есть только глагольные формы и нет существительных. Даже европейские языки отличаются друг от друга. Вот мы, например, говорим «молния сверкнула» или «дождь идет». Здесь дождь – существительное, идет – глагол. В английском языке это будет выглядеть так: «дождит» или «сверкнуло».

В значительной степени язык несет в себе архаику формы. Мы говорим: «Книга лежит на столе». При этом выделяем субъект – книгу. Или: «Ветер качает деревья». Но ветер не субъект, а перемещение воздушных масс. Мы же по аналогии с книгой, с человеческими деяниями антропоморфизируем ветер как существительное. Да и книга есть субъект некоторого действия. На самом деле это есть физическое пространственное отношение между столом и книгой. Мы даже выделяем в русском языке, что книга – она моя. А почему не он? Тут нет никаких вторичных половых признаков, по которым бы мы определили пол этой книги. Но язык возникал по аналогии с человеческими деяниями. Очень много форм осталось нам еще от архаического мышления. Так, специфика мира индейцев, язык которых состоит только из глагольных форм, существенно отличается от мировоззрения индоевропейцев.

Приведу пример из другой сферы. Как вы знаете, у китайцев идеографическая форма письма – иероглифы. Иероглиф уже обозначает целостную сущность, целостную реальность. Когда мы говорим фразу: «Книга, купленная в магазине», то выделяем отношения между объектами за счет использования суффиксов, префиксов, приставок. Как по-китайски сказать: «Книга, куплен-

ная в магазине»? Берется три иероглифа: книга, магазин, глагол «покупать». И человек уже должен домыслить отношения между этими объектами. Поэтому китайский язык – язык недосказанного.

Языком классической философии является немецкий язык. Он более формализован, все отношения между объектами заданы. Поэтому на немецком можно очень четко излагать многие философские нюансы. Русский тоже очень мощный язык. На китайском это выразить гораздо труднее. Зато богатство китайского языка заключается во множестве разных ассоциативных связей.

Если европейская поэзия – картина, написанная маслом, имеющая четкие контуры, то китайская поэзия – это скорее акварель, что-то расплывчатое. В Китае императорский дворец специально не достраивают, намеренно какой-нибудь уголок оставляют незавершенным, чтобы было ощущение незаконченности. С точки зрения китайской или японской культуры, законченность – это уже возможность регресса. Всегда должен быть элемент недосказанности, свободы для каких-то неповторимых ассоциаций.

Спецификой китайского языка является огромная ассоциативность, горизонтальность связей в отличие от большей вертикальной структуры индоевропейских языков. В индоевропейских языках очень много определений через родо-видовые отношения. Так, ботинок – это часть одежды. Мы можем говорить слово «есть», а можем только подразумевать этот глагол. То есть когда мы описываем объект, то мыслим через родо-видовые отношения. В китайском языке, в китайской культуре практически отсутствует форма отношений. Там не скажут, что нож есть часть кухонной утвари. Это будет уже не по-китайски. Там скажут, что нож полезен для того, чтобы строгать палочку или резать. То есть значение предмета задается через функцию, а не через родо-видовые отношения.

Индоевропейские языки развивают мышление в сторону формирования новых все более абстрактных реальностей. Европейские языки более ориентированы на трансцендентальную реальность, на описание не эмпирического мира, а все более абстрактно-сущностного. Отсюда следует, рассуждает крупнейший российский японист Татьяна Григорьева, что сам язык способствует определенной специфике мышления, которое ведет к размещению все более абстрактной сущности в трансцендентальный ряд.

Любой католический или православный собор устремлен вверх, подчинен вертикальной организации пространства. А китайская религия – это религия духов озера, леса, местности и т.д. И, соответственно, пагода стелется по земле, она горизонтальна. Мир божественных сущностей, с точки зрения китайцев, скорее горизонтален, не стремится вверх, а рядоположен, расположен вокруг. (Не случайно Китай называют Поднебесной страной (то, что под небом). Поэтому встречи с истинным Богом там быть не может. А в православии Бог обитает в наднебесье (то, что над небом, выше, вне пределов тварного мира. – **Прим. ред.**). И в рамках теории лингвистической относительности во многом специфика мышления обусловлена особенностями языка.

Каждая культура формирует своеобразную картину мира и способствует только ей свойственному мироощущению, отсюда и возникновение различных религиозных форм. Практически неисследованная, интересная проблема, требующая рассмотрения: как перестраивается система всех ассоциативных связей у человека, выросшего в одной культуре и принявшего веру другой.

Мы говорим, что язык определяет специфику мышления, мировосприятия. Но не только язык влияет на наши взгляды. Мы все говорим на русском языке, однако одни и те же слова для каждого из нас означают различные понятия, обусловленные внутренним опытом. Отсюда следует, что человек существует не только в языке данной культуры, но и в своем собственном, исходя из значения тех слов, которыми он пользуется, которыми он осознает мир, себя, других людей.

В лингвистике есть такие понятия, как знание языка и владение языком. Маленький ребенок может прекрасно говорить на своем родном языке и при этом не знать ни грамматики, ни син-

таксиса. То есть мы очень многое совершаем на неосознаваемом уровне. Каждый в границах своей речи является неосознанным лингвистом, так же, как и каждый человек является по-житейски экономистом, психологом. Здесь очень важно понимать, что наше восприятие является обобщенным. Например, вы идете по улице, встречаете одного за другим несколько человек, которых раньше вы никогда не видели. Тем не менее каждого из них вы автоматически очень быстро категоризируете, относите к какому-то типажу, стереотипу (пенсионер, студент, криминальный браток и т.д.). По тому, как одет человек, какая у него походка, может быть даже по тому, как от него пахнет.

Например, вам навстречу идет человек, которого вы категоризируете как японца. Вы проецируете на него все свое знание, исходя не из того, что он сделал в своей жизни, а из собственного индивидуального опыта, рассказов друзей, прочитанных книг. Вундт это назвал процессом апперцепции. Взаимодействуя с внешним миром, мы всегда накладываем наши знания о мире на то, что воспринимаем, видим, слышим. А форма хранения этой информации – значение. Поэтому можно реконструировать, что стоит за каждым значением у данного человека, фактически исследовать имплицитные картины мира в сфере экономики, политики, искусства, этики.

Внутри нас есть какие-то механизмы, которые позволяют нам выносить суждения, например, в сфере этики. Мы интуитивно чувствуем, когда наш или чей-то поступок безукоризнен, а когда в нем есть что-то нехорошее. С религиозной точки зрения совесть – это голос Божий в нас, с точки зрения психологии – некий внутренний регулятор, который можно исследовать. И реконструкция этих имплицитных явлений осуществляется достаточно сложно.

Анализируется множество частных высказываний человека, строятся огромные матрицы. Дальше используется математика, которая позволяет из множества частных суждений, структурированных определенным образом, выделить внутреннюю структуру. Сам человек ее не сознает, но она является механизмом, в рамках которого идет вынесение частных суждений. И мы строим такие семантические пространства в сфере политики, экономики и других, самых разнообразных, сферах.

ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО СЛОВА

О ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ. ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДИМИРОМ КОЛЕСОВЫМ

- Владимир Викторович, в чем выражается философия русского слова, о которой вы написали целую книгу?

- «Философия русского слова» - итог многолетних размышлений над сущностью слова. «Русского» тут поставлено потому, что основной материал книги - русский, да и сам я по специальности русист. Любой культурный язык развивается сходным с описанным в книге образом. «Философия» - потому что исследуется именно сущность слова, его, как бы сказать, трансцендентный план: до-словное слово в образе чистого смысла, квант которого я обозначил латинским словом **conceptum** - «зерно», зерно первосмысла, прорастающее в оболочке физического слова.

В известном отношении все это представляет собой развитие идей петербургской лингвистической школы, связанной с разработкой проблем «исконного смысла» («Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера идет отсюда), развития этого смысла (идея исторических словарей и первый материал также идут отсюда) и глубинной связи его с мыслью (достаточно вспомнить «понятийные категории» академика Ивана Мещанинова).

Тройственно я обосновываю понятие «концептума» в его отличии от концепта (понятия), который является одной из форм проявления концептума: феноменологически, логически и исторически. Первое позволяет определить суть концептума, второе оправдывает его смысл в явленных формах, третье показывает постепенность «отвердения» концептума в оболочке слова с максимальным его приближением к понятию (концепту и концепциям). Кратко: концептум - это смысл, не обретший формы.

Указанная последовательность выражена в сменявших друг друга процессах МЕНТАЛИЗАЦИИ (метонимическое заимствование культурных терминов с образованием объема смысла), затем ИДЕАЦИИ (метафорическое наполнение слова признаками различения и сходства - создание содержания смысла) и ИДЕНТИФИКАЦИИ (сопряжения), или номинализации (образование слова) - совмещение ОБЪЕМА смысла с его СОДЕРЖАНИЕМ, уже

Владимир Викторович Колесов (род. 1934) - современный русский филолог, философ. Профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Гуманитарной академии. Автор многочисленных исследований по истории русского языка: фонологии, акцентологии, исторической лексикологии и морфологии, работ по общей и исторической семантике и поэтике, а также поэтике и стилистике памятников

Владимир Колесов

национально русским, и актуализация понятия в границах слова. Менталиация работает на уровне образов, идеация формирует символы, а идентификация образует понятия, которые в окончательном виде у нас сложились в предпетровскую эпоху и развивались на протяжении XVIII века, на полвека отставая от Запада.

Сам термин «понятие», сменив термины «имя» и «знак» в аналогичном значении, появился только в начале XVIII века. Образ – символ – понятие суть содержательные формы концептума, в которых он проявляется в словесной единице. Обращаю внимание на три следствия.

Первое – толчок к развитию нового концепта дает давление со стороны более развитой культуры, в нашем случае – греческих текстов Евангелия в IX веке. Поток варваризмов, хлынувших в нашу речь сегодня, не даст такого толчка, потому что почти все эти варваризмы имеют русские эквиваленты, за редким исключением (типа демократия, идея, партия) и не прошли этапа идеации (укоренения на основе своих

древнерусской литературы. Автор книг: «История русского ударения» (Л., 1972), «Историческая фонетика русского языка» (М., 1980), «Мир человека в слове Древней Руси» (Л., 1986), «Древнерусский литературный язык» (Л., 1988), «История русского языка в рассказах» (М., 1976; 1982; 1994), «Культура речи - культура поведения» (Л., 1988), «Язык города» (М., 1991; 2006; 2009), «Русская речь, вчера, сегодня, завтра» (СПб., 1998), «Древняя Русь: наследие в слове» (в пяти томах) (СПб., 2000; издание продолжается), «Философия русского слова» (СПб., 2002), «Гордый наш язык...» (М., 2007).

признаков). И вообще представляют собою простые симулякры – слова-затычки, необходимые для актов общения в корпоративной среде. А корпорация – увы! – не нация.

Второе следствие – законченная культурная парадигма строится на последнем этапе «отвердения» слова, потому что это Слово-Логос – вечный объект идеалистической философии (а философия и может быть только идеалистической, поскольку имеет дело с идеей, идеалом и концепциями). Во все времена истории человечества устремление к понятию-концепту было живейшей потребностью человеческого знания и познания, желания понять мир наилучшим образом.

Третье следствие – изменялись типы мышления: метонимическое мышление древности сменялось символическим (все Средневековье), а затем понятийным (с XVIII века). Сегодня, пожалуй, жизнь «по понятиям» иронически сменилась мышлением риторическим. В самом деле, все фигуры освоены в бытовом дискурсе – и пляши, Ваня! Риторическое (=корпоративное) мышление (у каждого своя правда) изофункционально иронии как тропу и общению как трепу. Разумеется, книга сложнее по содержанию, чем я здесь изложил. Надеюсь, читатели ознакомятся с ней и составят собственное мнение о заложенных в ней идеях.

– Каким образом вы бы охарактеризовали языковой портрет современного носителя русского языка?

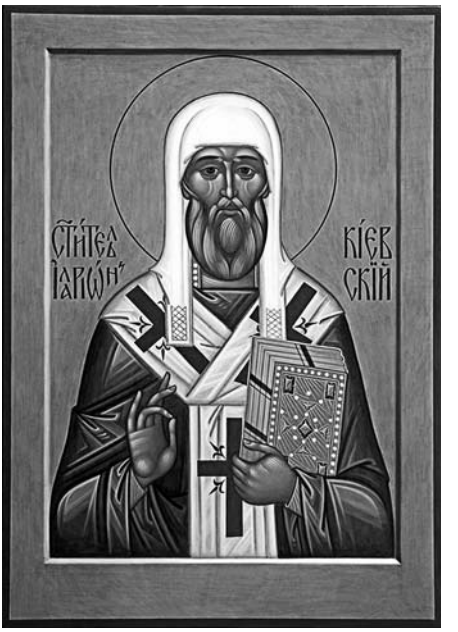
– Введу поправки: не «носителя», а русского человека, ментальность национальна, это не государственная монополия; «языковой портрет» – слишком узкое понимание проблемы, поскольку речевая характеристика дает только частичное представление о человеке.

Языковой портрет русского человека я «рисовал» почти полвека, едва поспевая за сменой самого типа «русского человека»: например, в разных изданиях популярных книг «История русского языка в рассказах», «Язык города», «Гордый наш язык...» и т. д. Но наш современник равнодушен к языку по обрисованным выше причинам: надо успеть высказаться в общении, включаясь в активную жизнь. Тонкая женская душа трепещет от непостижимости (и непостыжимости) словарных употреблений вокруг, и именно женщин русский язык интересует в письмах и в личных встречах. В этом что-то есть. Материнское сердце инстинктивно хочет оградить своих детей от «языка улиц».

Вторая причина – гуманитарная необразованность населения. «Борзостей еллинских не текоша», логике и психологии не учены, в словари заглядывают редко, а классическую русскую литературу – эталон русской речи – забросили на дальнюю полку. Эпштейн колотится «за русское слово», а русский человек даже к наличным словам относится как к воздуху – вдыхаю, и ладно! Невольно думаешь: а зачем десятки поколений духовно трудились над русским словом, огранивая и оттачивая его в назидание потомкам? Метастазы сленга и жаргонов расползлись по земле, выворачивая наизнанку смысл и значение русского слова. Интеллектуальная разболтанность и культурная неряшливость царят и в печати, и в устных речениях.

ПРАВДА ЗАКОНА – В ИСТИНЕ БЛАГОДАТИ

Блаженны алчущие и жаждущие правды (Мф. 5,6).

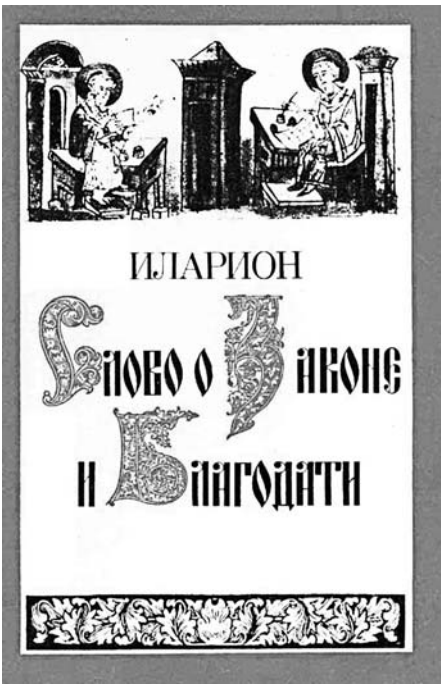


Свт. Иларион Киевский. Икона

Это было самое начало тысячелетнего пути, и только что принятый славянами культ еще не затвердел в рамках запретов как законченная духовная культура. Еще сохранялось множество представлений о Божестве как творческой силе природы, оживотворяющей и быт, и житье-бытье, и само бытие. Природа мира, творение Божьей воли, еще находится в центре внимания, еще поклоняются ей, а не делам человеческих рук – культуре, созданной человеком из природных сил. Исторический оптимизм и вера в грядущее еще не окрашены в монашески траурные тона, скорбные мотивы Апокалипсиса еще не подавляют весенней песни селян. Свежесть природного чувства находится в полной гармонии с новизной религиозного ощущения христианства – как веры преимущественно объединяющей. Радостная надежда – вот слова, которыми можно обозначить выражение средневекового поэта: «гради – ради, веси – весели!».

Именно в таких условиях и должно было появиться произведение, отразившее этические искания славянина в момент духовного перелома, затронувшего души многих, хотя еще и не всех. Заразить таким ощущением остальных – вот задача, которая требовала исполнения.

Великие произведения русской литературы – всегда пророчества. Может быть, не очень отмеченные современниками, такие произведения потомками ценятся особо. Страстные речи Кирилла Туровского и автора «Слова о полку Игореве» – накануне вражеского нашествия; тонкие кружева слов Епифания Премудрого – в истоках Московской государственности; неистовый Аввакум – перед началом петровских реформ; Пушкин – как провозвестник падения крепостничества; Достоевский и Толстой – перед катаклизмами XX века.



Но в самой исходной точке, скрываясь за далью времен, встает с пророческой силой «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского.

Все тогда было не таким, каким представляется сегодня. Не было на Руси святых, а для русского человека святость - высший идеал.

Не было и духовных вождей - Иларион и стал одним из них. Не было еще и самой Руси как единого целого. Все это еще предстояло осознать, воспринять и упрочить в себе как в едином народе, давно уже не только славянском.

Итак, это было лишь началом тысячелетнего пути... Философы, историки, богословы уже сказали свое слово и сошлись в том, что «Словом» Илариона восточные славяне доказали свою политическую мудрость и духовную зрелость, осознали свою историческую роль в мире (историческая идея «Слова»); что целью славян является стремление к универсальному - они уже вознеслись над обыденным, желая понять сущность сущего в его первозданной сути (философская идея «Слова»); что культура стала им столь же необходимой, как прежде важна была стихия природы (культурная идея «Слова»: приобщение к богатствам «средиземноморской культуры»); что новое государство, Русь, корнями уходит в традиции славянского рода, а связь времен понята как родовой принцип наследования князей по старшинству (политическая идея); что прагматика действия ставится выше догматики веры, в результате возникает новое миросозерцание у вчерашних язычников (прагматический аспект изложения); что новые ценности становятся необычайно важными в сознании древнерусского человека: не только феодальные добродетели верности, мужества и чести, но и личные достоинства терпения, совести и человечности (нравственный аспект все той же проблемы); что по делам и награда, а по грехам - искупление, и не одни лишь молитвы и постничество определяют судьбу. Но самое главное, что вычитываем мы из «Слова» - это вера в силу человека, живущего на родной земле, величие и единство Русской земли, патриотизм без

присущей этому чувству национальной ограниченности (публицистический аспект в содержании «Слова»).

Сам автор «Слова», Иларион, родился еще во времена князя Владимира, крестителя Руси, активно действовал при сыне его, Ярославе. «Муж благ, книжен и постник», – говорится о нем в «Повести временных лет». Иларион был священником церкви в Берестове, откуда Ярослав Мудрый и взял его в митрополиты. Это был первый митрополит из русских (1051–1054), сменивший греков, ставленников Византии. Поступок князя объяснялся сложными политическими расчетами: греки-митрополиты сковывали политическую волю великих князей, на это накладывалась идеологическая борьба с остатками иудейства в бывшем Хазарском царстве, которое долго держало славян в неволе. Одновременно с этим возникали противоречия между восточной (православной) и западной (католической) Церквями, завершившиеся в 1054 г. великой схизмой, разделением на века.

Важна и такая деталь: степень «православия» первокрещенных русских. И равноапостольный Константин I Великий, допустивший христианство в Византии, и Владимир I Святой, да и в целом многие другие языческие племена и народы (прежде всего германские), принимавшие христианство в столь раннее время, разделяли, сами того не ведая, арианскую ересь: вслед за Арием, проклятым святыми отцами на Первом Вселенском Соборе, они полагали, что Христос – не буквально Бог, не рожден Богом, но Богом стал. Вполне понятная для вчерашних язычников мысль. И «Слово» Илариона дает основания для тех же предположений, христианские идеалы представлены здесь в типично языческой форме.

Только-только выйдя из язычества, Русь сохраняла его следы во всем, но самое главное, сохраняла его в сознании, в ритуале и в слове, оберегающем идеалы предков. Нужно было что-то блистательно могучее, что молнией разорвет единую ткань язычества и, впитав в себя живительные соки народной культуры, дерзко провозгласит то НОВОЕ, ради чего необходимо отречься от старого быта и бытия.

Такой грозовой молнией и стало «Слово» Илариона, а тем НОВЫМ – христианская вера. Очистительной силой нового было само рождение государства Руси, которое славит автор в своем «Слове».

Высшие идеалы смогли заслонить прежние идеи, но уничтожить их полностью – нет, не уничтожили. Началась борьба, то явная, то подспудная, которая завершилась взаимопроникновением обеих культур, языческой и христианской. Для этого потребовались века, потери и жертвы. Когда под сводами Софии Киевской Иларион произнес свое слово, и родилось то новое, что победило и «идольский мрак» язычества, и холодно-расчетливый «закон» неприемлемых для славян вер: иудейства хазар, «поганой бохмитовой веры» мусульман.

Выбор был сделан за век до того, когда крестилась бабка Владимира, Ольга. Одна из замечательных мыслей Илариона: Русь не крестили – она крестилась сама. Не миссионеры из патриарших рук, не доброхоты-рыцари, огнем и мечом вгонявшие варваров в лоно Церкви, – нет, славяне сами созрели духовно для принятия веры в Единого, но не в Иегову, не в пророка, а – в Христа. Было что-то в душе славянской, что направляло выбор, нравственно его оправдывая. Это – душевная мягкость и духовная сила совместно, а также и те общественные добродетели, которые славит Иларион: ВЕРОТЕРПИМОСТЬ, ТЕРПИМОСТЬ, ТЕРПЕНИЕ и – патриотизм как любовь к Отечеству, к славе прошедших родов.

Величие Илариона и в том уже, что идею истории он внес в сознание славян, своих современников (и как автор летописных статей). Древнерусское язычество не знало этой идеи, понимая время как круг, неустанно повторяющий циклы жизни: от утра до утра, от весны до весны, от века до века. Христианство утвердило мысль о времени, которое ДВИЖЕТСЯ – из прошлого в будущее, от момента Творения и до конца мира. О конце мира Иларион не говорит, он сосредоточен на описании настоящего, словно забыв о грядущем. Эта особенность «Слова» и давала возможность современным историкам говорить об историческом оптимизме его автора, который возвеличивал только что созданную государственность, представляя ее как вечную; однако это и свидетельство жизнетворной и радостной связи с миром. Может быть, это и верно, но важно понять, как именно в те времена представляли себе это «настоящее». Уже форма причастия показывает, что в действительности имелось в виду НАСТАЮЩЕЕ. Настоящее как настающее предполагает и разворачивание текущих событий в будущее. Да, своей идеей Иларион как бы «сворачивает» в символически данном НАСТОЯЩЕМ все прошлое, все события, так или иначе отразившие его понимание мира. Но это не значит, что он не думает и о будущем: если его оптимизм действительно историчен, он непременно направлен на будущее. Круговое время, цикличное время прошлого, понятого как настоящее, есть типично языческое, мифологическое истолкование времен. Согласно ему, времени нет вообще, оно понимается как смена событий и действий, повторяющихся в виде природных циклов. Христианство тоже рассматривало время как простые вехи каких-то событий, и Иларион не может выйти за пределы языка и грамматических форм, которые в его эпоху диктовали представление о времени и временах. Иларион прорывает круг времен, разводит дуги прошедшего и грядущего, утверждая себя и свой мир в земной ипостаси настоящего. При всем при том это действительно НАСТОЯЩЕЕ, т. е., в соответствии с переносным значением слова, он говорит о настоящем не только времени, но и деле (как

достойном), и мысли (как главной), и слове (как истинном). Именно Иларион и есть тот первый писатель, который дал на Руси толчок развитию смыслов привычных слов в непривычных контекстах. Замкнутое в самом себе слово стало развивать все новые значения.

Он говорит о будущем, предпочитая «новое», ибо все новое всегда впереди. Отметим здесь и словесную тонкость: новое Иларион противопоставляет «ветхому», а не «старому»: старое ценится как прежнее, т. е., по смыслу древнего слова, как передовое, впереди лежащее. Старому поклоняются, старый – старший. Новое – то, что изменилось качественно (христианство вместо язычества, как понимает эту смену Иларион), новое несет с собой и моральную оценку, его можно рассматривать как символ будущего.

Ветхий – совсем иное. Престарелый и дряхлый, изживший свой век. Ветхий месяц истаивает в ночном небе. Ветхий завет противопоставлен Новому. Все новое-молодое важнее ветхого-старого, поскольку способно к творчеству, – вот в чем заключается оптимизм Илариона. На отрицании и преодолении ветхого.

Слово Илариона трехчастно, в нем как бы три главы.

Сначала речь идет о сравнительных достоинствах Ветхого и Нового Заветов, решается вопрос о предпочтительности вер – иудейской и христианской.

Затем говорится о распространении христианства на Руси, ставится вопрос о роли и значении государства, основанного на единой вере.

Наконец, следует похвала крестителю Руси и ставится вопрос о сущности царской власти, восходящей к заслугам «прежних родов».

Перед нами типичная для средневековой мысли последовательность рассуждений, трехчастность переходов от общего – от сущности целого – к более частным его проявлениям. Так выражается идея, воодушевившая Илариона: единство государства как целостная организация доселе разрозненных племен, народов и языков определяется единством веры и единством вождя, «кагана земли русской». И то и другое, и вера и царь, не даны извне, не навязаны, они произросли естественно в развитии народа из рода. Владимир дал веру духовно, Ярослав – «научением книжным».

Род порождает на-род, вера создает государство, князь становится каганом. Форма представления новых сущностей как бы «снята» с чужеродных образований: государственная – от Византии, сам термин каган – от Хазарского каганата и т. п., но народ – это не заемное, это свое, потому и соотношение сил в этом трояком повороте дел прямо обратное данному. Основное важнее главного: если вера – глава всему, то основой, фундаментом конструкции остается народ; княжеский Род, как символ единства

Земли, предупрежден о возможности разрушения государства, если единство Земли порушится.

Последовательность переходов – движение мысли в оба конца – важна и сама по себе, и многое объясняет в выборе темы.

Владимир уверовал, не видев Христа; насколько же он выше очевидцев Христовых деяний, в него не уверовавших, – вот еще одна мысль Илариона. Византия всего лишь посредник в получении христианства Русью, и потому у нее – свое христианство. Для Илариона несомненно: мудрость природы есть отражение Божьей благодати. Спасут человека крещение и добрые дела, а не истовость служб и принудительная аскеза; ад и рай находятся на Земле, и предпочесть одно другому – вполне во власти человека. Он свободен в своей воле. Иларион утверждает: все небесное – в земном, а не земное – в небесном. Это, конечно, не двоеверие – одновременно и в Творца, и в тварь, – а двойственность восприятия Земли и Неба, плоти и духа, человека и Бога. Они не параллельны, но и не противопоставлены друг другу и воспринимаются как ипостаси сущего, как одно в другом, как взаимные части друг друга. Представление о необходимости твари для углубленного понимания Творца существует у восточных славян до XIX века, и замечательный по проницательности Александр Потебня, выражая этот взгляд, говорил: «Язычество берет верх до тех пор, пока единобожие принуждено отвечать на всякий научный вопрос: „Так Богу угодно“. Это не ответ /.../ Язычество [же] есть такое миросозерцание, в котором конечные причины в большем или меньшем количестве размещены в самом мире», а это, понятно, и есть своего рода научное постижение мира, так что «победу над язычеством христианство могло одержать только при пособии науки»[1]. Христианство долгое время служило восполнением язычества как своего рода естественной «науки» (навыка) до идеологии, и это, по-видимому, хорошо понимает Иларион. Вера – не все в мире, это – отношение к творению через Творца.

Парадоксальное на первый взгляд сочетание у Илариона: он борется с язычеством как мраком идольским, но уважительным отношением к «памяти предыдущим родом» и образной системой языка он связан со славянским язычеством. Не язычество является основным противником и оппонентом Илариона, а иудаизм, именно в нем Иларион видит тот тупик религиозного, т. е. идеологического развития человеческих обществ, который он не может одобрить, и прежде всего – за национальное высокомерие (гордыню) и за претензию на духовную исключительность. «Не иудейскы хулим, нъ христианскы благословим» (1826) – такова позиция Илариона. И вот тут

[1] Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 277, 282.

мы видим проблему, намеренно искаженную не одним комментатором Слова. Утверждать христианство на народной основе вовсе не означает - уничтожать иудаизм, который воспринимается здесь как более низкая степень развития Духа, только и всего.

Существует устойчивое убеждение, будто Слово - антисемитское произведение. Конечно, еврейский народ представлен здесь не с лучшей стороны, но при общей направленности идей Слова иного и быть не могло. Возвеличивание Христа невозможно без порицания его убийц. Иларион использует основной прием библейских текстов: одно оценивается через порицание другого - отчуждением от него. Тем не менее и даже вопреки прямым указаниям 61 правила 6-го Вселенского Собора, запрещающим общение православных с иудеями, в Слове нет ни единого упоминания о ЖИДАХ - самого распространенного в Средние века обозначения этого народа, восходящего к имени Иуды. Даже «зависть» евреев ко Христу называется еще не завистЬ жидовская, как трактуют последователи Илариона, а ЗАВИСТЬ ИУДЕЙСКАЯ, - может быть, по созвучию с именем Иуды, но главным образом в соответствии с основной целью произведения - полемикой с иудаизмом как с влиятельной религией на южных границах Руси. Эгоистические установки иудаизма на нравственность, избирательность закона в отношении только своих, замкнутость иудаизма Иларион порицает косвенно.

А теперь поставим себя на место Илариона. Перед нами задача: в символических формах выразить и истолковать злободневные проблемы своего времени - сопряжение ВЛАСТИ, ВЕРЫ И БЫТИЯ или иначе - ЛИЧИНЫ, ЛИКА и ЛИЦА жизни. Выразить сжато, образно, используя известные всем представления. Как поступим мы в таком случае? Ведь кроме текстов Писания, да еще и в не полном виде, пока нет еще других символических образцов, а большинство из представленных и вытекающие из них идеи - еврейские. Зато идея Благодати - Христа как в известной мере, на вербальном уровне, отвлеченный принцип единения людей по духу независимо от крови и рода, полностью совпадает со славянской идеей мира как ТИШИНЫ и СВЕТА, и общины (для которой важнее ВСЕОБЩЕЕ, а НЕ СОБЬСТВО - не собственность и не собственное); на этой основе происходит вполне органичное слияние исконно славянского чувства (души) с новой идеей (духом), риторически представленное в новых символах. Художественная задача, которую решает Иларион, проста, но трудна. В новых словах и образах он закрепляет старые истины, но в новом их смысле и чине: не просто добро и не только благо, но - БЛАГОДАТЬ (БЛАГОДѢТЬ).

Не государственное, не национальное, не политическое или, выражаясь присущими Илариону словами, не ЗЕМЛИ и СТРАНЫ или ЯЗЫКИ противопоставляет в «Слове» Иларион. Он подчеркивает духовное

единение людей, которое, правда, может быть организовано и в государственную общность. Защищая христианство, Иларион по некоторым признакам сближает язычество с иудаизмом (эта тема становится сквозной в средневековой литературе) по принципу общего для них неприятия Христа, Сына Божия, исповедующего терпимость, равенство и любовь к ближнему. «Этический монизм» воззрений Илариона, как иногда говорят, заключается в соотнесенности земного жития с небесным его идеалом, и такой идеал в средневековых понятиях – это жизнь, жизнь вечная.

Упоминание о Сыне Божием возвращает нас к представлению о родовой организации общества, из которого выходила тогда Русь. Если остаться на уровне терминов, ставших символами, нужно будет признать, что понятие о государстве у нас развивалось постоянно. Идея государства в нашем сознании присутствовала всегда, лишь изменяя свои обличья. Государство, восходящее к корням рода, – это Родина; основанное, позже, на семейных отношениях – Отечество; наконец, как суверенность народа в пространстве Родины и в последовательности поколений Отечества – Государство [Государство – владение по праву собственника, господина]. Заслуга Илариона в том, что он впервые, как можно судить по источникам, утверждает смысл Отечества, опираясь на силу Родины и приуготовляя энергию Государства. По многим, чисто внешним причинам пришлось отложить становление русской государственности, но рождение русского народа из многоплеменных родов требовалось освятить, и это совершил Иларион. О патриотизме (об Отечестве) нужно было говорить очень тонко, не впадая в национализм! – и это удалось автору Слова. Удалось потому, что вовсе не национальная проблема была актуальной для Средних веков. Иларион никого не порицает, он рассматривает отрицательные исторические примеры: государственные амбиции греков и религиозные – евреев. Общая идея Илариона понятна: семейно-родовое единство создает новую государственность в его средневековой форме (Отечество) под духовной объединяющей силой христианства (не церкви, а христианства!) – веротерпимость, патриотизм и мирный союз племен под защитой сильной власти.

Равноправие всех родов в границах единого народа и есть утверждение равенства всех перед ликом Бога, и хотя восславление правящего княжеского рода напоминает остатки языческих воззрений, здесь такое восхваление вполне уместно, поскольку и сама княжеская власть предстает как воплощение суверенности народа. Эта мысль не должна казаться примитивной. Что было, то было: именно так и рождалась русская государственность. Не в социальной революции, не завоеванием чужих земель, не заимствованием чужеземных

символов и регалий (принципов государственности), не как-то еще иначе. Органически и естественно эта государственность выросла из родовых отношений эпохи варварства, т. е. дохристианской поры. И когда спустя три века представилась новая возможность, русская государственность обрела свои формы по тому же образцу. Потом этот путь развития прерывался неоднократно, лишая русский народ возможности продолжать свой собственный путь. Иларион и здесь стоял на исходной позиции последовательного «снятия» идеи суверенитета и восхождения его по степеням: от семьи и общины, все выше и выше – к царю как символу всеобщего. «Вера в доброго царя», за которую так упрекают русского мужика, не есть вера в монарха лично. Это вера в силу, которая отчуждена от каждого свободного человека, от каждой семьи, общины, гильдии и т. п. как символ власти, которой он потому и верит как самому себе. Добрый – вовсе не мягкий, формула сохраняет исконный свой смысл, который трудно перевести на нынешние понятия. Добрый – доброкачественный. Потому что качество – основная категория, которую ценит русский человек.

Русь обошлась без «закона», с самого начала ее осенила благодѣтъ. Из язычества Русь вошла в семью христианских народов, приобщившись к миру – через свет. Многоплеменные языки стали Русской землей. Сегодня и в этих средневековых терминах не все достаточно ясно[1]. Государство – и без закона? Вот корни бесправия и рабства! Однако дело понималось вовсе не так: не мирской закон, но духовный завет должен править Русской землей. Отрицательное отношение к иудейскому «закону» в утверждении государевой власти не меняет дела: в миру правит не истина, а правда, и, значит, не закон, а – устав. Каждое из перечисленных слов имело свой особый смысл, определяя установку на право и справедливость, как понимали их в средневековом обществе.

Что же получается? Владимир показан как носитель одновременно государственной и духовной власти – но ведь это языческое представление о верховном жреце! И здесь происходит смешение понятий, не всегда явно просвечивает из прошлого смысл обозначений и слов. Сила Владимира была именно в том, что он – по преимуществу «царь» (каган земли руской), четко и определенно отделивший себя от функций жреца. В духовном смысле он вождь, а не жрец; функции жреца он передал Церкви вместе с церковным уставом и положенной десятиной. Не случайно Владимир – герой одновременно и средневековой летописи, и народной былины. Он – носитель феодальных

[1] См. Muller. L. Ilarion Werke. Munchen, 1971. S.61-86.; Колесов В.В. Умное слово в «Слове» Илариона Киевского//Альманах библиофила, XXVI. М., 1989. С. 95-113.

добродетелей (честь, мужество, патриотизм), но одновременно он и Владимир Святой (святым, правда, долго не признаваемый). Иларион и сам считает Владимира не святым, а равноапостольным, т. е. равным апостолам, крестившим народы. Владимира невозможно признать святым по отсутствию признаков святости, ведь он не спасает лично себя в суете быта, он действует как культурный герой, во славу «всего рода русского».

Итак, национальная, государственная и политическая идеи присутствуют в «Слове» Илариона, и они сплетены воедино в общем замысле его композиции. Подчеркнуть только одну из этих идей сегодня было бы упрощением, мешало бы понять философский подтекст произведения. «Слово» философски синкретично по смыслу. Современный философ, мыслящий аналитически, выделит вдобавок и те противоречия, которые свойственны были старому (например, «римскому») миру: религиозное (язычество римлян противопоставлено иудейству), культурное (эллинизм противопоставлен варварству), социальное (свободные противопоставлены рабам) и т. п. У Илариона еще нет столь четких привативных оппозиций, позволяющих выявить «положительные» части в этих противоположностях, – что, впрочем, может определяться и вкусами наблюдателя. У автора все это дано в совместном движении и действии – тоже черта синкретично мифологического мышления древних славян. Духовное возрождение своего народа, вознесенного до силы религиозной веры, – вот забота святого отца в своем Отечестве. Жизнеутверждающее начало «Слова» в том и проявляется, что его автор верит в такое возрождение и служит ему истово.

Слово о законе и благодати – прежде всего слово. Словесное искусство Илариона поразительно, и это несмотря на многие подновления, на искажение первоначального текста. Сравнение различных редакций, дошедших до нас, показывает, до какой степени изменилось «Слово» в процессе своего бытования, какие именно идеи его казались жизненно важными в различные эпохи нашей нелегкой истории.

Кажущееся смешение цитат, формул, выражений, заимствованных из самых разных источников; несоединимые, на первый взгляд, приемы народной речи и высокого ораторского искусства – вот каким предстает «Слово» перед неискушенным читателем сегодня. Его необходимо истолковать герменевтически, перебирая буквально каждое слово, потому что значение любого из них изменилось.

Кому-то покажется странной высокая оценка текста, в котором так много цитат из Библии, да и сам текст, по разным суждениям, суть конспект расхожих суждений о благе. Да, в «Слове» почти полторы сотни цитат на семьсот строк текста, но в нем же около 1800 различных слов – богатство неимоверное для средневекового

произведения. В ритмическом изложении (а «Слово» написано ритмической прозой) примерно 1200 «стихов», и это очень много, если учесть, что в «Слове о полку Игореве» таких стихов около 900. И если вглядеться в эту мозаику слов и форм, умело инкрустированных в текст цитат, понять смысл целого в духе его времени, то «Слово» предстанет цельным и целостным произведением мастера средневековой литературы.

Вот лишь один пример.

Иларион говорит не о благодати, а о благодѣти. Речь идет не о даре, предназначенном избранным, а о чем-то ином, и это иное – вовсе не благодать!

Сопоставляя «Слово» со столь же древними текстами, можно понять, что имеет в виду Иларион. Корень в слове благодеть тот же, что и в словах одѣти, одеяние, потом одежда или одежа, и все они восходят к корню дѣ-ти, т. е. «касаться, тронуть». Птицъ крилы приодѣ дружину в «Слове о полку Игореве», т. е. украшают ее, возвышают – осеняют. Та же мысль о касании блага, осенений благом, что и в искусственном сочетании книжного языка благодеть. Разлитое в мире благо касается, т. е. осеняет, каждого, кто несет в себе добродѣ-телъ (вот слово, в котором еще сохранилось понятие о «дѣти» – проявлении благодетельного касания). Божество осеняет – да, но дарами оно не разбрасывается. И благодать, и благодѣть одинаково передавали смысл греческого слова χάρις. По смыслу это и красота, прелесть, и слава, благосклонность, расположение, милость, благодеяние, одолжение и даже услуга. Это и радость наслаждения, даже блаженство, но также и почитание, уважение, а кроме того – благодарность, признательность, и после всего этого, как завершение цепочки смыслов, вытекающих один из другого, – награда, или вознаграждение. Форма слова благодать была известна в древности только по переводам текстов Евангелия и Апостола. Это слово общего, но и конкретного значения. Абстрактная по явленности благодать заместила все возможные оттенки высших благ и обозначена одним – родовым по смыслу – словом.

Итак, Иларион говорит о благодети, которая осенила Русскую землю благодаря деяниям русских князей.

Но это не все. Закону противопоставлена не одна благодеть, но – благодеть и истина. Самодостаточному и замкнутому в своей завершенности «закону» противопоставляются диалектически сплетенные и представленные единым термином «благодеть и истина». Истина благодатна, благодеть истинна. В современном нам представлении с идеей истины сопряжена и «правда» (правда-истина). Иларион же понимает их в духе своего времени: правда – внешняя форма проявления истины, истина связана с Богом, она и есть благодеть,

тогда как правда, противопоставленная кривде, употребляется в отношении к человеку (у самого Илариона – в отношении к Владимиру I). Благодеть оказывается сродни правде, но предъявлена перед ликом Бога. И опять мы встречаем свойственное «Слову» выражение отвлеченной духовной идеи известными недавним язычникам образами: живительная энергия благодати понимается как теплая и влажная сила земли-матушки.

Сегодня все мы – аналитики. Школьная мудрость велит нам все подвергать анализу, но анализ – это разложение целостной вещи на составные ее части, которые иногда важны и сами по себе. Но древнерусский мир синкретичен, неслиянно слиты в представлении человека все части общего, и не всегда поймешь, где его концы и где начала.

«Слово» Илариона, произведение философское по содержанию, мы воспринимаем как памятник литературы именно благодаря художественной синкретичности его словесных форм. В нем нет никакого анализа, формул, определений и терминов. Все «Слово» – символ, и символична каждая часть его. Иногда, правда, говорят о метафоричности стиля этого текста, о метафорах в нем, но это не так. В самых древних наших памятниках никаких метафор вообще нет. Метафора – сравнение по сходству признаков, а об изолированных, отвлеченных признаках Иларион как раз и не говорит. Он судит крупно и цельно о лицах, отчасти о предметах, иногда о деяниях; каждое из них уникально эпично, не сравнимо одно с другим, не предстает КАК ТИПИЧНОЕ. Сравнивая язычество и христианство, Иларион представляет связанные с каждым из них приметы нравственного характера, которые качественно разграничивают ВЕТХОЕ И НОВОЕ: языческая СУШЬ сменяется плодоносным ДОЖДЕМ христианства, СТУДЕНЪСТВО, т. е. стужа, – теплом, ИДОЛЬСКИЙ МРАК – Божественным светом, ИДОЛЬСКАЯ ЛЕСТЬ – Божьей истиной, рабство (РАБОТА) – свободой, а закон – благодатью. Подобное сравнение не порождает метафор. Это вообще риторический прием. Иларион ничего не сочиняет и даже не сравнивает; он УПОДОБЛЯЕТ одно другому (христианство – теплая влага и свет, истина, свобода и благодать), и перед нами возникает множественность природных и нравственных явлений как ЕДИНСТВО СУЩЕГО, подобно тому, как Троица оказывается всего лишь проявлением сущностей (ипостасями) Единого – Бога. Для выражения своей МЫСЛИ Иларион берет готовое СЛОВО – в языке, в Писании, в традиции жанра уже накоплены нужные признаки, и уподоблением им создаются новые образы и символы. Понятие (идею) он доносит до читателя посредством образа, но образ этот не создан, а дан, и это – символ. В Средние века символ заменял современное нам ПОНЯТИЕ о вещи. Символически мысль подается просто: одно показано

через другое, ведь и понятие о вещи есть нечто совершенно иное, чем сама эта вещь или слово, ее обозначающее. И в византийской литературе, из которой заимствовались подобные образы, они были символами, пришедшими из античной традиции. Например, параллели Илариона: Прежде закон – ти потом благодать, прежде стѣнъ – ти потом истина – весьма напоминают мысль Платона об «идее», которая существует предвечно, отбрасывая тень на земле в виде «вещи»[1].

Говоря об Агари, наложнице Авраама, Иларион думает о рабстве, рассказывая же о Саре, жене Авраама, – он представляет себе свободу. Что общего у Сары со свободой? Ничего, кроме известного выражения у апостола Павла, из которого и исходит Иларион в своих толкованиях: В этом есть иносказание. Это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай...; а вышний Иерусалим свободен: он – матерь всем нам (Гал. 4, 24 – 26). Перед нами вовсе не «движение метафор». Иларион вводит в сознание слушателей символы христианской культуры, пользуясь известными образами. Достаточно перевести на славянский язык значения имен, используемых Иларионом, и все станет ясным: Авраам – «отец народов» (в древнерусских азбуковниках «отец странам», «отец языком»), Сара – «приди, или послушество (послушание)», Исаак, – «а по руски смех или радость», Агарь – «обитавшая» – символ бегства, Измаил – «Бог слышит» или, по-древнерусски, «слух крепкого», т. е. твердого в своих убеждениях»[2]. Смысл имен, расположенных в определенном порядке, создает напряженную композицию и все вытекающее из этого содержание «Слова». Авраам – отец народов (и еврейского, и арабского), но законная жена рождает наследника в радость (Исаак), а рабыня египтянка вынуждена бежать со своим сыном Измаилом, праотцем арабов, «измаилтян», или «агарян» древнерусских источников.

Не о прошлом напоминает Иларион, в образах и символах прошлого он говорит о будущем. Символ раскрывается в последовательных картинах, выражениях, напоминающих пословицы, с той лишь разницей, что это афоризмы книжного текста. Все, о чем здесь говорится, современники Илариона только что узнали, им еще не известны тонкости Священной истории, а Ветхого Завета нет вовсе. Пересказом и повторениями одной и той же мысли в разных формах Иларион создает развернутый парафраз – тоже обычная для Средних веков возможность раскрыть христианский символ непосвященным. Основной прием при этом – риторические противопоставления, искусно переданные с помощью поэтических образов славянских слов.

[1] Платон. Политик. VII 13.

[2] Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи Средневековья. М.-Л., 1963. С. 398 и след.

Это – принцип «внедрения» новых символов в расхожие речевые формулы обыденной речи; как говорят филологи – ментализация через формы родного языка. Трудно исчислить следствия этой многовековой работы, проведенной славянскими книжниками в средние – вовсе не «темные» – века. Было много удач, случались и грубые ошибки. Но основное направление поисков, заданное «Словом» Илариона, достигло цели – и вот в чем коренится высокая, как мы сказали бы сегодня, разрешающая – объясняющая – сила библейских текстов.

Переведенные на славянский язык, они долгое время исполняли роль «переводчика» символов-понятий, опосредованно объяснявших мир и раскрывавших сущность сущего. Работа многих поколений поддерживала энергию священных христианских текстов, создавая вокруг них питательную среду все множимых описаний, слов и идей. Так на основе культа в тиши Средневековья и произрастала новая культура.

...Опустим идеи и суждения последователей Илариона. Доброе зерно пало на ниву – и проросло. Веками собирали русские книжники мудрость, идущую из прошлого, и вот на исходе XIX века мудрость сгустилась в русскую философию. В центре рассуждений – по-прежнему благодать и закон, и связь между ними. В. С. Соловьев повторяет слова Илариона о последовательности замен: природа (язычество) – закон (народа) – благодеть как высшее и духовное благо, т. е. зло – добро – благо. «Закон» продолжает природные циклы жизни, он основан на чувственном возбуждении – голос совести против природы называет себя законом. «Закон, осуждая природные влечения, ничем их не заменяет и оставляет их в прежней силе», но, осуждая природу, закон порождает грех: «Благодать есть благо, или добро, которое не мыслится только человеком, но действительно дается ему»[1].

Отметим важное отличие: благодать не осеняет, как благодеть Илариона, а – дается. «Но для того, чтоб действительно стать на пути благодати, недостаточно признания ума, а нужен подвиг, т. е. внутреннее движение воли: человек должен внутренне подвигнуться для принятия в себя благодати или силы Божией». Государство языческое правило «устрашением», – говорит Соловьев, – ветхозаветное – «возмездием», христианское государство правит «жалостью» к человеку. Христианство явилось, чтобы упразднить власть закона, ибо христианство как духовное общество противопоставляет себя обществу плотскому, т. е. прежде всего язычеству, а вовсе не государству. По мнению Соловьева, которое перекликается с идеями Илариона, только христианство придало смысл и значение государ-

[1] Соловьев В.С. Духовные основы жизни //Собрание сочинений. М., 1900. Т. 3. С. 279, 281.

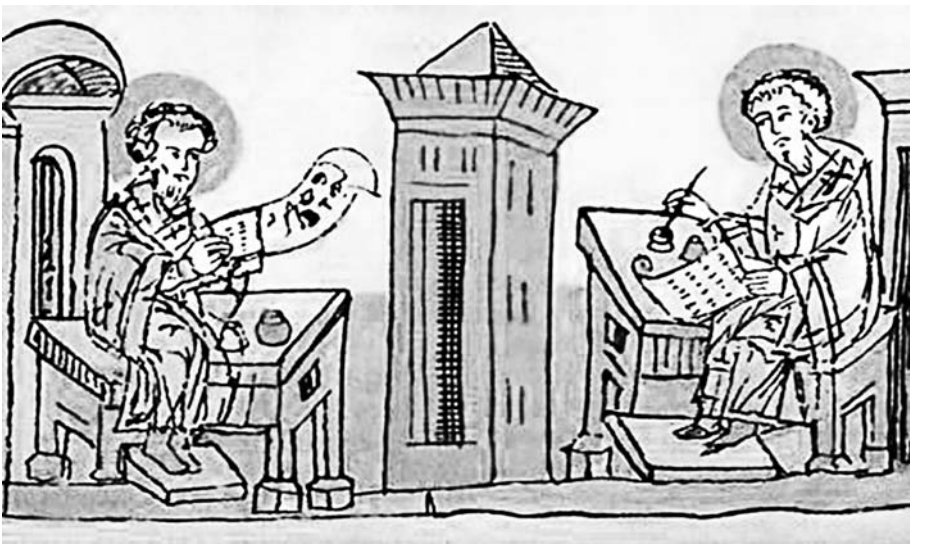
ству как законченной целостности людей тем, что возвысилось над ним, поскольку христианство вообще создает общество как некую форму человечества, но создает не в общности законоподчинения, а сознательного духовного единения[1].

Оборачиваясь кругами, через радости-печали, мысль возвращается к исходной своей точке, к «Слову» Илариона: общество равных духом важнее государства как формы принуждения, только такое общество «побеждает смерть»[2].

Углубляя таким образом свое представление о традициях и героях собственной истории, мы сможем обогатить наше миросозерцание. Ведь чем больше каждый живущий ощущает свою историю, тем выше коллективный разум. Чем глубже в даль времен уходит историческая память народа, тем тверже он стоит на земле хозяином, тем меньше верит злобным наветам «завистников», тем яснее для него грядущие годы, которые можно не просто ожидать, но и прорицать их, исходя из естественной силы и энергии слов, накопленных предками.

Телесно-личное, душевно-общее и духовно-человеческое по-прежнему, как и во времена Илариона, предстают в единстве - как воплощение сущности человеческого бытия, как высшая благодать, что сродни вечности и, подобно вечности, пребудет вовеки.

Праведный да творит правду (Откр. 22, 11).



[1] Соловьев В.С. Указ. соч. С. 283, 158, 376.

[2] Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. Проблемы закона и Благодати. М., 1994.

«Опасные игры с Восточным драконом»

Беседа главного редактора «ДС» архимандрита Георгия (Шестуна) с Андреем Поповкиным

- Андрей Владимирович, какова цель вашей командировки в Самару?

- В рамках фестиваля «Зимние встречи» состоялся обмен мнениями за «круглым столом» по ряду проблем, связанных с культурами народов, населяющих Европу и Дальний Восток. Эту интересную встречу организовала Самарская областная научная библиотека, где я выступал с докладами. В первом из них речь шла о методе сравнительных исследований, в основу которого положена одна из концепций метакультуры[1], предложенная доктором философских наук Сергеем Евгеньевичем Ячиным. Этот метод, явившийся плодом коллективного творчества, позволяет результативно сравнивать особенности культур, выявлять отличия разных религий. Тема другого доклада - «Проблема религиозного акта в буддизме».

Андрей Владимирович Поповкин родился в 1974 г. В 1997 окончил физический факультет ДВГУ (г. Владивосток) по специальности «физик». В эпоху «бурных 90-х» активно интересовался боевыми искусствами.

Тема кандидатской диссертации: «Особенности осмысления мистической интуиции в даосско-буддийских учениях и в русском интуитивизме» (сравнительный анализ). После защиты диссертации духовные ориентиры переместились в область православия.

В настоящее время работает старшим научным сотрудником в институте Истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, преподает философию в ДВФУ, кандидат философских наук.

Научные интересы: сравнительная философия и религиоведение; культурная антропология; философия религии, религиозная философия, теология, проблемы межэтнического и межрелигиозного диалога, концепция толерантности и ее альтернативы, гендерные исследования. А. В. Поповкин — автор более сорока печатных работ.

- В последнее время Приморский край часто называют «Тихоокеанской Россией», и она близка к Японии, а также к Китаю, где сейчас самое большое количество населения, самая мощная экономика в мире, разнообразие религий, духовных практик. И я думаю, «Тихоокеанская Россия» от Европы отличается еще и тем, что многие люди здесь увлекаются такими практиками, зачастую не понимая глубины данной культуры, религиозных воззрений. А вы это еще и изучаете. Вы интересный пример привели о том, что у вас на конференции стали читать японские стихи...

- Хайку[2].

- Хайку. У нас много любителей поэзии увлекается такими стихами.

- Услышав об этом, я был просто поражен.

- А почему? Некоторые пишут, подражая японским авторам, не вникая в суть жанра.

- Согласен, большинство не знает корней хайку. И это было особенно заметно во время проведения фестиваля. Поэты, точнее, в основном поэтессы, увлеченно декламировали что-то о бабочках и тому подобных милых вещицах. Но потом одна из участниц фестиваля рассказала, как занимаются стихосложением в жанре хайку дети-инвалиды, познакомила с их творчеством. Прочла некоторые наивные и, как мне показалось, тревожные стихи. Вот на них-то и отозвалась душа. Тогда меня осенило: хайку - это коротенькое стихотворение, которое обычно самурай сочинял перед смертью. Настоящие японские хайку потому так и пронзительны, что, по сути, являются последним вздохом уходящего, его последним взглядом на мир. Я поинтересовался, учитывается ли такая принадлежность к смерти в обучении детей хайку, вернее, каким образом удается ее избегать? Оказалось, что никак. Да о ней попросту не знают! Меня всячески старались убедить, что я ошибаюсь. И тут пришла очередь выступать поэту-хайцзину, молодому человеку с мрачным, будто вытесанным из камня лицом... Он сопровождал свои стихи короткими видеозарисовками, и все они были... о смерти! Что тут началось! «Нет, не может быть!» - восклицали задетые за живое поэтессы. Я же, каюсь, лишь мрачно усмехался. Очень надеюсь, что присутствовавшие там извлекут из произошедшего полезный для себя урок. Может быть, до них дойдет, что такие дети талантливо сочиняют хайку оттого, что они как никто другой ценят жизнь.

А вообще надо сказать, что русская культура и культура народов, населяющих Дальневосточный регион, существуют достаточно обособленно. Даже в столице Приморского края, во Владивостоке, людей, серьезно интересующихся Востоком, мало. Правда, существуют восточные единоборства, увлечение которыми носит поистине массовый

---

[1] **Метакультура — состояние современной культуры, возникающее на границах культурных сред, при котором проясняется зависимость развития культуры от творческого потенциала личности.**

[2] **Хайку — жанр традиционной японской поэзии, известный с XIV века. Одним из самых известных представителей этого жанра был и остается Мацуо Басё.**

Свт. Николай Японский

характер. Особенно у нас в Приморье, где «на помощь» российским тренерам приходят наставники из Японии и Китая. Однако мой личный опыт и проведенные исследования показывают, что в большинстве случаев речь идет не о настоящих единоборствах... К счастью, чаще всего это более или менее безобидные имитации. Тем не менее, я полностью солидарен с одним из священников, назвавших подобные увлечения «опасными играми с восточным драконом».

- Так в чем же заключается опасность таких «игр»? Расскажите, пожалуйста, подробнее.

- Начну с того, что практически все восточные единоборства являются частью аскезы какой-либо из религий: даосизма, буддизма или синтоизма. Например, айкидо, по сути, телесная аскетическая практика одной из сект синто. Ушу или кунг-фу также практиковались изначально либо в буддийских монастырях, либо в даосских школах. Кстати, обратите внимание на парадокс: никого из наших, русских людей, почему-то не шокирует обещание «духовного роста» в процессе обучения эффективным способам... нанесения вреда оппоненту. Смысл любой схватки там сводится к этому, не так ли?! Ну как может возрасти моя духовность от того, что я научусь бить в лоб «супостату» не рукой, а, скажем, ногой?! Так нет же, утверждают, что растет... А самое поразительное в том,

---

[1] Святитель Николай, архиепископ Японский, по призванию Божию проповедовал православную веру в Японии. В 1869 году было принято решение образовать для проповеди между японскими язычниками Слова Божия особую Российскую духовную миссию, начальником которой был назначен возведенный в сан архимандрита отец Николай.

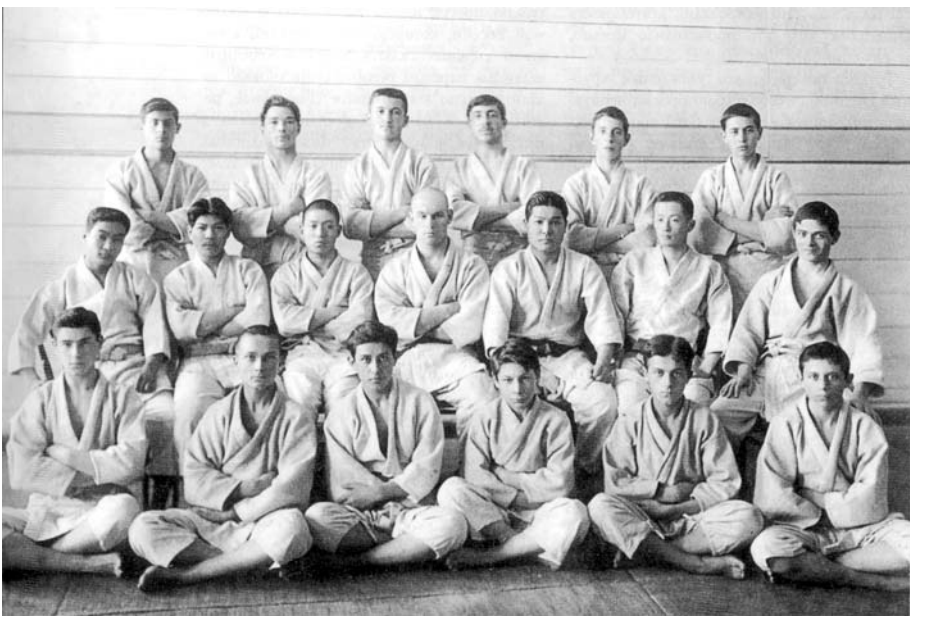
В 1911 году, когда исполнилось полвека миссионерской деятельности святителя Николая, было уже 266 общин Японской Православной Церкви, в состав которых входило 33 017 православных мирян.

Сам святитель всей своей жизнью являл пример истинного духовного руководителя, всецело преданного своему служению. Ко Господу он отошел на 76-ом году жизни — 3 февраля 1912 г. За свои равноапостольские труды в деле просвещения японского народа был причислен к лику святых. В Японии святитель Николай почитается как великий праведник и особый молитвенник пред Господом.

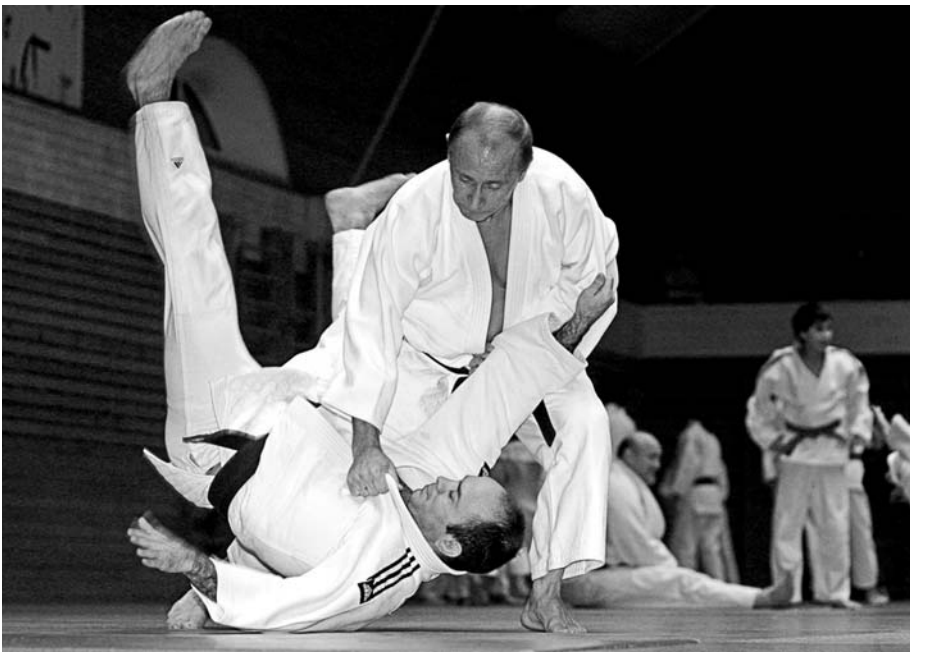
что душевный и духовный строй человека в ходе занятий восточными единоборствами действительно изменяется! Говорю это в данном случае на основании собственного более чем десятилетнего опыта занятий восточными единоборствами. Причем основной принцип обучения единоборствам на Востоке, прошу простить за некоторую резкость, заключается в «обезьянничании». В них, как правило, ничего не объясняя ученику, его заставляют копировать мастера, - без лишних вопросов, не рассуждая... И через некоторое время с разумом «подопечного» происходят необратимые изменения.

- Надеюсь, речь идет не о дзюдо?

- Дзюдо - особый случай. Оно стало развиваться по благословению святителя Николая Японского, который использовал эту борьбу для укрепления здоровья воспитанников православной духовной семинарии. А у истоков стоял Дзигоро Кано - японец, взявший на вооружение методы тренировки европейских спортсменов в джиу-джитсу и объединивший их с арсеналом приемов японских мастеров. Дело в том, что в традиционном джиу-джитсу не было системы соревнований - в основном практиковались решающие поединки, часто приводившие к смерти или тяжелым травмам. Ученики Дзигоро Кано, который смягчил приемы и ввел систему состязательных схваток, добивались такого мастерства, что одерживали победы над большинством представителей традиционных школ джиу-джитсу. Таким образом, дзюдо, впитавшее в себя европейский спортивный дух, уже



В. С. Ощепков и его питомцы



Дзюдо: острый момент борьбы

нельзя рассматривать как аскетическую практику. И как тут не вспомнить нашего Василия Ощепкова, начавшего с уроков борьбы у самого Дзигоро Кано.

- А благословил Ощепкова тоже святитель Николай Японский?

- В судьбе Василия Ощепкова архиепископ Николай Японский принял самое деятельное участие. Человек широких взглядов, он сумел создать в Японии православную духовную миссию. В одно из учебных заведений этой миссии, семинарию в г. Киото, попал четырнадцатилетний сирота Вася Ощепков. Среди дисциплин, изучавшихся в семинарии, была борьба дзюдо, и раз в год в семинарии проводился отбор лучших учеников в знаменитом институте Кодокан-дзюдо, возглавляемом основателем этого вида борьбы Дзигоро Кано. Мальчик был принят в это учебное заведение, а два года спустя получил первую мастерскую степень - седан (первый дан) и подпоясал свое кимоно черным поясом. Вскоре он сдал экзамены на второй дан и стал первым русским, заслужившим степень мастера по дзюдо Кодокан.

Вернувшись в Россию, В. С. Ощепков был переводчиком в штабе Приамурского военного округа, затем стал преподавателем Государственного центрального института физической культуры. Работа в этом вузе дала ему уникальную возможность познакомиться с системами борьбы народов нашей страны, представители которых обучались у него на кафедре.

Василий Сергеевич организовал первый в России любительский кружок по изучению дзюдо и воспитал многих талантливых спортсменов, среди которых были Г. В. Кузовлев, В. В. Сидоров, Н. М. Галковский, И. В. Васильев и другие.

Да, дзюдо это особый вид борьбы, и спортсмены-дзюдоисты отличаются завидным душевным равновесием и физическим здоровьем.

-Чего не скажешь о наших последователях восточных религий. Или взять те же единоборства. Вовлечение молодежи в «безобидные» практики для якобы физического и духовного развития - прямой путь в бездну греха, гибельный путь. И если бы знали мальчишки и их родители, что произойдет с душой ребенка после пяти, от силы десяти лет таких занятий, то уж, конечно бы, забыли дорогу в такие школы.

- На самом деле может хватить и гораздо меньшего срока. В настоящих боевых школах восточных единоборств, а мне «посчастливилось» заниматься именно в такой, существует понятие, которое можно перевести как: «алхимический срок». Это срок, за который в человеке, в результате занятий, происходят так называемые качественные изменения. Минимальный «алхимический срок» - 100 лунных дней. Затем проходит год, потом - три, и изменения становятся уже весьма существенными; пять, семь лет - (именно столько прозанимался я в школе боевого кунг-фу) и чем дальше, - тем больше. Это подтверждается не только личным опытом: одна из моих студенток занималась исследованиями практики школ ушу во Владивостоке, где занятия ведут тренеры-китайцы. В одной из таких школ наставник ввел свои, национальные, порядки: воспитанники тренировались в китайской одежде, соблюдали церемониал; но главное - с теми, кто достигал заметных результатов, как правило, по истечении года занятий (тот самый «алхимический срок»!) наставник проводил особую процедуру посвящения, в которой ученику давалось новое, китайское, имя!

- Инициация?..

- Вот именно! Поражает, что ученики этого тренера-проповедника, выросшие в русской культуре, даже не задумывались о том, что наречение имени - это духовно очень значимое событие! Оно всегда во всех культурах сопровождает духовное рождение или перерождение человека. Имя получает крещаемый, новое имя получает человек при пострижении в монахи.

Но надо признать, что подлинная цель восточных единоборств и есть духовное перерождение человека. В «Письмах мастера дзен мастеру фехтования», написанных в средние века японским монахом Такуаном Сохо, говорится о том, что ум обычного человека подобен фонарю, который освещает только тот предмет, на который он направлен. Но есть другой ум - «ум дзен» или «ум Будды», что подобен факелу, который высвечивает все сразу. Именно такой ум нужен воину, когда в вихре боя не знаешь, откуда ждать удара. Специально разработанные упражнения нацеливают ученика не на поединок, а на бой, когда противников может быть сколько угодно.

Скажу по своему опыту, примерно после пяти лет тренировок мне уже стало безразлично, сколько человек выступит против меня: двое, трое или пятеро... Поймите правильно, я не имею ввиду, что обязательно побью сколько угодно человек. Просто психологически и, так сказать, технически, для меня нет разницы, сколько выступает противников. Мое сознание после занятий кунг-фу научилось как бы «менять фокус». В экстремальных ситуациях это стало происходить без какого-либо сознательного усилия с моей стороны. То есть, хочешь ты этого или нет, но сознанием целиком и полностью оказываешься в состоянии «здесь и теперь», когда для тебя нет ни прошлого, ни будущего, и ты ничего не боишься, ни о чем не жалеешь.

Поначалу мне это нравилось... Был даже забавный случай, когда двое «гопников», пытавшихся меня ограбить, были совершенно сбиты с толку моей спокойной манерой разговора и ушли, так и не решившись развязать драку. Вначале было даже весело, но потом стало страшно. Страшно оттого, что я понял, что в таком состоянии тебя и самого уже не существует. В этом расслабляющем и таком, поначалу приятном, состоянии медитации личность растворяется, подобно куску сахара в стакане кипятка. Как говаривал один «просветленный» буддист: «Нет гуляющего, есть только гуляние».

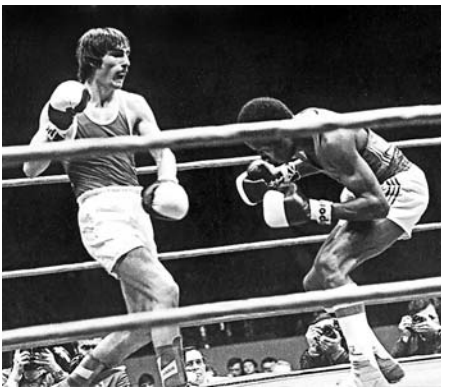
С чем, хотя бы приблизительно, можно сравнить такое состояние? Ну вот на санках с горы мчишься, и скорость такая, что ими уже не управляешь... С восклицанием «ух!» впадаешь в такое «замершее» состояние. В нем даже приятно находиться, и боевые приемы оно делает весьма эффективными, точнее, приемы вообще перестают иметь значение - тело все делает как будто само.

Но потом так сложились обстоятельства, что я попал в трудную жизненную ситуацию. У меня заболел ребенок, появились проблемы на работе, а сам я все чаще и чаще стал ощущать, что живу в этом «расфокусированном» состоянии. Тут-то до меня, наконец, дошло, что в сфере духа на двух стульях не усидеть. Я должен выбрать: либо продолжать растворяться в «уме Будды», либо сохраниться как личность, как автор своих поступков.

И знаете, мне очень помог в выборе опыт дружбы. В детстве у меня был друг, вместе с которым меня перевели в другую школу. Тамошние хулиганы решили устроить нам «прописку» - отлупить. Такова была местная традиция, так было принято... Первым была очередь моего друга. Я очень боялся, в голове крутилась подленькая мысль: «а может до тебя очередь и не дойдет», но была и другая! Она тихо, но властно утверждала, что происходящее НЕПРАВИЛЬНО и что молчать - подло. Теперь-то я знаю, от Кого был тот помысел, а тогда... Тогда я положил дрожащую руку на плечо хулигана, державшего моего друга, и сказал: «Оставь его». Тихо сказал, робко, но чудесным образом этого хватило - нас так и не побили тогда. И вот это «растворять» я ну никак не хотел...

И поэтому я хочу предостеречь тех чадолюбивых родителей, которые, не задумываясь, ведут детей в школы восточных единоборств.

Плохо, если ребята попадут к шарлатанам, пускающим пыль в глаза, но еще страшнее, если попадут к знающим, «продвинутым» наставникам...



Бокс: победы обязательно до-бьюсь!

- Во что же такая «наука» превращает человека?

- На тренировках задействуется внутренняя сила, так называемая «ци» или, по-японски, «ки». Она-то и преобразует душу человека, порой против его желания и воли! Дело в том, что методы подготовки бойца в восточных единоборствах существенно отличаются от западных тренировок по своим принципам. Если в боксе или даже рукопашном бое упор делается на доведение до автоматизма некоторого набора приемов, то в боевом кунг-фу идут другим путем. Можно сказать, что там воспитывается «разум тела». Ты изучаешь как бы не удары и броски, а слова нового языка, языка боя. И как у всякого изучающего язык цель стать не попугаем, заучившим несколько фраз, а научиться свободно говорить, так и в боевом кунг-фу бойца учат свободной импровизации на основе определенной «грамматики», которая определяется законами психологии, анатомии, но главное - характером течения «ци». Природа этой внутренней энергии пока науке не известна. Трудность тут в том, что она связана как с работой сознания, так и с физиологией. Так, например, на одной из тренировок я случайно познакомился с «энергией гнева» (такое понятие существует в кунг-фу). Меня часто возмущал один парень, который перешел к нам из другой секции. Очень уж он любил «работать на публику», во всем выделяться, доминировать. Даже в такой ситуации, когда требовалось поддержать партнера, помочь ему. И вот во мне как будто поднялась некая волна, я нанес этому парню два или три удара ладонью, и тот впал в ступор. Теперь я понимаю, что это были так называемые энергетические удары, которыми люди неопытные, мало знающие, так стремятся овладеть. Когда тренер остановил меня, нерастраченный остаток этой «энергии» горячей волной опустился в низ живота.

Позже, когда я стал читать труды по христианской аскетике, то обратил внимание на разъяснение отцов-исихастов, что существуют теплота духовная (сердечная) и теплота животная. Последняя как раз сосредоточена в низу живота и в области почек. И отцы-исихасты призывают во время молитвы Иисусовой не терять контроля над собой, следить: как ты, с духовной ли теплотой молишься, особо призывая новоначальных не перепутать ее с теплотой животной.

Самбо: не навредить противнику

В восточных же аскетических практиках, таких как йога, цигун и единоборства, напротив, основной упор делается на теплоту животную. Она всячески культивируется и усиливается. Отцы-исихасты недвусмысленно указывают, что к подлинной духовности она не имеет никакого отношения! Но не будем забывать, что восточные единоборства - это аскетика дохристианская, тайна подлинной духовности в ней еще не открыта. Поэтому наивно ожидать от нее верного пути воспитания «человека духовного». Ей гораздо ближе «человек душевный». А «душевный человек», по словам апостола Павла, духовного не разумеет. В результате у наших последователей восточных единоборств, даже если они научаются высокой степени контроля за своим телом, чувствами и эмоциями, - в духовных вопросах царит полная неразбериха...

Сколько раз приходилось видеть, как мальчишки в школах каратэ при входе в зал заученно, почти что механически кланяются залу и портрету основателя стиля борьбы.

- Поклонение идолам...

- Пожалуй, вернее сказать - духам. Например, в столь популярном у нас айкидо ученик должен впустить в себя некое Единое и раствориться в нем.

- А что вы думаете о кришнаитах? Нет-нет да и встретишь на наших улицах группы чудно одетых или, скорее, полунагих молодых людей, странно приплясывающих с барабанами наперевес.

- Помню, я только что сдал экзамены и узнал, что зачислен на первый курс университета. Не помня себя от радости, летел как на крыльях, но меня остановили незнакомые ребята и попросили дать денег «на храм». Потом узнал, что это были кришнаиты, но тогда я даже не поинтересовался, на какой именно храм. Как ни странно, несмотря на то, что мы сегодня в достатке располагаем и православной литературой, и периодическими изданиями, однако даже от людей образованных можно услышать, что Бог везде один, стало быть, неважно, в каком храме ему поклонятся. Такая вот духовная тупость.

Но вернемся к кришнаизму. Вообще-то можно говорить о двух кришнаизмах. Настоящий кришнаизм появился в Индии в раннем Средневековье одновременно с учением о Кришне, некоем едином боге, заповедовавшем людям любовь как главное проявление веры. И, поверьте мне как религиоведу, на фоне тогдашних индийских верований это была очень светлая и жизнеутверждающая религия.

Гораздо позже, в конце XIX века, на волне борьбы Индии с английскими захватчиками в качестве противовеса им как христианам, возникло общество «Брахмасамадж». Одним из знаменитых его проповедников стал Свами Вивекананда. Кстати, я предполагаю, что Елена Блаватская, Рерихи и другие неоккультисты были так или иначе связаны с ним. Влияние этого общества простирается довольно далеко: даже, казалось бы, близкий по духу православию исследователь религий Мирча Элиаде не обошел это общество стороной. Восточные религии он стал изучать, получив грант от некоего индийского раджи, состоявшего в обществе «Брахмасамадж». Этот раджа принадлежал к ортодоксальному крылу общества, запрещавшему принимать в адепты индийских религиозных культов людей неиндийского происхождения.

- Почему же?

- Потому что они не принадлежали ни к одной из варн и, следовательно, не могли исполнять определяемый ею религиозный долг - дхарму.

- Что **такое** «варна»?

- Как правило, большинству из нас знакомо понятие касты. Так вот, касты - это прослойки между варнами. Ну, к примеру, если девушка из варны брахманов выйдет замуж за кшатрия, то их дети будут принадлежать к некоей касте-прослойке.

- Стало быть, говоря о варнах, можно провести аналогию с сословиями - крестьянским, воинским, дворянским...

- Да, но здесь следует уточнить, что духовная жизнь в любой из варн тесно переплетена с прозой быта. И в этом смысле дхарма диктует не только религиозный долг, но и определяет мирские обязанности. Родившийся в варне кшатриев не может заниматься торговлей. Его дело - управление и война. Таким образом, индуистом нельзя стать, им можно только родиться. Ортодоксальное крыло общества «Брахмасамадж» строило свою проповедь на идее о том, что если европеец проникнется должным пиететом к индуизму и индусам, то после смерти его душа возродится уже в Индии, в какой-нибудь из варн...

- И все-таки, какова основная цель общества «Брахмасамадж»? Препятствовать распространению христианства?

- Состоящие в обществе индуисты воспринимали христианскую проповедь английских миссионеров как акт духовной агрессии и решили духовно же ответить. Мне не раз приходилось слышать о так называемой ненасильственности индусов и, в частности, известном либерализме Махатмы Ганди. Но известно и то, что в духовном отношении этот политик проявил себя совершеннейшим тираном. Приведу мало известный факт. После победы над английскими колонизаторами лидер касты неприкасаемых (людей падших, согласно индуизму) предложил осуществить ряд проектов, направленных на повышение уровня жизни этих низов общества, на что глава правительства Ганди выразил категорический протест, угрожая голодовкой вплоть

до смертельного исхода. А он-то как никто другой умел держать слово, и тогда, представляете, с какой силой на неприкасаемых обрушился бы «праведный» гнев религиозных фанатиков! Если разобраться, что-то похожее происходит в Индии и сегодня. Брахманы и кшатрии, представляющие высшие слои общества, создают свои, пусть и небольшие по численности, армии, но и таким формированиям под силу держать в страхе низы - шудр и чандала.

- Я тоже сомневаюсь в миролюбии индуистов «к комарам и мухам». Возможно, в этот миф иногда и верят, но все же неприятие других религиозных воззрений часто оборачивается кровопролитием.

- А вот тут мы подходим ко второй, радикальной ветви общества «Брахмасамадж», одним из представителей которого является Свами Парабхупада - основатель того кришнаизма, точнее было бы говорить неокришнаизма, которой мы с вами, собственно, имеем несчастье лицезреть. Эта ветвь «Брахмасамадж», как вы уже понимаете, решила пойти по пути создания новых религий индуистского толка, этаких суррогатов для европейцев. Примечательно, что индийские кришнаиты российских за своих отнюдь не считают. И вот этот неокришнаизм изначально создавался как оружие религиозной агрессии. Правда, действуют они весьма осторожно, предпочитая открытому противостоянию тихое поглощение. Например, наши кришнаиты признают Христа одной из аватар Кришны, но как бы неполноценной. Хотя, если разобраться по существу, то эта тактика «поглощения чужих богов» стара и неоднократно применялась язычниками всех мастей. Вспомните, ведь и язычники Рима предлагали признать Христа как одного из сонма почитаемых ими богов.

- Действительно, сколько людей в поисках Бога заблуждается, совершает ошибки. «Ну и что тут плохого? - рассуждают они. - Ну странные кришнаиты, ну ходят, пританцовывая, что тут особенного?!» А за голову хватаются лишь тогда, когда их дети уходят к тем самым кришнаитам.

- И домой уже не возвращаются...

- Такие ребята отказываются от родителей, не признают Родины. И вернуть назад, в лоно семьи, их уже невозможно. Как вы считаете, почему подобные лжеучения вызывают интерес в России?

- Во-первых, повторю еще раз, учения типа неокришнаизма специально для этого и создавались. А во-вторых, как это ни печально, но мы действительно очень плохо знаем свою собственную культуру. Я уж не говорю о познаниях в сфере православия. Но вот что поразительно, - многие наши соотечественники считают себя знатоками православия просто по праву рождения, просто потому, что они русские... Особенно это свойственно представителям интеллигенции, наспех «проглотившим» несколько книжек не очень понятного происхождения и уже полагающим себя достаточно осведомленными...

- Таким бы «докам» чаще к Евангелию обращаться...

- Да уж, но Священное Писание они не читают, или от случая к случаю. Люди приходят в храм, чтобы принять Крещение (я являюсь катехизатором), но оказывается, что не способны ответить на элементарные вопросы. Да что там вопросы - многие из оглашаемых ни разу Евангелие не открывали!

Несмотря на это, многие наши люди уверены, что вполне разбираются в основах православия, но оно, видите ли, кажется им слишком простым. Как-то я выступал с лекцией о буддизме перед учительской аудиторией. Моей целью было показать глубину этой религии, но в то же время подчеркнуть ее инаковость нашей культуре, нашей вере. Буддизм ведь очень древняя и по-своему интересная религия. А если учесть, что она возникла до пришествия Спасителя и проповедовала сострадание к ближним, то я полагаю, она могла бы, подобно Ветхому Завету для иудеев и философии Платона для греков, стать «детоводителем ко Христу» для народов Индии и Китая. Могла бы... но не стала.

Так вот, в конце лекции слово взяла одна из моих слушательниц: «Как у буддистов все сложно, не то что у нас, православных, - все просто...». Я буквально опешил, и неожиданно взгляд мой упал на книжечку, что лежала на учительском столе - «Григорий Нисский», - страничек на двенадцать, не больше. И я ответил так: «Вам и будет казаться, что в православии все просто, пока вы Григория Нисского изучаете по таким брошюркам. Вы бы поинтересовались, познакомились с его наследием по первоисточникам». Действительно, чтобы начать постигать основы нашей православной веры, надо творения святых отцов не раз перечитывать, не говоря о Евангелии. Я понял это, когда пытался изучать творения Максима Исповедника. Даже имея философское образование, с трудом понимал его мысли.

- Или думал, что понимал.

- Или думал, что понимал. Но мне хотя бы удавалось следить за логикой изложения. И вот ведь что выясняется: не знаем православия, но и не стремимся глубоко вникать в его суть. С таким отношением к духовным знаниям мне приходилось сталкиваться не раз и даже среди людей воцерковленных, а также моих коллег.

- Так вот и до буддизма дошли...

- Да, между прочим, при поверхностном знакомстве этика буддизма предстает очень схожей с христианской. Она также призывает к любви, состраданию, бесстрастию, но есть и глубокие отличия. Вот послушайте одну из притч о Будде и его ученике. Монах за один раз, как учил Будда, должен вкушать не больше одной миски каши. Некоторое время спустя ученик заметил, что учитель принялся за вторую, и воскликнул: «Будда, как же так, разве не ты учил, что монах не должен съедать более одной чашки риса?!» «Понимаешь, ответил тот, все эти ограничения, о которых я вам напоминаю, - всего лишь плот, на котором можно переплыть реку сансары. Но когда ты уже доплыл до берега нирваны, нет смысла тащить за собой этот плот».

В этом смысле буддийская этика утилитарна: для «просветленного», строго говоря, не существует запретов на изнасилование, убийство, нет табу вообще. Вспоминается еще одна притча о том, как буддийские монахи плыли на корабле и везли свои святыни. Один из монахов услышал разговор корабельщиков о решении их убить и завладеть святынями с целью продажи. Посоветовавшись, братья по вере вынесли вердикт: пусть моряки не портят себе карму - отправим их к праотцам... Только не подумайте, что буддизм позволяет своим последователям совершать любые аморальные поступки. Нет, вовсе не так. Просто говоря о нем, нам всегда следует помнить, что религия эта до-христианская, а потому ее понимание духовности неизбежно неполно. Эта неполнота сказывается и в буддийской этике, которая очень ясно говорит, что для достижения просветления нужно сначала стать добрым, честным, сострадательным, а некоторые наставники даже говорят о любви ко всем живым существам... Но только буддизм не увидел, да и не мог увидеть подлинных оснований добра, настоящей Любви.

У нас, к сожалению, вокруг буддизма сложилось немало мифов, раздуваемых самими буддистами. Например, я прихожу в недоумение, когда вижу всеобщую убежденность в ненасильственности буддизма (в противовес «кровожадному» христианству) и при этом по всем телеканалам демонстрируются фильмы о «подвигах» монахов Шаолиня, сокрушающих своих врагов «одной левой». Исторические факты недвусмысленно свидетельствуют, что выходцы из этой обители были участниками ряда «заварушек» в Поднебесной. Но когда я попытался «снять пелену с глаз» на одной из научных конференций, меня просто «зашикали»...

К сожалению, как метко подметил Леонид Ионин, мы живем в неомагическую эпоху и мифы нам милее настоящих знаний о религии. В эпоху Просвещения наука как бы «расколдовала» мир, она его открыла. Наука современности стала несравненно сложнее, труднодоступнее и, в этом смысле, мир опять как бы закрылся для обывателя.

- Поэтому появилась просторная лазейка для мистических, сакральных представлений...

- Совершенно верно. И повальное увлечение восточными единоборствами тому яркое подтверждение. Я помню, как-то мой отец, человек достаточно образованный, здравомыслящий, хотя и невоцерковленный, спросил однажды: «А зачем люди занимаются этими каратэ, ушу?». Это заставило меня задуматься. Ведь действительно, хочешь научиться драться - есть бокс, дзюдо, самбо, вольная борьба, рукопашный бой! Доподлинно известно, что парень с годовым стажем занятий боксом без особых затруднений справится с тем, который два-три года занимался айкидо. Тем не менее, залы, где занимаются единоборствами, не пустуют. Почему же их так охотно посещают? Да потому что восточные практики сулят не просто успех в бою, но магическую победу над противником. Обычно так трудно доказывать,

что ты чего-то стоишь! А тут - помахал руками-ногами в чистеньком, тепленьком зале, подышал в пупок во время «медитации» и вот ты уже Победитель-всего-и-вся. Победитель без сражения, без упорной борьбы и... без Бога.

Как-то познакомился с отцом подростка, рвавшегося в айкидо. Папу я предупредил: «Там драться не научат, лучше отдайте сына в секцию бокса или вольной борьбы». «Нет, - возразил он, - мы уже сделали выбор: только в айкидо, - там дух тренируют, они в медитациях там...» А что есть дух, и что не каждый дух от Бога, - об этом такие папы почему-то не задумываются.

- И понять не стремятся. Люди сознательно идут заниматься восточными практиками, позарившись на приманку «чудом»... Как тут не предостеречь, не напомнить об осторожности, осмотрительности, о трезвом отношении к намерениям и поступкам, к своему выбору, ведь этому нас учит Церковь. Пусть на жизненном пути нам помогает только Господь Бог.

- Знаете, у меня сложилось впечатление, что люди вообще очень смутно представляют, что такое единоборства. В одной из телепередач об Алексее Алексеевиче Кадочникове, создавшем систему рукопашного боя, в основном для профессионалов, его сравнили с Михаилом Тимофеевичем Калашниковым, на что Алексей Алексеевич ответил: «Мы занимаемся одним и тем же делом. Калашников изобрел автомат, а я учу бойцов, что делать с автоматом, когда нет патронов». Словом, очень просто объяснил, чему он учит, и на передаче был абсолютно немногословен, на вопросы отвечал скупо, потому что его система обучения предназначена для спецназа и ГРУ. И пояснил, что единоборства есть спортивные и боевые. Последний вид предназначен для поражения живой силы противника, а это страшно. Совсем другое дело в секциях спортивных, где учат тому, как применять силу, не травмируя противника.

В общем, разные системы обучения и цели преследуют разные. Когда я пришел в школу боевого кунг-фу, мне предложили вступить в поединок с опытным бойцом. А я еще в школе занимался дзюдо, потом каратэ, Сёриндзи-кэмпо — так что некоторый опыт уже имел. Мне удалось подхватить и бросить партнера, но тот нимало не растерявшись... укусил за нос! У меня, конечно, слезы градом, очень уж больно было, а тот, когда мы поднялись, глядя на мои страдания, спрашивает: «Никогда не видел людей с откушенным носом?» Вот тогда-то я и понял, в чем разница между спортивным и боевым единоборствами. По спортивным правилам победителем вроде бы вышел я, но если бы мой противник в настоящей драке применил тот же прием, итог такой «победы» был бы плачевным... На самом деле, в настоящем рукопашном бою не так уж важно, насколько сильно вы бьете и как накачаны ваши мускулы. Зачем бить сильно, если можно резко ткнуть в глаз, укусить? Вы даже не представляете, сколько таких «неспортивных» уловок существует! Не буду даже перечислять, чтобы никого не шокировать, скажу лишь, что даже так

называемые «бои без правил» достаточно далеки от реального боя насмерть. И уж тем более я не могу отнести секции каратэ и айкидо к подлинно боевым искусствам. И искусствам далеко не безопасным с духовной точки зрения. А вот к разряду магических, как уже сказал, запросто.. Ведь центральным местом «духовных» практик в восточных боевых искусствах выступает медитация. Некоторые ошибочно отождествляют ее с глубоким расслаблением - релаксацией. Однако для медитации расслабление не главное. Основным является другое, по словам одного из современных восточных мистиков, медитация это не-сознание, т.е. такое состояние, в котором обычное осознание человеком самого себя гаснет, сознание, как говорят мистики, «открывается»...

- Но ведь это прямой путь к одержимости...

- Такая опасность любителей медитации, безусловно, подстерегает. Если бы люди здраво, по-православному, относились к подобным вещам, им не понадобилось бы после лечить нервную систему и психику. А мне, признаюсь, за увлечение восточными практиками пришлось расплачиваться здоровьем. Поднаторев в упражнениях, я так развил интуицию, что однажды, не зная точного адреса приятеля, наугад нашел его квартиру в густонаселенном доме. Водила меня некая «сила». Я был в восторге... поначалу. Это уже потом начинаешь понимать: такая сверхчувствительность имеет и оборотную сторону - становишься таким ранимым, словно у тебя нет кожи, чувствуешь чужой гнев, страх и другие страсти, как свои собственные. И я видел других, подобных мне людей, и - во что они превращаются. Страдает душа, калечится организм. У меня, например, нарушен опорно-двигательный аппарат. Пожалуй, я мог бы привести здоровье в норму, занимаясь Тайцзи-цигун, но понимаю, что эти упражнения бессмысленны без Тайцзи-медитации, то есть вхождения в особое духовное и душевное состояние, практикуемое в даосизме. Поэтому, я думаю, лучше потерпеть, чем лечиться таким образом, ведь обратившись к православию, я, в числе прочих благ, обрел и ясную систему духовных приоритетов, а здоровье, конечно, штука важная, но для христианина есть вещи неизмеримо ценнее.

- Как все же вам удалось вернуться в православие, ведь из того мира, из той бездны выбраться крайне трудно?

- Знаете, чем больше ощущаю себя православным, чем ближе мне становятся его суть, его истины, тем яснее понимаю: то, что мне удалось вернуться - просто чудо! Радует и то, что довелось встретиться с таким человеком, как Сергей Евгеньевич Ячин, разбудившим у меня интерес к русской философии, именно к русской, которая непосредственным образом связана с православием. Хотя иногда и в причудливых формах, таких, как, например, у Карсавина и Соловьева или, скажем, у Франка...

- Четко у Хомякова и Киреевского...

- А вы знаете, когда я не был православным, то этих авторов просто не замечал.

- В начале перестройки почему-то чаще всего стали издавать Бердяева или таких путаников от философии, как Карсавин.

- Розанов...

- Да, Розанов. И совсем небольшими тиражами - труды Ильина, Хомякова, Киреевского... «Церковь одна» - замечательная богословская работа Хомякова о Церкви. И, слава Богу, что такие подвижники есть.

- А я в своей диссертации, написанной еще до воцерковления, где сравниваю русскую философию с восточными учениями, пропустил и Ильина, и Хомякова с Киреевским. У меня как будто глаза были закрыты. Взял работы Карсавина и Франка, а вот книги Ильина видел, но читать не стал. До сих пор не могу понять, почему.

Гораздо позже, всерьез заинтересовавшись православными богословскими трудами, я обнаружил, что отцы-исихасты прекрасно разбирались в том, что есть духовное, а что животное, которое ведет не к Богу. А тут мой наставник, человек, показавший мне, что такое настоящая философия, Сергей Евгеньевич Ячин, стал воцерковляться, и поскольку он для меня был и остается высоким авторитетом, то я - потихоньку - последовал за ним.

- А дальше - попал в храм, на исповедь пошел, к причастию, и благодать начинает свое дело вершить...

- Вы знаете, мое вхождение в Церковь было наполнено испытаниями. Я готовился к причастию, но наши приходские батюшки почему-то не шибко горели желанием меня причащать, а надо было ложиться в больницу на операцию. Я наркоза побаивался: а вдруг не проснусь? Прошу: причастите меня, ведь я же крещеный! Священник мне отвечает, потом, мол, после операции придешь. Теперь-то я понимаю, как неправильно к таинству соединения с Богом относился, уж слишком истерично себя вел... Но тут уж потрудился разъяснить мне все отец Ростислав Мороз, у которого я теперь и окормляюсь.

- А крестились вы когда? В детстве?

- Крестили меня в младенчестве. Мой отец, по рассказам мамы, сильно рассердился.

- После крещения?

- Да. «Как так? Я коммунист, а у меня сын крещеный!» - возмущался отец. Он у меня человек честный и прямолинейный.

- «Диагноз» есть такой: отец - военный, мать - учительница. Я когда крещу взрослого человека, говорю: «Я вас даже не спрашиваю, почему раньше не крестились». - «Почему же?» - «А у вас отец военный, мать - учительница, жили в коммуналке много лет». Это типичный случай. Правда, могут быть и варианты...

Искренне благодарим вас за интервью.

Молитва умно-сердечная деятельная

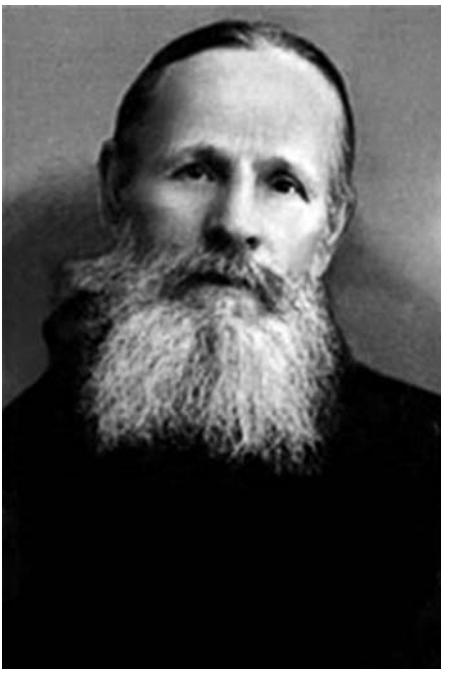
Умно-сердечною деятельною сия молитва потому именуется, что с умом молится и сердце, то есть весь внутренний человек, а деятельною называется потому, что свободная воля человека в произволениях и делах еще остается действующей, еще человек не пришел во всецелое исполнение воли Божией, исполняет ее частично, и вторая часть исполнения принадлежит ему лично - он являет свою деятельность.

Как при навыкновении молитве словесной ум прислушивается и соглашается с молитвенным деланием и сам постепенно начинает рождаемое им мысленное слово погружать в молитву, и приобретает навык в молитве, так и при делаемой умной молитве, укоренившейся в уме и пришедшей в умный мысленный навык, согревается сердце; то есть подобно уму, всегда творящему умную молитву и всю свою жизнь к молитвенному деланию направившему, начинают и внутренние чувства останавливаться на молитве и погружаться в нее, соучаствуя с умом и все меньше отвлекая ум от делания молитвы, пленяясь именем Божиим.

Сатана с диаволами и страстями, обитая в страстном сердце своевольного человека, утверждается на самомнительной, горделивой самости его, устроив в самом основании себе храмину великую из страстей в страстном сердце. Уму, делающему молитву умную, это укрепление врага, ничем не сокрушимое, обладающее всеми народами всех времен человеческой эры противиться не в силах и рассыпается, как дом из песка.

Сатана, видя разрушение своего дома - страстей, равнодушен не бывает; он с каждым мгновением измышляет новые и новые способы борьбы с подвизающимся, попускаемыми благодатию к назиданию человека искушениями. Сатана видит обессиливание страстей, и уже сам начинает своим отвратительно-омерзительным видом устрашать делателя молитвы, желая отторгнуть его от молитвы навсегда или хотя бы на время, или даже на минуту, а когда увидит и сердце его участвующим в делании молитвы, и зная о кратковременности своего в таком сердце пребывании, - злобствует и скрежещет зубами, подобно царю, вынужденно оставляющему свой трон и державу.

Сатана хорошо знает о возможности человека молиться сердцем, то есть умом и душою в целом, и он больше всего боится, как бы и сердце не вошло с умом в делание умно-сердечной молитвы, так



как ему бороться с человеком через страсти становится безнадежно; все порождения, исходящие от страстей сердца, ум обнаруживает все с большей силой и властию, и, соучаствуя сердцу, благодатию поражает все греховные прилоги диавольские.

Ум теперь добирается до выяснения оснований греха и страстей, до самых корней зла, а обнаружение корней зла диаволу наносит раны в его мерзкую главу. Умом обнаруженное в сердце зло бывает из сердца исторгаемо и уничтожаемо со всеми корнями, а когда в сердце нет зла, сатана с диаволами и страстями в нем оставаться не может. Сатана и страсти, поселясь в сердце, владеют умом, попирая ум и душу с благодатными ростками добра, предназначенную в обитель Богу.

Пока в сердце гнездятся страсти, Бог там обитать не может; но как только человек умом и сердцем возненавидит всю злобу, восстанет против нее с помощью благодати, то диаволы, зная, что им обитать в таком сердце остается недолго, что господство свое над человеком они утрачивают, тогда-то они всячески ухищряются искусить человека. Но от постоянного делателя умно-сердечной молитвы приемлют раны во главу, и уже уязвляемые им смертельно, все еще не оставляют свою брань в сердце.

Диавол злобствует все больше и брань восставляет лютейшую, но не имеет успеха; окрепший ум с Божией помощью обнажает и творит явными корни страстей: больше и внимательнее молясь, он принуждает себя к борьбе и, окрыленный благодатью, входит в тончайшие хитрости диавола, чем обнажает корни страстей, а увидев их, немедленно исторгает.

Оживающие добрые чувства души – добродетели – помогают обнаруживать уму корни зла, здание страстей рушится; сатана, диаволы – в смятении; всегдашнее их оружие – страсти – переходят в ведение ума, то есть, борясь с одною из них, ум обнаруживает хитрость их всех.

Всякая победа ума над сатаною благодатью, действуемой в молитве, обнаруживает уже не зло, а самые корни страстей, двигаясь к

основному стволу и корню, – и обнаруживается яснейше пребывание сатаны в сердце умом, стоящим на пороге чистоты – просвещения, всецелого исполнения воли Божией.

В это время благодать даует уму делателя молитвы великое очищение, в состоянии которого усматриваются и корни страстей, и действующий через них сам скрывающийся в сердце сатана с диаволами. Это время для человека едва ли не самое скорбное на всем пути покаяния, полное тяготы и страданий. Тягость страданий и скорбей бывает тогда равна малому адскому мучению, здесь сбываются слова: до неба возводяй, и до ада низвергаяй.

Сатана, изгоняемый со страстями из сердца, начинает действовать все яростнее, – в образах, мечтаниях, чувственно подходя и действуя то с правой, то с левой стороны.

В это время делатель умно-сердечной молитвы подвергается искушениям сатаны в нашествии разнородных зверовидных, змеевидных чудовищ и страшилищ, нападающих поодиночке и во множестве в малых и великих образах, претворившись в них, представляя их, желая делателя молитвы поразить страхом, отвлечь от молитвы. Молящийся же, прилежа внимательной умно-сердечной молитве, благодатию, в ней пребывающей, все и всякое искушение сокрушает, вменяет их все ни во что, приняв при этом великий опыт брани в распознавании хитростей сатаны и диаволов его.

Сатана, видя неуспех в искушении страхованиями, то есть в искушениях с левой стороны, принимается бороться со стороны правой, что подвизающемуся распознавать труднее, – здесь некоторые подвижники, самонадеянно оставив молитву со вниманием, получали тяжелые глубокие раны или терпели крушение. Но всегда и безбедно искус миновали те, которые не принимали ничего во внимание, а в молитве и с молитвою находили все свои успехи, и благо, и достоинство, и молитвенно всегда беседовали и беседуют Господеви Христу, а не иначе.

Они предстояли Господу, здесь сущему, верою, твердо помня, что чувственным зрением Бога или Матерь Божию, или ангела, или кого из святых, – все эти явления небесные, видеть могут не иначе, как только чистые сердцем, а грешному человеку святое не является, так как он недостоин – грешен.

Сатана может принимать образ Христа, как изображен Он на иконах, может икону показать, ожившую и шествующую к молящемуся, или готового благословлять Спасителя, или святых, или голоса, или пение, якобы ангельское, или иное подобное со стороны правой, что человеку, преданному чувственности, распознать трудно.

Сатана делает это для того, чтобы молящийся, увлеченный мечтаниями, совершил поклонение диаволу, представшему в одном из об-

разов святых, что некоторые и исполнили, отчего умом повредились, обретаясь в подобии малых детей.

Только тот, кто знает, как высока цена прощения грехов, и лишь молитве внимает, а все другое от себя отгоняет прочь, считая себя недостойным, ибо грешен, – он имеет благодать в действуемой молитве; лишь тот, кто внимательною молитвою предстоит Христу, безвидно и невоображенно пред ним сущему, а не зрением видимому, проходит искушения без единой беды, ни в коем случае и никогда не доверяясь своим чувствам. Чувства наши есть ничто иное, как проводники мечтаний, а не что-то истинное.

В случае, если увидишь Христа или кого другого из небожителей, к тебе обращающегося, никогда, доколе ты грешен, не принимай, не увлекайся и, как внимал молитве, так молитву читай и ей внимай, и искушение пройдет; то же и об иконах: увидишь свет от иконы, или что икона движется к тебе, увеличивается и как будто оживает, – не доверяй, а знай лишь молитву читай и молитве внимай; ты – грешник, а явления небесные бывают в подвижничестве только исключительно чистым и приявшим всыновление Богу благодатию, и таковые искушения будут проходить не во вред, а с великой пользой тебе, чтобы ты мог, по примеру Христа, победить всякое искушение с помощью Бога и всепобедоносно принять власть и силу над диаволами.

Знай, брат или сестра, одно: молитву читай и молитве внимай, а все и всякое другое не принимай, и победа благодатию будет во весь период покаяния обеспечена, и волю Божию познаешь и исполнишь всецело, и спасешься.

Господь молящемуся умно-сердечной молитвой Свою милость проявляет в действии самой молитвы, двигая молитву все дальше в очищении ума от помрачений страстно-мрачных, и сердце сокрушает, очищая от страстей и грехов; а в образах ни Своего лица, ни лица Матери Божией, ни лица кого-либо другого из небожителей до полной чистоты, до духовной, истинной, самодвижной, чистой и непарительной молитвы не являет; невозможно человеку, грешнику сущу, оставаться в живых, если он увидит лице Божие или кого из небожителей явно, разве лишь когда устрояет Господь дело общечеловеческое, ты же спасаешься лишь один, тебе подобные явления быть не могут.

Так борясь и страдая много от разлуки души с Господом, унывая днем и ночью, брани же никогда не оставляя, человек делает молитву, именуемую деятельной, умно-сердечной деятельной; то есть человек хотя и творит брань с сатаною и диаволами его, и со страстями, предаваясь в волю Божию, но это предание свое Богу он делает частично, оно не вошло еще в сердце и не соделалось одним из сердечных

чувств, и это потому, что страсти еще не все изгнаны из сердца, еще один корень остается в сердце, который является утверждением сатаны - самость горделивая.

Человек страдает, борется и всегда молится, внимая молитве; искушений без конца, ум на искушения предъявляет гнев, естественный на зло; и возмущается ум, и приходит в негодование на страсти со всяким желанием не грешить, а поэтому ум весьма тщательно везде и всюду разыскивает страстное и молитвою умерщвляет его, а благодаря непрестающей внимательности, ум обнаруживает и корень корней зла - гордость, ибо благодать неотходно помогает уму, а сама бывает умом незрима.

Как только помощью Божией ум уяснит гордость корнем зла, немедля борется с нею, обнаруживает ее со всех сторон, и благодатию вспомоществующей исторгает ее из сердца, усекнув ей голову смертельно, и благодатию избавив свое сердце от всех страстей и от последней страсти, корня корней, - гордости.

Уничтожив в постепенной и великой борьбе место жительства сатанино в сердце, - сатана благодатию вон изгоняется из сердца, да ему и самому в сердце обитать невозможно, так как его обитель - страсти с ее основанием, самомнительной гордостью, в человеке отселе не существует; ему обитать и скрываться негде, он отовсюду зрим и освещен, не терпя света, ибо диавол есть тьма, и злобствуя, измышляет он сотворить последнюю брань в единоборстве с молящимся. Диавол - сатана, сам обнаженный и зримый отовсюду, предстает молящемуся во аде сущу, и ад с ним, в виде страшном своем, и великом, и ужасном, с Иудою-предателем на коленах его.

Молящийся и на сей раз молится, внимая молитве; он видит сатану, пришедшего в пламени ада на единоборство с ним, и не отвлекает ума от молитвы; и сатана видит, что подвизающийся не страшится его, а борется с ним молитвою, а в молитве разит врага сладчайшим именем Господа Христа, приходит в испуг, дрожание, колебание, и истаивает, удаляется, исчезает, покинув поле брани с молящимся, так как и его личная борьба - единоборство - оказалась ничтожною пред именем Божиим в устах подвижника.

Так совершается просвещение ума, очищение сердца и души от страстей, греха и диавола, и начинается действие в человеке всецело воли Божией.

Последнее искушение - единоборство сатаны с молящимся - попустил и попускает Господь, чтобы сатана был постыжен до конца, а подвижник оказался бы искусным и в последнем искушении от сатаны - отца диаволов, искусным во всех искушениях, бывающих с молящимся.

Пока благодать и молитва действовали извне, желая проникнуть в сердце, введя в оное ум, а сатана боролся из сердца, последнему было удобнее; отныне благодать, изгнав диавола и страсти из сердца, сама входит в него с молитвой и с именем Божиим, и Бог входит и обитает в сердце, потому что сердце есть обитель Божия.

После этого молитва переходит из слов в чувство сердечное, и молится человек Богу уже сердцем, движимым Духом Святым, умом же предстоя в сердце Богу, - так, а не иначе сотворив вход в сердце свое.

Сатана, изгнанный и посрамленный, сам более не нападает на человека, а действует через других людей, разжигая в них зависть и ненависть, и теперь уже люди начинают гнать истинного последователя Христова, творя ему всякие пакости.

Возвратимся: человек, усмотрев в сердце господствующий корень зла - гордость, восстает на нее именем Господа, исторгает ее, умерщвляет и изметает вон, то есть он очистил сердце от страстей и сатаны.

Отныне он делателем воли своей быть не может, так как сердце его очищено Господом за исполнение воли Его и за непрестанное о Нем - Боге - памятование молитвою, а по мере исполнения воли Божией и молитвы очищается сердце.

Сердце очищено, следовательно, человек научился исполнять волю Божию, вполне. Всецело исполняя волю Божию, он познал, что исполнение воли Божией есть не словесное, а по подобию молитвы в сердце уже сердечное чувство - добродетель, действуемая сердцем - Духом Святым.

Среди добродетелей истинно-духовных проявляет себя особенно истинное смирение, смиренномудрием именуемое, по сути оно есть истинное самопознание, - познание, рожденное неудачами и бессилием как в перенесении скорбей, так и в борьбе со злом, - человек познал истинно ничтожество своего «я».

Доселе всякий образ смирения есть лишь видимость, а не смирение - смиреннообразие, которое, кроме самопознания, судя о его цене и полезности, является ничем.

В период делания молитвы умно-сердечной деятельной ум внимать молитве должен там же, где и во время делания молитвы умной, то есть там, где орган слова, в гортани, где глотается пища, как и опытом познано, и о сем говорит Паисий Величковский; а что касается дальнейших стояний ума вниманием, то как выше пояснялось, следует предварительно очистить сердце по указанному порядку; а когда сердце очистится от страстей, - молитва, благодатию ведомая, сама вводит ум в сердце, а с собою вводит и все добродетели, именуемые истинными.

Делатель молитвы умную от умно-сердечной деятельной может распознавать лишь по искушениям, а иначе не разобраться.

Умно-сердечная молитва бывает при неотходности внимания с молитвой, здесь же молитва нуждается не столько в множественности произношения ее, сколько в качестве, внимательности ей, дабы было удобнее обнаруживать диавольские полчища и их хитрости.

Ты же, делатель сей священной молитвы Иисусовой, возьми во внимание, что стоять вниманием должно не иначе, а где указано выше, а в случае, если умом будешь вращаться в другом месте твоего существа, внимая молитве, скорбь себе великую сотворишь, и постигнет тебя бесполезность твоего подвига.

Стояние ума, здесь указанное, обеспечивает самый кратчайший путь восхода ума в сердце для совместного, самодвижного ума с душою принесения славословия в непрестанном молитвословии всем сердцем, и сотворит Господеви кланяться духом и истиною.

О месте стояния вниманием сказанное у святых отцов сходится к тому же, только они все больше говорили прикровенно и кратко, так как во время их жительства делателей сего священного делания было множество, нужды в руководстве делания молитвы тогда не ощущалось.

Всячески избегай стоять вниманием в голове, во внутренности чрева, почках, что крайне бедственно, и вообще вниманием стой, как указано. Если исполнишь сказанное святыми отцами о сердце и о входе в сердце, - то Господь Сам укажет путь, но это бывает не раньше очищения сердца от страстей, так как имя Господа неразлучно с Самим Господом и с Самим Господом входит в сердце.

Так молитва и ум, внимающий молитве, в сердце вводятся Самим Господом, а не изобретательностью человека, то безуспешно человек до обретения чистоты дерзает войти в сердце, ибо нет другого пути в сердце, кроме указанного.

И бывает Господь уму в сердце Господом, беседуя с ним, и возводя его даже и до узрения души своей в сердце своем, даруя обоим радость великую, обнимающимся им духовно, и собеседующим им с Господом единым словом их, и Господу беседующему им непрестанно. Ум и душа его руководимы Духом Святым, он начал действительно благословствовать и непрестанно богословить великого Бога, разумея во всей истине таинства и премудрость неба.

Всякий, возведенный на степень молитвы умно-сердечной самодвижной, в наставниках более не нуждается, ибо Господь в сердце его, и действия этого человека уже являются исполнением святой воли Его. По восшествии ума в сердце человеку даровано ведение истины, самопознание. Лучше такому человеку молчать, храня в мол-

чании бываемое в сердце его. Если имеется старец или некто, опытный в умном делании, с ними нелишне побеседовать, храня достойное почтение к ним. Полезно послушать человека, слово которого исполнено духовной истинной мудрости. Таковы богословы Божии истинные, познания их – свет миру.

Делателю молитвы, пока он не очистился сердцем, случается почувствовать в теле или в груди чувственную тварную теплоту, – ей внимания уделять не надо. Жжение, некие взыграния внутренние под кожей, – все это нужно отвергать, не придавая никакого значения. По преимуществу все эти явления естественно-нервные, следовательно, безвинные, но если таковые принимать за нечто благодатное, – то неизбежно прельщение.

Может появиться сладость в гортани, или некое благоухание, то есть действие на одно из пяти внешних чувств, – чувственному ничему внимания не уделяй – гони прочь. Знай лишь молитву, храни внимание молитве, в ней все нужное содержится и ей открывается, что и ОКО НЕ ВИДЕ, УХО НЕ СЛЫША... ЯЖЕ УГОТОВА БОГ ЛЮБЯЩИМ ЕГО[1].

Когда сердце очистится Господом, тогда Господь входит в него, и живет, и действует, а в Господе и благодать, и дары, и все и вся презобилуют вполне. Господь, дав Себя человеку, дарует ему и все то, что принадлежит ему, – Богу.

Бог склоняет сердце человека к стяжанию добродетелей, усиливает их, – вот что велико и дивно спасающемуся, а не что-то иное, чем можно пленяться.

До обретения чистоты если и бывает воздействие благодати, то исключительно для возбуждения от греховной спячки, а затем действует наказательная и отступательно-обучительная, – то есть благодать, которая руководит умом человека в деле спасения, учит, совершенствует его во внимательном делании молитвы, в смиренной преданности воле Божией, в искусах борьбы за стяжание добродетелей, в познании своего ничтожества и греховности, а не иначе.

Все, считающие себя достойными даров благодати, ожидающие даров и наград, видений и чудотворений, оказались в сетях врага, а все, шествующие в сознании своих грехов, своего ничтожества, своей слабости и недостоинства, полагаясь только на Бога, по любви щадящего их, недостойных любви, кающиеся, – такие достигают пристани. Научившись исполнять Божия желания и Божию волю, они живут ею, как своей собственностью – своей всецело.

Итак, все случающееся с тобой, – доброе или худое, искушение или кажущееся благодатным, ты принимать во внимание не должен. Все твои надежды ты возложил на Господа, действующего в молитве

[1] Кор. 2,9.

Своею благодатию. Прилежи лишь исключительно молитве, так как вся благодать, и дарования, и чудотворения сокрыты в ней.

Прилежно внимая молитве, ты шествуешь с Господом; а оставив ее и прилепившись к чему-либо другому, хотя бы оно тебе и казалось благодатным, ты оставляешь Господа, удаляешься от Него. Все твое - в Господе, и всякая минута, проведенная вне памятования о Нем, есть для тебя потеря.

Уста в период делания молитвы умно-сердечной деятельной нужно иметь молчащими строже, чем имел в делании молитвы умной. В пище нужно такое иметь воздержание, чтобы лишь сохранялась жизнь. Сон, если меньше не потребует молитва, имей шесть-семь часов, а при изнеможении и восемь часов. Никого не оскорбляй, всех прощай. Смерть и адские муки необходимо в это время помнить постоянно. Жить в это время надо без попечения, все делать самому, не иметь заботящегося о тебе. Благодари Господа за все и имей во всем полное воздержание. С унынием сражайся молитвой и рукоделием. Проходить эти три степени молитвы - словесную, умную и умно-сердечную деятельную - удобнее в нижнем чине, будучи послушником. Хотя можно овладевшего умной молитвой постригать в мантию, а умно-сердечной - в схиму, но, как сказано, мирнее в послушническом состоянии.

Исповедоваться и причащаться лучше часто, но не скорби, если приходится и раз в год или реже - лишь молитву внимательную не оставляй, и Господь произволение твое примет как само причастие.

Матерь Божия не причащалась ни одного раза, тогда не было установлено еще таинство Евхаристии, но, совершая умное делание, она, как видишь, достигла полной чистоты и соделалась Матерью Сына Божия. Ценность причастия зависит не от частоты или редкости, а от благоговения к Святыне и от сознания своего недостоинства. Уходившие в пустыни не видели лица человеческого и, за редким исключением, не причащались, но они были велики в очах Божиих, ИХЖЕ НЕ БЕ ДОСТОИН ВЕСЬ МИР[1], а не часто причащающиеся. Причастился - помни любовь Божию к тебе и храни причастие с достоинством. Не уподобься Иуде-предателю, в которого с причастием вошел сатана, и он причастился в погибель себе нескончаемую.

Причащаться можно только у православного священника. Часто причащаться не советую, так как человек утрачивает благоговение перед Святейшим Телом и Кровью Христовой.

Нападения блудной страсти пусть не пугают тебя. Они и в немощном теле случаются, - так как эта страсть является не

[1] Евр. 11,38.

естеством, но присоединяется к естеству, а поэтому борение ею не удивительно даже до смерти. Если случится тебе, спящему, осквернение, то рассуди, - имел ли ты перед сном согласие к тому, услаждаешься осквернением или скорбишь о случившемся. И если найдешь себя виновным в согласии со страстью, срочно исправляйся; а если ненавидишь скверну, не печалься, - Господь это оскорбление тебе от диавола или от естества вменит вместо подвига. Осквернившись во сне, встав, прочти «Правило от осквернения». Оно помещается в некоторых правильниках и в молитвословах, и положи, по силам твоим, несколько поклонов, осудив себя, погрязшего в страстях, увлекающегося страстью даже во сне.

Когда такая печаль случается с тобой, пусть даже часто, но помимо твоего в ней участия, то есть ты, засыпая, был с молитвой, а не в страстном упражнялся умом твоим, тогда, встав, прочитай «Правило от осквернения» и не печалься; случилось это и случается от зависти диавольской, возбуждающей страсть. В течение дня не вспоминай об этом, чтобы не осквернять ум, а внимай молитве как обычно.

Если не имеешь «Правила от осквернения», то прочти одну-две-три сотни Иисусовых молитв и, положив несколько поклончиков, успокойся и продолжай делание молитвы, внимая ей. Вообще, восстав против всех страстей, скрывайся умом во внимательную молитву и борись, борись.

Книги читай относящиеся к твоему деланию, самое лучшее: Добротолюбие, Иоанн Лествичник, «Невидимая брань» Никодима Святогорца, Исаак Сирин, Паисий Величковский или что другое святых отцов трезвенников, а особенно пятый том Добротолюбия. Но не пренебрегай указаниями и этого маленького труда. В нем есть суть опыта, обретенного на пути, указанном святыми отцами, и он может, при неимении книг, служить тебе достаточным руководством в делании молитвы Иисусовой, умной и духовной. Другие книги и вообще художественную литературу на время отложи и не читай, чтобы умом ты мог вращаться только в молитве и в относящемся к ней. Жизнь твою установи так, чтобы ты в молитве упражнялся согласно указанному выше.

Все сказанное доселе относится к молитве, находящейся в пределах возможностей человеческих. Прохождение молитвы словесной, умной, умно-сердечной деятельной, а в целом умное делание осуществляется человеком ветхого состояния.

Во время этого делания от человека требуется усилие, принуждение на стяжание навыка, постоянное внимание к молитве. Удобнее время проводить в уединении, уста сохранять в молчании, при необходимости рассуждать с другими о смерти, аде, мучениях грешников, о черве неумирающем, скрежете зубовном и о других страданиях нераскаянных грешников. В минуты больших печалей можно вспоминать

о рае, о блажествах праведных, ради которых ты терпишь скорби на земле сей, исполненной печалей. Укоризны и всякое поношение переноси терпеливо Царствия ради Божия и вечно нескончаемой жизни. Все переноси терпеливо: голод, холод, наготу, ожидания, искушения, болезни, укоризну, всякую печаль и всякую тяготу. В пище всегда нужно иметь воздержание, а иначе отягчение будет томить. Бывай всегда алчущим и жаждущим правды ради. Выходи из-за стола, когда еще не досыта наелся и напился, и смог бы еще есть и пить. Тогда станут непрестанными твоими спутниками голод и жажда.

Ко всякому делу нужно приступать добросовестно и держаться середины, то есть и вперед не заскакивать, и не отставать. В свободное время книги читать нужно душеполезные, и читать надо тогда, когда ум устанет от внимательного молитвенного напряжения. Всячески избегай тех мест, где ты не получаешь пользы к твоему спасению. Живущему с духовным отцом или в монастыре необходимо отсекать свою волю и исполнять святое послушание, которое выше поста и молитвы.

Подвиги, к которым не призвал тебя Господь, – не начинать. Все нужное на всех степенях молитвы описано здесь. Прилежи усердно молитве и всему, здесь сказанному.

Начав творить молитву Иисусову, человек отдается водительству Божию, и Господь Сам ведет таковых. Шествие иным путем бесплодно, покаяние без Господа невозможно. В неудачах нужно не отчаиваться, а предаваться в волю Божию, и тем в неуспехах пожнется плод успеваемости. В пищу воображению нужно дать гроб, в гробе – себя полагаемого и червями кишащее твое тело, на заботы о котором столько убито времени.

Ближним прощай все оскорбления и осуждения. Осуждай лишь себя, но не других. Дела других может судить лишь тот, кто предварительно осудил справедливо себя.

В молитве не мудрствуй, а читай просто со вниманием, имея веру дитяти, что Бог близ и слышит слова молитвы твоей. При неудачах не малодушествуй.

Не допускай мыслей, что достигнешь того-то и тогда-то. Все дела находятся в руках Божиих. Он дает дары лишь тогда, когда мы исполнением воли Божией бываем достойны их и когда имеем способность воспринять их, а иначе новое вино из наших ветхих мехов может разлиться.

Бог одаряет не ранее соответствующего молитвенного устроения, а от нас требуется постоянное самоосуждение. Твое дело – всегда себя нудить и всячески отдаваться в промышляющую о нас Божию волю, находясь в терпеливом ожидании, ни за что не оставляя молитву.

Пять внешних чувств, то есть зрение, слух, вкус, осязание и обоняние – не распускай, всячески их стесняй, чтобы эти проводники зла в сердце, уводящие от молитвы соблазняя на внешнее, не господствовали властно над тобой, увлекая тем, что тобою воспринято.

Помыслы, приходящие из сердца, нужно отгонять, разбивая их в молитве о камень имени Божия, всегда читая ее со вниманием, трезвясь и бодрствуя над чувствами.

Делание молитвы проходи так, чтобы ничто в твоей келии не могло развлекать тебя, а споспешествовало собиранию ума. Всего, случающегося при молитвенном делании, описать невозможно, да и не все находятся в одинаковых условиях жизни, но всем необходимо всегда быть с молитвою.

Если падаешь, то есть забываешь молитву, помыслами развлекаешься, – вставай, вспомнив о молитве, внимай и читай. И всякий раз, когда вспомнишь, снова начинай и слушай, чтобы молитва звучала в уме и сердце.

Всего, встречающегося при молитвенном делании, как сказано, описать невозможно, достаточное же для руководства на этих степенях молитвы здесь описано подробно и просто. Такие описания найти нелегко, что бывало величайшей скорбью при моей немощи в молитвенном делании.

У святых отцов об умно-сердечной молитве писалось, но они, чуть раскрыв нужное, немедля и сокрывали, лишь наводя мысль на предстоящие вопросы, а начинающие обращались с этими вопросами к опытным, которых тогда было в достатке, и те разъясняли им, помогали разбираться в недоумениях.

Здесь все описано подробно, в соответствии с учением отцов, без каких-либо умолчаний и сокрытий, ради пользы молящихся, так как знающих умное делание, спасающее человека зрением своей греховности и немощи через сокрушение и очищение сердца, почти не осталось. При такой нужде требуется, не скрывая ничего, давать нужные ответы на разрешение всяческих недоумений, чтобы ум с душою, горько скорбя и унывая, не впадали в отчаяние. В делании молитвы человек встречается со множеством различных искушений, смущается и бывает почти не способен уразумевать сказанное в писаниях кратко и сокровенно.

Святые отцы имели умы совершенные, и то, что у нас вызывает недоумение, для них было вполне ясно, поэтому в подробностях они не писали, а подробности было кому пояснить, делатели имелись.

Время деятельной молитвы, время самопринуждения себя к молитве определить годами или десятками лет невозможно. Все зависит от усердия человека, от образа жизни, проведенной до молитвы, от закоснелости сердца в страстях и самолюбии, и от таких

причин, как быстр или медлителен он в порывании связей с миром, от желания превращения в человека иного, удаляющегося от общества, как скоро готов человек оставить положение, имение, деньги. Но при всех условиях закон для всех один – придерживаться указанного, творить и творить молитву, и ни в коем случае не оставлять ее.

Деланием молитвенным никогда не хвались, и о нем, кроме старца, никому не говори: оно совершается в тайнике сердца не для похвалы, нет, а чтобы избавиться благодатью от страстей, от греха и диавола. Ты, грешник, имеешь в молитве нужду не для самовозношения, не для разглагольствования о ней, не для похвал, а для восприятия благодатью, полученной через молитву, сердечной чистоты.

Правила большого себе не назначай, а правилом имей «непрестанное правило», то есть непрестанную молитву. Обычное правило имей такое: вечером читай молитвы вечерние, а утром – утренние, читай акафисты, каноны, кафизмы и что еще можешь. Надо читать по главе из Евангелия и Посланий апостольских, – и прилагай после всего по пятьсот молитв Иисусовых – и вечером и утром. А когда имеются неотложные дела, испроси прощения у Бога, осуди себя, вздохни из глубины, и, не смущаясь делай дело твое, заменив обычное правило молитвой Иисусовой. Правило, читаемое по книге, по мере навыка молитве Иисусовой можно уменьшать, а число молитв Иисусовых нужно увеличивать, так как молитва Иисусова постепенно увлекает ум, и он неохотно оставляет ее. Время между вечерним и утренним правилом проводи с молитвой Иисусовой.

Не давай доброволько никаких обещаний, так как неисполнение обещаний бывает причиной смущений, а исполнив обещание, не избежишь мысли самопохваляющей или даже горделивой. Хорошо делать так: не обещать, но все желательное исполнять с помощью Божией.

Правил с намерением – «обязательно выполню» – не набирай. В жизни всякого человека встречается такое, что исполнение правил делается невозможным, а с нарушением обязательств утрачивается цена и ранее исполненного правила. В этом вопросе удобнее держаться такого порядка: установи длительность твоего правила – час, полтора, два, три и больше, – в зависимости от возможностей, и делай, за исключением действительной невозможности, не отступая, но все это – без особых обещаний.

В недоумениях не унывай чрезмерно, молись, и Господь укажет разрешение или чрез голос совести, или через писания богодухновенных святых отцов, или через Святое Писание. Все делай так, чтобы не поступать против воли Божией, явленной в Законе Божием, который нам даден как руководитель исполнения воли Божией.

Что касается писаний святых отцов-трезвенников о молитве Иисусовой и об отыскании умом сердца, о сидении на пяделъном стулъце, о преклонении головы, о напряжении мышц, сопутствующем вниманию, молитве, то их указания направлены на отыскание сердца, где стоять вниманием, творя молитву, чтобы молитва удобнее посекала всю злобу, из сердца чрез помыслы исходящую и желающую проникнуть в сердце извне. Ты же поступай так, как здесь указано - просто и кратко, и неоднократно делай так - и не ошибешься. А о вхождении в сердце ты не беспокойся, лишь делай молитву, борясь со страстями, в чистое сердце Господь Сам входит, вводя с Собою и ум, и молитву, ибо сердце есть обитель Божия, и путь в нее знает лишь один Бог. Он им входит Сам и с Собою вводит достойный ум, дабы обитать с Богом в сердце.

Пока сердце кипит страстями, или хотя бы еще какой-то один грех держится в нем, до тех пор в нем Господу быть невозможно. Где Господь, там нет греха, а без Господа и уму, и молитве в сердце быть бесполезно.

Господь вне сердца и молитва с умом вне его. Господь, очистив сердце Себе в обитель, входит в него, а за Господом неотступно следуют в сердце и молитва, и ум, ибо в молитве имя Божие, а где нет Господа, там нет и имени Его Святого, - так следует разуметь и о сердце, и о пути в сердце.

Будь, делатель молитвы, в простоте, а не в ухищрениях дерзости. Господь слышит молитву, - веруй сему и молись. С помыслами не соглашайся, греховного всего избегай, себя считай грешнейшим всех и худороднейшим, и не достойным Бога. Плачь, скорби, вниманий молитве и молись.

О МОЛИТВЕ САМОДВИЖНОЙ

После всего, совершенного на пути покаяния, то есть после дней скорби великой, человек приходит во всецелую преданность воле Божией и становится сыном Богу по благодати. Ум его с молитвою вводится Богом в сердце на делание молитвы умно-сердечной самодвижной.

Отныне человек, исполнивший всецело волю Божию, познает ее истинно познанием истинно-духовно-целомудрого ума, хотя еще едва приблизился к одной из обителей ума, о которых сказано Господом: В дому Отца Моего обители многи суть[1].

Ум, войдя в сердце, праздно не стоит, а вместе с сердцем начинает творить молитву не словом уже, и не мыслью, а самим сердечным молитвенным чувством, не прекращающимся, не останавливающимся

[1] Ин. 14,2.

даже и во время сна, и во всякое время, так как чувство это вполне непрестанно. И молится человек непрерывно всем существом своего умно-сердечного естества ко Господу, поверяя Ему и повергая перед Ним всего себя с благодарностью сердечной, так как с молитвою в сердце вошли все добродетели, а в числе их стала чувством сердца и благодарность сердечная.

Так человек начинает проводить жизнь истинно духовно-добродетельную, когда добродетели делаются не напоказ, а от всего сердца и в самом сердце. Ум, войдя в сердце однажды, уже никогда не выходит вовне, разве что доброволько пожелает обратиться ко внешнему, а если и касается внешнего, то лишь по необходимости, где и когда нужно, и то лишь поверхностно, без участия всего сердца.

Ум, войдя с Богом в сердце – в сердечные чувства духовные, непрестанно беседует с Богом, приближаясь к Нему душою своею деланием молитвы, проводя жизнь духовную, истинную, целомудренную.

Добродетели действием молитвы возрастают, усиливаются, совершенствуются, приходят от силы в силу[1]. Рост в полную меру одной из добродетелей влечет за собой возрастание других в ту же меру, ибо добродетели все одного естества и составляют одну единую душу. Добродетелей всех без одной и одной без всех не бывает, они пребывают в сердце и именуются истинными, а Истина одна и нераздельна.

Первой из истинных добродетелей, по вхождении ума в сердце, появляется добродетелей смирения, как виновная в очищении сердца. Истинное смирение есть не что иное, как истинное познание самого себя, приводящее человека к смиренномудрию. При этом человек познает ничтожество своего горделивого «я», из ничего Промыслом Божиим созданного и в ничтожество свое возвратившегося.

Когда Господь дарует человеку познать самого себя как самое ничтожное из всего сущего, тогда, нераздельно с самопознанием, дается ему и познание Бога, у святых отцов именуемое ведением истины. Ведение истины – Бога, по сути, является разумным видением Бога истинно духовными очами. Бог дает познать Себя, вкусить Себя, что и составляет искомую суть человеческой жизни. Это великий дар и награда, ни с чем не сравнимая. Вот почему она не может быть дарована ранее, в деятельный период, когда человек пребывает в ветхом состоянии.

Где дары, там и Сам податель даров – Бог. Кому Бог даровал истинную добродетель, тому дарует и Себя Самого, так как истинная

[1] Пс. 83,8.

добродетель есть добродетель Божия. Потому человек, получив от Бога искомое ведение истины, жить начинает по Божьи, что и называется «жизнью по Богу».

Во всецелой преданности в волю Божию человек начинает жить истинно-духовно – и это уже навсегда. До этого человек жил мудрованием плотским, хотя мог именоваться и слыть в обществе человеком духовным, – но это ошибочно.

О МОЛИТВЕ УМНО-СЕРДЕЧНОЙ ЧИСТОЙ И НЕПАРИТЕЛЬНОЙ

Выше упомянуто, что после всецелой преданности в волю Божию первая степень уже истинно духовной молитвы называется умно-сердечной самодвижной. О ней хотя и немного говорилось, но вполне достаточно. За ней следует более совершенная степень молитвы – молитва чистая или непарительная. Такая умно-сердечная молитва совершается умом и сердцем, уже полностью очищенным от помрачения и страстей.

Сердце, очищенное от страстей, молится чисто, помыслы из такого сердца уже не исходят, поэтому с чистотой неразлучна непарительность, когда ум избавлен от помыслов и греховных желаний. Такая молитва является истинно-созерцательной, и человек теперь живет истинно духовной, целомудренной, созерцательной жизнью и созерцательно молится в истине Духом Святым. Добродетели истинного целомудрия души и ума взращиваются Господом во все более высокие степени.

Господь человеку благодетельствует настолько, насколько его ум способен воспринять, а душа почувствовать посылаемую благодать.

Бог всего Себя отдает человеку, и вопиет человек ко Господу, истаивая от Господней благоволительной к нему любви: «Утиши волны благодати Твоея, Отче Святый, ибо я таю, как воск».

Созерцательная молитва предваряет собой высшую степень всех добродетелей – молитву зрительную. В молитве зрительной ум непосредственно зрит Бога, постигая все дела Домостроительства Божиего, начиная от Совета Божия о сотворении человека и кончая Вторым Пришествием Христовым, простираясь до разумения великих Божественных тайн.

Истинно-духовная жизнь начинается с восприятия человеком усыновления Богу по благодати, а поскольку человек становится сыном, постольку становится духовным наследником Отца Небесного, подобно Христу, и Тот дарует ему, сыну по благодати, ум Христов, дабы усыновившийся жил им во славу Бога.

ПАСХАЛЬНОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

В светлый праздник Святой Пасхи 15 апреля 2012 года Митрополит Самарский и Сызранский Сергий «во внимание к трудам по восстановлению Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря с. Подгоры Самарской области» вручил настоятельнице игумении Анастасии (Шестун) орден Русской православной Церкви святой равноапостольной княгини Ольги III степени. В ответ на поздравление игумения Анастасия подарила Владыке образ Иова Многострадального.

Матушка Анастасия уже в зрелом возрасте приняла монашество, стала игуменией. Много сил и души вложила в создание и устройство своего детища – Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря. Она известна своим рвением, благочестивой жизнью, заботой об обители и ее сестрах, а главное, молитвенным предстательством за народ Божий, который на протяжении многих веков был благочестивым и хранил православную веру.

Монастырь – это лампада, зажженная перед Господом, где человек раскрывает свою душу, познает тайну бытия и молится о мире всего мира, взывая к Божественной правде. Только через молитву, через осознание Божественного присутствия человек возрастает в Боге, становится достойным сосудом Его благодати. И матушка Анастасия имела эту благодать. Она глубоко понимала смысл и цель христианской жизни. Будучи еще и творческим человеком, воспевала Божественную красоту в своих стихах. Этот дар Божий, который она на протяжении жизни продолжала развивать, был проникнут чувством любви и радости.

Игумения Анастасия – славный, светлый человек, много сделавший для возрождения монастыря, привлечения молодых послушниц и инокинь в эту обитель. Сегодня святая Церковь нуждается в таких подвижниках, которые беззаветно молились бы Богу не только за себя, но и за наше многострадальное Отечество. Таких, как матушка, жившая идеей духовного обновления нашей русской земли.

В последние годы матушка Анастасия много болела, но этот крест она, хрупкая женщина, ради Господа, ради ближних несла радостно, благодушно и мужественно, во всем полагаясь на милость Божию, свидетельствуя апостольскую православную веру.

Мы верим, что в мире ином она молится о нас, о русской земле, о своем монастыре, инокинях, послушницах и о том, чтобы Господь даровал нашему народу духовное обновление, о том, чтобы мы стали лучше, чище и приблизились к Богу.

Игумения Анастасия была подвижницей и стремилась через жизнь монастыря принести благодатное действие на нашу землю. Дай Бог, чтобы матушкиными молитвами и нам Господь даровал силу, терпение перенести достойно и праведно все испытания и наследовать жизнь вечную.

(Из слова о матушке Анастасии)

УРОКИ ЛЮБВИ

К годовщине памяти игумении АНАСТАСИИ (Шестун), первой настоятельницы Заволжского Свято-Ильинского женского монастыря (†22.06.2012 г.)

«ДАВАЙ ПОГОВОРИМ...»

Писать о матушке, игумении Анастасии... Как можно уместить в листок текста годы, мгновения, чувства, мысли? Я долго думала, что же главное было вынесено из моего знакомства с матушкой? На чем остановиться, о чем рассказать? О моих рыданиях после первой исповеди в классе духовного училища и о спокойном, тихом голосе матушки: «Вот и славно, вот и хорошо», и о ее любящем, поистине материнском, объятии с поглаживанием по голове. Или о ее отношении к делам прихода, когда она, проходя по коридору, - красивая, статная,

нарядная – замечала и распахнувшуюся створку окна (будет дуть прихожанам), и не поставленную на место скамью, и неубранный строительный мусор, и шалившего ребенка? Да обо всем этом можно рассказывать и вспоминать бесконечно...

Но вот однажды, выходя после Литургии из Покровского собора, у ворот я замечаю матушку (тогда еще Ирину) и тороплюсь поздороваться. «У тебя найдется немного времени?» – интересуется она. А как же иначе, если любимый человек так спрашивает, время обязательно есть! «Я тебя провожу», – говорит матушка, и мы не спеша идем в сторону улицы Льва Толстого.

За несколько минут до пострига

– Мне не спалось, я тут немного насочиняла, – делится матушка и начинает читать свои стихи, еще нигде не печатавшиеся. И какие стихи!

А потом матушка пела песни на свои же стихи. Я ни о чем не спрашивала, да и не требовалось, – обо всем красноречиво говорилось в стихах и песнях. Я поняла, что матушка больна, и больна серьезно. И я только плакала вместе с ней о том, что высказывала ее душа. Часа два мы ходили по Ленинской от улицы Льва Толстого до Ленинградской и обратно. Так много было спето и прочитано, что все запомнить не удалось, но смысл отдельных стихов не забуду никогда. «Ах, как хочется жить! Внуков ласкать, правнуков благословлять...» А в конце – с такой верою и смирением о том, что если это Промысл и воля Твоя, то согласна на этот мой ранний исход.

При расставании попросила матушку переписать для меня ее стихи. Напоминая об этом еще и еще раз, получила наконец такой ответ: «Да я и сама не знаю, оставлю их или сожгу». Больше мы к этому разговору не возвращались, но потом ее лирика, творившаяся на одном дыхании, тот импровизированный маленький концерт, то откровение помогли мне в дальнейшем правильно понимать смысл дел и поступков матушки. Как она находила в себе силы жить, созидать, заниматься творчеством, помогать тем, кто рядом. Необыкновенный человек! Какая глубокая вера освещала ее жизнь, какое смирение и послушание воле Божией!

А потом, уже в восстановленном храме Преподобного Сергия Радонежского, она сообщила доверительно:

– Отец Мирон сказал, что постригет отца Евгения и меня в монахи с именами Георгия Победоносца и Анастасии Узорешительницы, – и, увидев мое лицо, постаралась успокоить:

– Не, волнуйся, это будет не скоро, ближе к смерти...

Слава Богу, матушка еще успела и в монашестве сделать так много, а самое главное, – создать монастырь. Как она любила свое детище! С каким удовольствием рассказывала о его будущем, особенно во время моего последнего приезда, когда остановившись на ступеньках новой трапезной, мы вспоминали первую, что была под открытым небом, и дачный домик, служивший паломнической, и армейские палатки, в которых жили трудники, и как привозили в бидонах воду из сельской колонки, и, конечно же, особый дух созидания, поселившийся в монастыре. Рассуждая о будущем, матушка обычно добавляла: «А это уже после меня». Мне не хотелось в это верить, как не хочется признавать случившееся и теперь. Так и кажется, что вот сейчас выйдет из игуменского дома матушка и пригласит посидеть на скамеечке в тенёк: «Да никуда не убежит твое послушание, давай поговорим». И так в разговоре, тихо и ненавязчиво ссылаясь на собственные

Заволжский Свято-Ильинский женский монастырь

примеры, ответит на мучавшие тебя вопросы, да и задавать-то их вовсе не придется, все она знает наперед и сердцем понимает тебя.

«ТАК НРАВИТСЯ БАТЮШКЕ...»

Послушание мое на дни отпуска батюшка определил так: село Подгоры, работа в трапезной у восстанавливаемого храма Илии Пророка. Позже здесь появится монастырь, а пока только горы строительного мусора, дачный домик на «курьих ножках», служащий паломнической, и место моего послушания... Это утрамбованная и присыпанная песком площадка, в которую вбито девять столбов по периметру. Крыша – из чего попало, стены – натянутый между столбами рубероид, и только в торцевой стене от входа вместо рубероида – толстый полиэтилен, поэтому свет беспрепятственно проникает в трапезную. Справа – сколоченные из досок длинный стол и лавки. И наконец слева – сложенная из кирпичей плита, которая топится дровами.

В меню на первое сегодня борщ! Посуда после завтрака перемыта и вытерта, накрыта свежими полотенцами. Моя задача – подготовить все необходимое для этого дивного блюда и (чего я совсем не умею) – разжечь плиту. Поленья в печи никак не разгораются, газеты и стружки тут же затухают, ветер бросает из печки в глаза золу! Сплошное отчаяние... Словно услышав мои стенания, из-за шторки

выглядывает матушка Ирина (в будущем игумения Анастасия). Интересуется успехами на кулинарном поприще, видит мои тщетные усилия, как бы невзначай сообщает, что к обеду ждем батюшку, и исчезает. На помощь спешит монахиня Нина и очень даже просто, как бы мимоходом, разжигает печь и тотчас убегает – на другое послушание. Оказывается, это матушка прислала ее на подмогу. Пока закипает вода, мою, чищу овощи, тороплюсь, переживаю, а вдруг не успею. Но появляется матушка, надевает фартук и встает к столу со словами: «Я только покажу тебе, что и как надо шинковать, – уточняя, – так любит батюшка».

Теперь мы у стола вдвоем, начинается обычный диалог хозяек на кухне – кто, что и как именно готовит. Замечаю: матушка все время подчеркивает: «так нравится батюшке». Морковь шинкуем тонко, потому что «так нравится батюшке», капусту нарезаем по-особому, картофель оставляем целиком. Вот тут-то и начинаю понимать, что эти уточнения адресованы именно мне. Чего уж греха таить, дома готовлю, как нравится мне, и только то, что предпочитаю сама, а если в дело пошла картошка, непременно появится пюре, которое мужу не особенно-то и по душе.

Вот такой урок получила я... Внимательности, заботы и любви! А борщ тогда действительно получился отменный, такой, «как нравится батюшке».

«ЗАБЛУДШИЕ ОВЕЧКИ»

Свято-Ильинский женский монастырь, село Подгоры. Лето. Мы с игуменией Анастасией снова беседуем на лавочке в тени. В воротах появляется машина «с гор», из мужского монастыря. Она резко тормозит на площадке, но из нее почему-то никто не выходит. Длится целая вечность – десять минут – но никто так и не появляется.

– Может быть, плохо шоферу? – начинаю волноваться я.

Матушка успокаивает:

– Меня увидели, – надо за благословением подойти, а сами, наверное, «на грудь» уже приняли, стыдно, поди. Но мы не уйдем, мы их пересидим: мы же в теньке, а они на жаре.

И правда: медленно, как бы нехотя, открываются дверцы машины, и двое послушников так же медленно, уныло склонив головы, направляются к матушке. Когда подходят, становится заметно, что хоть и немного, но все-таки «принято». Со словами «повинную голову меч не сечет» наклоняются к матушке за благословением.

– Опять приложились к зелью? – Вздыхает она и обращается к послушнику что постарше:

– Вот я сейчас тебе чуб-то надеру.

Послушник смиренно частит:

– Простите, простите, матушка...

– Опять, скажете, бес попутал? Сами себя вы попутали. В проступке своем признаетесь батюшке, как приедет. Идите в трапезную.

Когда нарушители спокойствия уходят, сочувственно продолжает:

– Жалко-то как их, жалко до слез, ведь все от них отказываются! Даже родители, приезжая сюда, вопиют: «Не можем больше терпеть!» Жены подают на развод, дети отворачиваются...

– А жалко-то как, жалко, – продолжает огорчаться матушка. – Создания Божии, они и сами не рады, что в такую зависимость попали, к лукавому в плен. Ни родственникам, ни государству не нужны. А если и мы их прогоним? Нет, Богу-то они всегда нужны, Он и за них кровь Свою пролил!

Мне тут один таксист заявил, что у нас монахи пьют. А я ему: «Ты им бутылки-то не вози! Неизвестно еще, кто более зависимый! Они-то немощь свою осознали, к Богу пришли, молятся, просят их простить и исправить. Вам ли, таксистам, не знать, что в монастыре на спиртное запрет, – все равно бутылочки возить продолжаете. Хоть бы раз глаза к небу подняли: „Господи, своим же зло делаем!“ А все из-за звонкой монеты. Людей губите и остановиться не можете! Наши-то несчастные сами себе вредят, а вы из-за своей жадности не щадите ни молодых, ни старых. Так чья же страсть страшнее?»

«И что же таксист?» – поинтересовалась я. «Молчал, сказать нечего... А сердце-то за наших "овечек" так болит...»

О чем подумалось в тот момент? Да конечно же о том, что именно здесь, в монастыре «заблудшим овечкам» помогут найти свой спасительный путь.

ПРИГЛАШАЮ ВСЕХ НА СКАЗКУ

В одно лето в женском монастыре оказалось так много детей с мамами, тетушками и бабушками, что в паломническом деревенском доме началось вавилонское столпотворение. А дети собрались всяких возрастов: от мала до велика. Утихомирить их, призвать к порядку оказалось не так-то просто. Все мы, постоянно приезжающие в монастырь, лишались тишины, покоя, молитвенного настроения, что очень раздражало. Особенно трудно пришлось с двумя близняшками, оставленными жить в монастыре самостоятельно, без взрослых. Их неуемной энергии, проделкам, поднимаемому в любое время суток шуму, казалось, не будет конца. И когда мы, взрослые, превратились в «пороховые бочки», готовые вспыхнуть от малейшей искры, я была «откомандирована» к игумении Анастасии. Но матушка была больна.

Тогда я высказала свои замечания монахине Нине и попросила передать их матушке, надеясь получить и благословение на переселение в частный дом, где готова была арендовать койку. Но, к моему удивлению, вечером, когда я зашла за продуктами в монашескую трапезную, инокиня Нина передала мне ответ матушки: «А ты постарайся их полюбить!» О переселении и речи не шло, так что мне предстояло и следующую ночь провести, как в кошмарном сне. По дороге в паломническую трапезную я продолжала возмущаться: ну, матушка, ну придумала: полюбить...

Да как можно их полюбить, когда они на боку дыру вертят? Но когда наконец я немного успокоилась, мысли прояснились: нет, не станет матушка говорить ради красного словца.

Решение пришло по молитвам матушки незамедлительно. После ужина, когда обычно дети как оголтелые носились по двору, я пригласила всех на сказку. К удивлению, собрались и самые маленькие, и те, кто гораздо старше...

Я начала рассказывать всем известный «Цветик-семицветик»:

Лети-лети лепесток, через запад - на восток,
Через север - через юг, возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли, быть по-моему вели!..

Потом строфу за строфой повторяли уже хором. А затем завязался между нами разговор о желаниях. Я спросила: «О каком желании больше всего хотелось бы вам поведать сорванному лепестку?» Естественно, желания были разные: хотелось и мира на земле, и братика маленького, и компьютер в подарок, и просто конфет...

Вдруг одна из наших непосед произнесла: «Чтобы папа с мамой не разводились» - и чуть не расплакалась. Ах, как тут резануло в сердце! Как жалко стало этих девчушек, уже несущих свой крест за неразумных, себялюбивых родителей, как стали понятны их задиристость, резкость, непослушание. Только и смогла сказать: «Утром пойдем на Литургию и будем просить у Господа, чтобы ваше желание исполнилось».

Когда на ночь крестила их, прижала головенки к себе, поцеловала в макушечки, и обиды, раздражения как не бывало. Утром девочки проснулись сами, чтобы идти в храм.

Несколько дней спустя пришло время расставаться, но мне этого уже совсем не хотелось.

«СТАРИЦЫ»

В один из своих отпусков я несла послушание в Свято-Ильинском монастыре в паломнической трапезной. Этим летом начали появляться здесь экскурсанты от одного из туристических агенств Самары: посещение обители и источника Илии Пророка входило в программу экскурсии. Игумения Анастасия благословила кормить туристов в трапезной для паломников. Несшие послушание обычно готовили легкую еду, накрывали столы. Затем занимались подготовкой к ужину. И вот в один из таких «приемных дней» для экскурсантов я направилась к монахине Павле, выдававшей нам соответствующие меню продукты.

У храма Илии Пророка стояла матушка Анастасия и чему-то улыбалась. «Ну что, накормили паломников?» - спросила она. «Накормили, - отвечала я, - но кое-кто из них был явно разочарован, видно, не ожидали, что в трапезной столы да лавки из досок». Игумения рассмеялась: «Это еще что... А меня вот спросили, что же в монастыре старицы нет и не принимает никто, чтобы жизненный путь указывать? Восемьдесят лет при коммунистическом режиме жили, на партийных собраниях выступали, обличали, голосовали, а теперь в каждом монастыре чуть ли не святого подавай, да чтоб тебе сразу и путь жизни начертал!»

Мы смеемся, и матушка продолжает: «Хотя у нас тут одна старица недавно объявилась, правда, сокрытая, то ли из трудников, то ли из наших. Представляешь, я так долго подбирала сорочку нижнюю, чтобы по операционным швам не терла, из тонкой хлопчатобумажной ткани. Поносила, постирала да и на веревку повесила, знаешь, где все наше монашеское сушится. Ну, а снимать ее уж и не стала: порезали красоту-то мою. Посчитали, что слишком для игумении хороша. Ну, кто так может решить?! Только, с позволения сказать, «старица»! Представляешь, блаженная Мария (Матукасова) шила сорочки своими святыми ручками и раздавала. А наши новоявленные «старицы» другими созданные красивые вещи уничтожают, за всех все зная и понимая. Что им благословение моего духовного отца, что им игуменство мое? Что им операции мои, боль моя, проблемы мои? Где же любовь старческая? Оказывается, что любви вовсе и нет, одни слова из книг правильных. Только до смысла, до высот таких книг сначала еще добраться надо. Вот так, имей в виду, приедешь без меня, на тебя сразу власяницу-то и наденут!»

«Ох, матушка, увольте, не доросла, – смеюсь я. – Мне бы правило научиться не просто вычитывать, а молиться».

«То-то и оно, – соглашается матушка, – Ну, беги за продуктами, только прошу, не перетруждайся. Богу ведь не сорочки, не тапочки, не обессиленное наше тело, а сердце наше чистое нужно».

ГЛАЗА БОЯТСЯ, А РУКИ ДЕЛАЮТ

Прилетела радостная весть: батюшке определили строить храм Преподобного Сергия Радонежского. При первой же возможности мы с мужем тотчас поехали туда, где должны были заложить этот храм. Вероятно, там благодатное место, подумалось мне. Но взору предстало удручающее зрелище: полуразрушенное здание хлебного магазина, в оконные проемы жители близлежащих домов сбрасывали мусор и хлам... С чего начать?!

Как говорится, глаза боятся, а руки делают. И вот наступил день, когда осталось только навести чистоту после ремонта. Был брошен клич прихожанам, и наступил день уборки. Все мы в рабочей одежде ждем указаний. Матушка Ирина (будущая игумения Анастасия) со старостой Александром Ивановичем (ныне покойным монахом Герасимом) ставят на послушания - кому на какой участок работы идти, выдают инвентарь.

«А тебя кто сюда звал?», - обращается ко мне матушка. Она знает, что я только из больницы после операции. «Ну и что ты сможешь делать? Кирпич в цепочке не передашь!», - восклицает она. И у меня уже комок в горле. «Но ведь это дом Божий, хоть что-нибудь да смогу сделать», - упрашиваю я. «Всем хочется приложить старание ради украшения храма, чтобы потом здесь батюшка молился с амвона "за всех строителей и благоукрасителей", ну и хитрющая ты. Иди, бери скребок у Александра Ивановича и отскабливай кафельную плитку».

Какой дух всеобщей радости витает вокруг. Дух общего желания работать во славу Божию. Матушка появляется везде, на всех смотрит, за всеми наблюдает, и ничто не ускользает от ее внимательного взора.

Глаза веселые: «Даже не ожидали, что столько прихожан соберется помогать! У нас и инвентаря на такое количество людей не приготовлено, так и придется ведра и тряпки занимать.

Лица радостные, дети рядом крутятся, помогают, мешают ли больше, но никого это не раздражает, все их подхваливают. Привезли застекленные оконные блоки, которые сразу же моем,

мужчины устанавливают и закрепляют их. Кирпичи по цепочке из рук плывут и плывут к месту назначения, дети, наши помощники, просто в восторге! Двор подметается, двери и стены вот-вот отмоются. В общем, работа кипит.

Но увы, силы мои на исходе, их я просто не рассчитала, скребок и тряпка неожиданно потяжелели, кружится голова, и темп работы замедляется. Но матушка уже рядом, подхватывает меня под руки и приподнимает: «Оставь это, без тебя справятся. Я тебе другое послушание дам».

Она выводит меня на улицу. «Вот видишь, престол не освященный стоит, его в алтарь занесут, а ты пока сторожи, чтобы на него ничего не положили и бутерброды на нем не разворачивали!» Теперь я могу видеть работающих на улице – все снуют как муравьи, каждый своим делом занят, и любое оказывается весомой долей в деле большом и важном. Из разных уголков двора доносятся молитвы: то «Богородицу» поют, то «Отче наш», то «Царицу Преблагую». Хорошо на душе, радостно.

И тут я заметила, что к нам неторопливо приближается группа людей, по-видимому, из соседних домов. Минута-другая, и в наш адрес понеслись насмешки, даже угрозы. Так вот оно что, ведь это люди, требовавшие у райисполкома отдать здание магазина под «чайную». Первыми не выдержали дети: «Матушка, а что они дразнятся?» А матушка так спокойно: «Да пусть что хотят говорят! Не думайте, благодать Божия и их коснется, вот увидите, придут к нам в храм да еще какими прихожанами станут! А пока потерпите, молитесь лучше ради их воцерковления». Мы слушаем матушку и сохраняем молчание (с трудом, конечно).

И вот уже престол занесен в алтарь, двор чист, стекла блестят, двери, стены вымыты. Ко мне подсаживается усталая матушка: «Хорошо, правда, хорошо? Уходить не хочется?» «Не хочется», – соглашаюсь я.

А матушка оказалась права: постепенно в нашем приходе стали появляться новые прихожане – жильцы близлежащих домов, в том числе из тех, кто хулил нас в день нашей общей радостной уборки.

МОЖЕТ, В МАНТИИ ЛЕГЧЕ ВЗЛЕТЕТЬ?

Заканчивается мое отпускное послушание в Подгорах. Надо уезжать. Прощаюсь со всеми насельниками будущего монастыря, трудящимися сейчас на восстановлении храма Илии Пророка. Матушка Ирина (будущая игумения Анастасия) в своем красивом коричневом жакете, подаренном батюшкой, выходит из храма, где идет ремонт. «Я тебя провожу за околицу и посажу на попутную машину», - предлагает она мне.

Мы медленно идем по селу, будто вымершему: кругом тихо, избы закрыты и окна в них заколочены, не слышно голосов. «В селе несколько бабушек осталось, у кого можно молока купить. Дети покидают родные гнезда. А знаешь, когда здесь будет монастырь, село начнет оживать. Люди будут стремиться жить здесь, на земле, в храм ходить, молиться, детей рожать, воспитывать их на Евангелии, среди природы Жигулей». Мы как раз вышли за околицу. «Погляди, какая красота», - матушка поднимает руки, начинает кружиться и петь. Звуки ее нежного голоса разносятся далеко, за околицу, потом улетают в горы и к небу, где парят чайки. Закончив петь, оборачивается ко мне: «Побежим быстро-быстро и взлетим...» Я знаю, матушке бегать нельзя,

и говорю: «Нет, не взлетим, рюкзак за спиной тяжелый». «Эх, и маловерная же ты, Таисия! Хотя нельзя не согласиться, – рюкзаки наши тяжелы, тянут на землю. Но так хочется воспарить к небу, чтобы увидеть глаза Господа. Эти любящие и милостивые глаза! И больше ничего не надо. Может быть, в мантии, без рюкзака, легче будет взлететь?..»

К ПРАВОСЛАВНЫМ ИСТОКАМ

Первый год монашества матушки Анастасии. Иду за благословлением на отъезд из Подгорской общинки. Оказалось, что матушка сама завтра уезжает в Самару сразу после Литургии, поэтому предлагает ехать вместе, что очень радостно для меня. На следующий день по окончании службы, отдав последние распоряжения немногочисленным монахиням и послушницам, матушка усадила меня на заднее сидение машины вместе с монахиней Ниной и дала шоферу команду трогать. Мы покидаем восстанавливаемую обитель Илии Пророка.

Шофер, лихой парень, как называет его матушка, доставляет нас к пристани так рано, что даже «ОМика» из Самары еще нет. Мой порыв выйти из машины матушка останавливает: «Посидим в машине, не выходя на пристань, чтобы не смущать людей». Не понимаю почему, но переспрашивать не берусь. Когда же на пришедший «ОМик» уже объявляют посадку, мы выходим из машины, направляемся к билетной кассе, а потом в салон судна. У окон занято, и мы выбираем места ближе к проходу. Неожиданно сидящие рядом с нами пассажиры один за другим поднимаются и, захватив свои вещи, недовольно покидают наше «купе», оставив свободными лучшие места у окон. Пересев туда, мы продолжаем беседовать о будущей обители – у матушки самые радужные планы, а я замечаю, что поблизости никто не садится, хотя ряды по соседству заполнены до отказа. Двое детей, лет пяти, подходят к нам и с удивлением рассматривают матушку Нину, потом поворачиваются к матушке Анастасии и осторожно, вынув пальчики изо рта, дотрагиваются до матушкиной черной одежды. Матушка достает конфеты, протягивает малышам, но в это время мама одного из них бежит по проходу и резко разворачивает ребенка к себе, тащит сопротивляющегося и оглядывающегося сынишку ближе к выходу. «По улицам слона водили, как будто напоказ, – оборачивается ко мне матушка. – Незнание порождает суеверие – люди боятся черной одежды, – но мы теперь призваны даже своим видом просвещать народ и напоминать о Церкви, о монашестве, о священстве. Есть люди любознательные, которые спрашивают – кто мы, откуда и почему в черном? А другие бегут, пугаясь суеверных примет». Действительно, на пристани Проран вошли новые пассажиры и, в связи с отсутствием мест, прошли к нашему «купе», но заметив монахинь, не сели, а встали в сторонке, и только двое, стараясь не глядеть на нас, примостились на краешках скамеек и даже вещи в проходе оставили. Мне это было очень даже обидно и удивительно. Оказывается, многие люди вообще кроме суеверных примет ничего и знать-то не хотят. А монахини здесь, на правом берегу Волги, как миссионеры-первопроходцы.

«Ну, чего же ты хочешь? – в ответ на мои замечания говорит матушка. – Моисей сорок лет ходил с народом по пустыне, вывел его из египетского плена, а наша страна в большевистском восемьдесят лет была, и сколько теперь наш народ просвещать надо, один Господь знает! Ну, а мы потерпим – потерпим и взгляды косые, и пальцы у висков крутящиеся, – и суеверия разбиваться начнут. Вот увидишь, через год уже так вольготно сидеть не будем, привыкнет народ, узнает нас и нашу обитель, и нашу жизнь справедливо оценит».

Совсем недавно, покупая на рынке овощи и картофель, испуганно воскликнула: «Как же я все это донесу?!» И вдруг услышала от продавца: «С Божьей помощью, с Божьей помощью!» Вспомнила новопреставленную матушку Анастасию, ее слова, и подумала: а может быть, и поможет Бог, чтобы для возвращения в православие гораздо меньше времени понадобилось?

ШЬЕМ И ПОЕМ

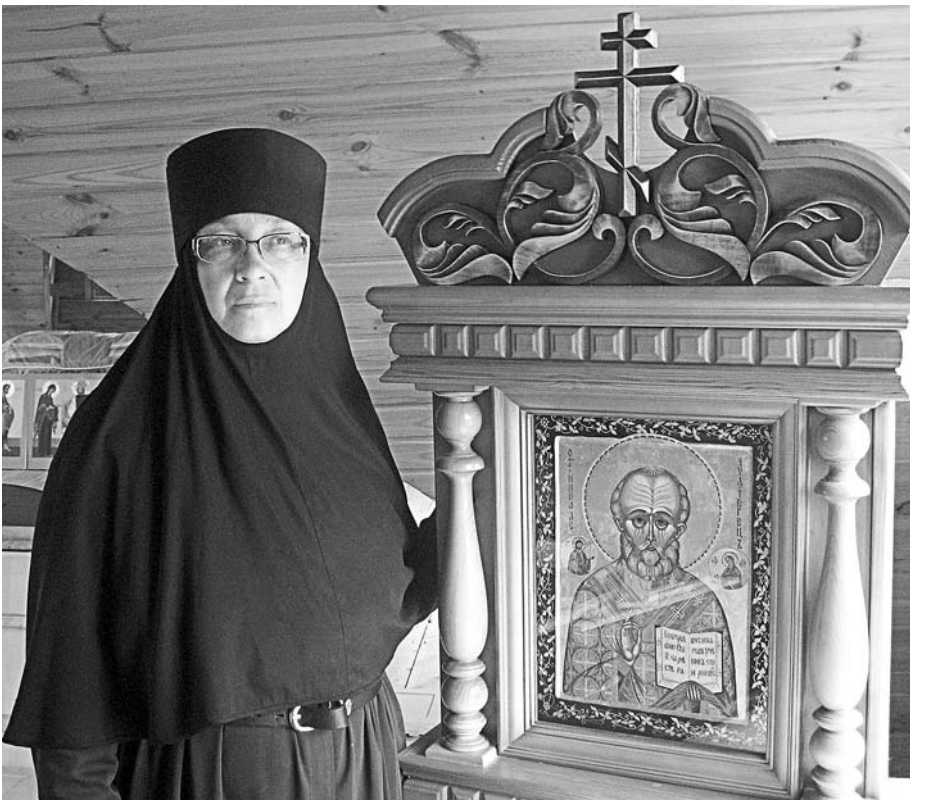
В один из наших приездов с мужем в монастырь Илии Пророка матушка Анастасия пригласила нас в «творческую мастерскую», как она сама выразилась. Мы поднялись на второй этаж игуменского дома, и я в изумлении застыла на пороге – на двух манекенах

блистали в солнечных лучах, льющихся из окон, царственные облачения. Особенно выделялось красное с вышитыми золотыми цветами. Матушка, светясь, спросила: «Нравится?» «Очень», - кивнула я и подошла поближе. Матушка тем временем стала объяснять: «Это мы батюшке решили сделать подарок к Пасхальной службе. Хотели сюрпризом, но не вышло. Как я ни закрывала, ни отворачивала манекен, батюшка разыскал его в самом дальнем углу, заставил показать и сразу огорчил: «Это прямо архиерейское облачение. Я такое не могу носить». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Теперь у Владыки самой придется брать благословение на такой подарок батюшке, без благословения ведь не наденет! А вышивать-то как было сложно, но зато и благодатно! Машинка стрекочет, молитва идет, - матушка засмеялась, - а когда увидели, что один цветок расположен не в том повороте, что остальные, потребовалось переделывать. То есть прежде всего выпарывать очень осторожно, чтобы ткань дорогую не порвать и не растянуть, - вот вам закалка духовная: благодари Господа, не раздражайся, не ищи виноватого!» Я поддерживаю матушку: «Как в той притче: что делают ваши дочери? - Шьют и поют! - А что делают ваши матери? - Распарывают и плачут!» «Вот именно, только матерей здесь нет, - заключает матушка, - поплакала сама, помолилась и распорола сама».

Когда я увидела на Пасхальной службе отца Георгия в этом облачении, поняла, что матушка получила на подарок благословение у Владыки.

ИКОНА

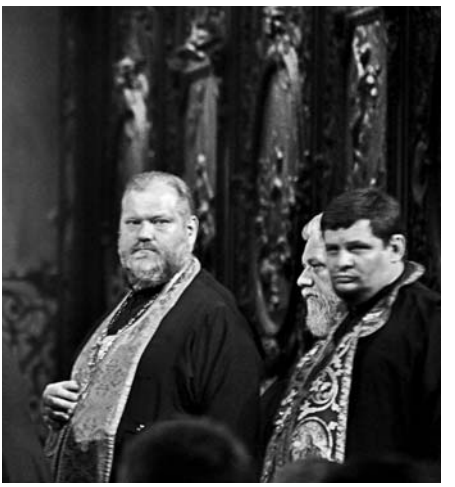
В другой приезд в монастырь матушка Анастасия, когда благословляла, потихоньку шепнула: «Напомни, чтобы я показала тебе чудо». Возможно ли забыть! И буквально на следующий день я стала гостьей в игуменском доме. Знакомый второй этаж, где меня встречает матушка. «Иди сюда и смотри», - она открывает мольберт, и я вижу пока еще незаконченную икону святителя Николая Чудотворца. «Знаешь, кто это пишет?»,- заговорщически прищурив глаза, спрашивает матушка. «Монахиня Нина - она у вас с художественным образованием», - уверена я. «Угадай с трех раз, - смеется матушка. - Это я пишу, а если точнее, то святитель Николай. Не зря же он чудотворец!» Матушка поясняет: «После постига как



дар открылся – стала пробовать писать. Смотрю и удивляюсь – получается! А эта икона – просто чудо явленное: смешиваю краски для определенного цвета – получается совсем другой! Не спорю с Чудотворцем, только молюсь, начинаю писать – здесь именно такой колер и нужен! И рука-то моя не сама движется, это святой ею водит. Вот еще по периметру выведу тонкие золотые веточки на темно-синем фоне и вот здесь четче пропишу. Чудо! Вот тебе и явление Николая-Чудотворца в нашем монастыре!»

Икону эту матушка подарила батюшке, а он благословил поместить ее в Благовещенском храме у распятия Спасителя, где она и находится по сей день. Прикладываясь к этой иконе, всегда вспоминаю матушку Анастасию и верю в чудесную силу святителя Николая, водившего рукой матушки для запечатления своего образа.

ПАЛОМНИЧЕСТВО К ХИТОНУ СПАСИТЕЛЯ



Отец Гермоген (слева)

Не передать словами, насколько это было удивительное путешествие – интересное, познавательное и очень радостное. Может быть, оно получилось таким потому, что выпало на послепасхальные недели. Как отрадно вспоминать ту праздничную атмосферу, когда мы после каждого молебна хором пели торжественный тропарь Воскресения Христова.

Всего за двенадцать дней мы объехали пять стран и посетили восемнадцать городов. За этот небольшой срок наша группа успела так сплотиться, что было грустно расставаться.

Первой страной, которую мы посетили, была Германия. После солнечной и теплой Москвы она встретила дождем и температурой плюс десять. Руководителем нашей группы был замечательный батюшка, игумен Гермоген (Ананьев). Зрители православного телеканала «Спас» знают его как одного из ведущих. Он обладает удивительной способностью превращать все неприятности в радости, и каждое наше утро начиналось с бодрых слов никогда не унывающего отца Гермогена: «А у нас сегодня радость!...»,– а после следовало то, что радостью назвать можно было с трудом. Но неисчерпаемый оптимизм отца Гермогена передался всей группе, и только благодаря этому паломничество проходило в сплошной радости. Батюшка превосходно вел экскурсии – интересно, с юмором, его рассказами можно было заслушаться. Кроме того, отец Гермоген прекрасно владел французским языком и без труда объяснялся с французами. Как только мы пересекали границу Франции, он облегченно вздыхал: «Уф, теперь хоть договориться можно!». Несмотря на то, что целый день с утра до вечера мы находились на экскурсиях, переезжая с одного места на другое, в постоянной беготне стараясь увидеть как можно больше, отстаивали по два-три молебна и в гостиницу приезжали только к ужину, отец Гермоген всегда был полон сил и оптимизма. Так, в Париже, в двенадцать часов ночи, когда мои родители возвращались из соседнего номера чуть

ли не ползком от усталости, они услышали чьи-то бодрые шаги: навстречу шел батюшка. Увидев удивленные взгляды, он замешкался, а потом оправдывающимся голосом сказал: «Да... что-то засиделся я... пойду, прогуляюсь...». Так благодаря отцу Гермогену все путешествие стало одной нескончаемой радостью.

Кельнский собор

Наше знакомство с христианской Европой началось с Кельна – одного из самых старинных городов Германии. Рядом с величественным Кельнским собором, который темной скалой возвышается над городом, притаилась старинная католическая церковь святого апостола Андрея Первозванного. Здесь в большом золотом ковчеге изумительной работы хранятся мощи семи мучеников Маккавейских. В Ветхом Завете есть упоминание о братьях[1], пострадавших в 166 году до Рождества Христова от нечестивого сирийского царя Антиоха IV, прозванного Епифаном. Твердо пошли они вслед за своим учителем Елеазаром на мучения, а после мученической кончины своих сыновей их мать, святая Соломония, став над телами детей, обратилась к Господу со слезами благодарности за то, что Он укрепил их пострадать за отеческие законы, и предала дух свой в руки Божии.

Издалека видны высоченные шпили Кельнского собора – крупнейшего католического собора Германии. Его строительство длилось более шестисот лет. Когда в 1248 году архиепископ Кельна заложил первый камень в его основание, открылась одна из самых длинных глав в истории европейского строительства, да и сейчас собор не перестают реставрировать и достраивать.

Главная святыня собора – мощи трех волхвов – Гаспара, Мелхиора и Валтасара, которые пришли поклониться новорожденному Христу и принесли Ему дары. После того, как император Фридрих Барбаросса в 1164 году принес в дар кельнскому архиепископу мощи, привезенные им из Милана, туда начали стекаться паломники со всей Европы. Один из искуснейших ювелиров своего времени создал золотой саркофаг, в котором и по сегодняшний день хранятся высоко почитаемые

[1] 2 Мак. 7, 2 – 40.

Церковь святого Павлина

Трирские этюды

мощи. При его изготовлении использовались только драгоценные материалы. Знаменитая «Рака Трех Королей» украшена тысячью драгоценных камней и жемчужин, увенчана узором тончайшей работы в форме вьющихся растений. Один из колоколов собора – «Колокол Трех Королей» – назван в честь святых волхвов. К сожалению, мы не смогли попасть к мощам волхвов: передняя часть собора, где они хранятся, была закрыта для посещения. Католики крайне своеобразно относятся к своим святыням: они могут вынести их на поклонение, а могут и не пустить к ним никого. Собор, остроконечные шпили которого уходят в небо, производит незабываемое впечатление. Несмотря на то, что Кельнский собор построен из серого рейнского камня, он выглядит невесомым, устремляющимся ввысь.

От площади перед собором начинается кельнский «Арбат» – самая оживленная и шумная улица города. Здесь очень много кофеен и кондитерских, продающих традиционные немецкие соленые крендели, «берлинеры» – пончики с джемом, и многие другие вкусности.

С погодой нам в Германии не повезло: все эти дни было холодно, время от времени моросил дождь. А когда заходили в соборы, то там становилось еще холоднее. Единственным теплым местом был большой и удобный автобус. В католических церквях и соборах очень холодно: в прямом и переносном смысле. Из углов дует ледяной ветер, а мрачные камни забирают малейшие остатки тепла. Так неуютно русской душе в величественных и помпезных, но пустых и холодных соборах.

Ночевали мы в пригороде Бекона, маленьком городке Зальмтале. Живописное курортное место, в нетуристический сезон даже очаровательнее. Быстрая извилистая речка, с шумом проходящая через

пороги, миниатюрные дома, пестрые цветники, цветущие даже при низкой температуре.

Утром мы отправились в Трир, в храм святого Павлина. Святой Павлин был епископом Трира, учеником святого Афанасия Великого. Он участвовал в соборе епископов в Арле, проповедовал христианство язычникам, был арестован и умер в тюрьме во Фригии в 358 году. В большом храме раздавались звуки органа, сотрясая каменные своды. Здесь это традиция, чтобы в каждой церкви был орган, звучание которого, если честно, подавляет своей грандиозностью.

Памятник святому Павлину. На книге надпись: «Иисус — Бог + человек»

В крипте церкви святого Павлина хранятся мощи семи тысяч трирских мучеников, пострадавших в гонения Диоклетиана (303 - 313 гг.). Храм стоит на месте их казни. Эти мученики малоизвестны в восточной традиции, хотя они принадлежат к эпохе единой Церкви и поэтому в равной мере почитаются на Западе как католиками, так и православными. Почти все жители города, от простого солдата до градоначальника, были казнены за отказ принести жертву языческим богам. Реки, куда сбрасывали тела христиан, становились алыми от крови. Небольшая крипта заполнена останками мучеников. На этом святом месте отец Гермоген отслужил молебен, а потом мы покинули храм.

Трирские этюды

В церкви свв. Евхариуса и Матфия на территории древнего бенедиктинского аббатства находятся мощи святого апостола Матфия[1]. Перед церковью стоит памятный крест - крест паломников, от которого были указатели на Рим и Сантьяго. Раньше от апостола Матфия паломники шли к мощам апостолов Петра и Павла, а далее - к мощам апостола Иакова. Сейчас этот крест просто украшает монастырский двор в качестве фонтана, из его основания бьют тонкие струйки воды.

[1] **Св.ап. Матфий (†ок. 63 г.) — сначала принадлежал к числу семидесяти меньших апостолов; по отпадению Иуды от лика двенадцати апостолов был причтен к их сонму.**

В крипте церкви находятся два массивных каменных гроба, в которых хранятся мощи первых епископов Трира – Евхариуса и Валерия. И здесь же в небольшой нише стоит каменный ковчег, опоясанный позолоченными металлическими лентами. В нем и покоятся мощи апостола Матфия, поклонившись которым, мы отправились к главной святыне Трира – хитону Спасителя. Он хранится в кафедральном соборе святого Петра, старейшем соборе Германии, который является одним из лучших образцов романской архитектуры, хотя изначально был построен как часовня для хранения великой реликвии. Кроме того, в соборе находится множество других святынь: глава святой Елены, сандалия и гвоздь святого Андрея Первозванного, частицы мощей святых праведных Богоотцев Иоакима и Анны. Но ввиду массового поклонения хитону, остальные святыни для посещения были закрыты.

Собор был заложен в 320-е годы по повелению императора Константина. Сама святая царица Елена отдала часть своего дворца под его строительство. Полностью возведение собора было завершено только в 1196 году. Как уже говорилось, собор хранит в своих стенах великую святыню – хитон Господа. Хитоном у древних греков называлась туника, древнеримская одежда, разновидность рубахи. Обычно она имела очень простой покрой: длинный кусок материи складывался вдвое и сшивался по краям. О хитоне Спасителя повествуется в Евангелии от Иоанна: «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху» (Ин. 19,23). То есть, если бы его начали делить, то хитон бы распустился на нитки, и только поэтому святыню отдали одному из воинов. Во время своего визита в Палестину царица Елена узнала, что в одной семье уже несколько поколений хранится хитон Господень и, выкупив его, привезла в Трир.

Ученые и специалисты, изучавшие хитон в разные годы, подтвердили его подлинность и сходятся во мнении, что возраст реликвии относится к I веку. Экспертиза показала, что на одеянии тот же состав растительной пыльцы, который обнаружен и на Туринской плащанице.

Вскоре после того, как царица Елена передала хитон Господень в Трир, его обшили со всех сторон в виде тканого ковчега, а с 1975 года он хранится в трех вложенных друг в друга ковчегах: стеклянном, серебряном и золотом. Но из-за длительного и часто неправильного хранения святыня стала очень ветхой; на некоторые, особо истлевшие участки, нашивались новые кусочки похожей ткани. Именно это усложняет работу ученых, устанавливающих точный возраст хитона.

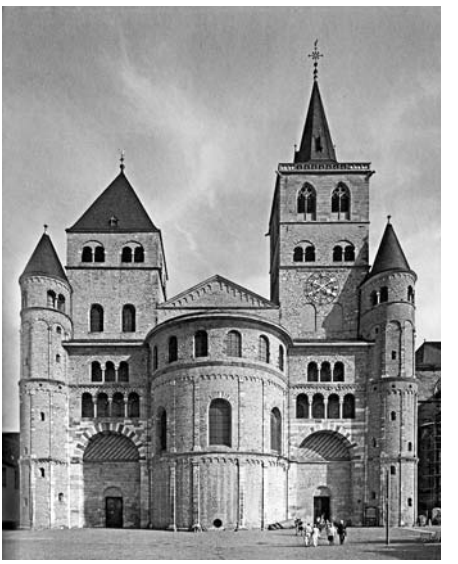
Хитон выносится на всеобщее поклонение несколько раз в столетие. В 2012 году исполнилось 500 лет с тех пор, как император Максимилиан I впервые выставил реликвию. С 13 апреля по 13 мая шел нескончаемый поток паломников со всего мира, чтобы прикоснуться к этой великой святыне. Следующая дата выноса хитона неизвест-

на, скорее всего это произойдет спустя несколько десятилетий.

Нельзя не отметить хорошую организацию поклонения. Несмотря на множество паломников и самый минимум распорядителей, очередь шла быстро. Всего мы стояли не более сорока минут, тогда как в подобных российских очередях и 12 часов считаются нормой.

Хитон Спасителя

Вокруг собора в деревянных ящиках стояли разукрашенные в яркие цвета длинные палки: желтые, розовые, голубые, зеленые, фиолетовые. Как мы узнали позже, они олицетворяют те самые пятьсот лет, прошедшие с момента первого выноса хитона.



Кафедральный собор св. Петра г. Трира

Только на месяц реликвию вынули из трех ковчегов и положили в один стеклянный, с заостренным концом, что, как оказалось, символизирует лодку. С хитона даже сняли тканый ковчег, что позволяло увидеть следы Крови Господа. Мрачный собор освящался благодатью, исходившей от великой святыни. Не верилось, что можно так близко увидеть и прикоснуться к одеянию, которое носил Сам Иисус Христос. Было прекрасно видно ветхую льняную красно-коричневую ткань с многочисленными потертостями. Интересно, что у католиков нет такого понятия – «прикладываться» к святыням. Они просто дотрагиваются до них рукой, которой потом прикасаются к своему лбу. Целуют предметы почитания только православные христиане.

На поклонение хитону приходили школы и детские сады. У всех детей на веревочке висел вырезанный из бумаги хитон как отличительный знак маленького паломника. Везде были натянуты огромные плакаты с красным силуэтом хитона и надписями «Heilige Rock». Казалось, что все люди, независимо от их национальности, были объединены стремлением поклониться этой великой святыне.

«Духовный Собеседник» – почтой

Предлагаем приобрести в редакции:

№60	№61	№62	№63	№64	№65
200 р.	200 р.	200 р.	150 р.	150 р.	150 р.

Цены указаны без стоимости пересылки по почте. Перед тем как отправить заявку, проконсультируйтесь о почтовых тарифах в местном отделении связи.

ДОРОГИЕ О ГОСПОДЕ ЧИТАТЕЛИ «ДУХОВНОГО СОБЕСЕДНИКА»!

Для получения очередного номера или прошлых номеров журнала «Духовный Собеседник» отправляйте свой заказ:

По почте письменной заявкой на адрес редакции.

По телефонам: (846) 334-12-72, 336-84-41.

По электронной почте **ds@samtel.ru.**

Через интернет-страницу: **www.sobesednik.orthodoxy.ru.**

Следующий номер «Духовного Собеседника» **(№66)** посвящается 10-летию Подгорских обителей, православному монашеству, становлению монастырской жизни в постбольшевистской России, возвращению к святоотеческим корням. Болью об утраченной православной Родине пронизаны размышления, которыми делится в своей работе Леонид Решетников, директор Российского института стратегических исследований (рубрика «Трибуна русской мысли»). Главы из нового произведения протоиерея Николая Агафонова повествуют о ратных подвигах русского духовенства. О жизни греческих монастырей читатель узнает из «Паломничества на Эгину». Завершается номер стихами поэтов-монахов.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В 2013 г. объявляется очередной набор на пастырское и регентское отделения Самарской Православной Духовной семинарии.

За справками обращаться по телефонам:
336-35-11, 338-05-18, 89277098410, 89272026616.

Приемная комиссия работает с 1 июля по 1 августа по адресу:
ул. Радонежская, д. 2 (семинария). Вступительные экзамены с 15 августа.

ДОБРОЕ ДАЯНИЕ

Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть... (Иак. 1, 17).

Всем доброхотам и благотворителям, желающим внести свой вклад в святое дело духовного возрождения и благовестия Христова в нашем Отечестве, имеющим возможность поддержать одно из лучших православных изданий России, сообщаем, что индивидуальные пожертвования можно присылать почтовым переводом по адресу: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2 или 443110, г. Самара, а/я 12892.

Доброхотна дателя любит Бог (2 Кор. 9, 7)

1-я стр. обложки: Памятник свв. Кириллу и Мефодию в г. Самаре. Скульптор В.М. Клыков. Фото Р. Ивановского.

2-я стр. обложки: Крестный ход в Кремле на праздник первоучителей Словенских. Фото Н. Новотарского.

3-я стр. обложки: Божественная литургия в Успенском соборе Московского Кремля в день памяти равноапостольных Мефодия и Кирилла. Праздничный молебен на Красной площади. Фото Н. Новотарского.